

Государственный университет Российской Федерации
по образованию

Уральский государственный университет
им. А. М. Горького
Факультет журналистики

М.М.КОВАЛЕВА

***ЛЕКЦИИ
ПО ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ЖУРНАЛИСТИКИ***

***Часть I.
XVIII в. - 40-е гг. XIX века.***

Екатеринбург
1996

Ковалева М.М.

Лекции по истории отечественной журналистики.

Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 1996. 176 с.

В учебном пособии представлены лекции, по-новому раскрывающие содержание журналистики XVIII-XIX веков. Включены характеристики периодических изданий, которые либо отсутствуют в современной учебной литературе, либо ограничены упоминаниями: "Северной пчелы", "Московского городского листка", "Литературной газеты" 40-х годов XIX века. Рассмотрена журналистская деятельность Н.А. Некрасова, экономические проблемы в периодике середины прошлого века, а также цензурная политика самодержавия.

Пособие может служить дополнением к существующим учебникам. Предназначено для студентов - журналистов, филологов, историков и политологов.

ISBN 5-7525-0493-7
4502010000
ИБ 851

© М.М. Ковалева, 1996.

ВВЕДЕНИЕ

История отечественной журналистики - сравнительно молодая отрасль науки. Пресса в России существует почти три века, но первые шаги в систематизации и изучении журналистики были предприняты только к середине 19 века. Н.Полевой, В.Белинский, Н.Чернышевский были первыми, кто обратился к исследованию ее исторических и теоретических проблем. В советское время коллектив ученых Москвы и Ленинграда (В.Г.Березина, А.Г.Дементьев, А.В.Западов, Б.И.Есин) создал первый в России учебник по истории отечественной журналистики, выдержавший три издания. Этот труд, а также написанная Б.И.Есиным "История русской журналистики XIX века" являются основными учебными пособиями для студентов факультетов и отделений журналистики.

Изменения в содержании и системе средств массовой информации, происходящие в последнее время, определяют необходимость расширения и углубления исторических знаний о печати в России. Прежде всего необходимо преодолеть границы устоявшейся идеологической схемы изучения прессы, когда ее история сводилась, в основном, к борьбе демократической и революционно-демократической печати с идеологией самодержавия. Безусловно, это была важная, но далеко не единственная магистраль развития русской журналистики. Ее история это не только часть политической истории страны, но и основной источник формирования профессиональной культуры работников средств массовой информации. В ней запечатлен бесценный и вполне применимый сегодня опыт организации газетно-журнальных комплексов, рекламного дела, разумной (и неразумной!) политики правительства в

области печати- словом, все то, что волнует журналистов и в наши дни.

Лекции по истории отечественной журналистики автор данного пособия читает в Уральском университете тридцать лет. Здесь представлены темы, проблематика которых мало освещена или отсутствует полностью в названных учебниках, а также монографиях и статьях коллег. В учебное пособие включены материалы по истории “Северной пчелы” “Литературной газеты” в 40-х годах 19 века, “Московского городского листка”, лекции о журналистской деятельности Н.А.Некрасова, об освещении экономических проблем в журналистике середины прошлого века. Более подробно представлена цензурная политика правительства. Данное учебное пособие рассматривается как дополнение к существующим учебникам, о которых говорилось выше, в связи с чем в нем отсутствует ряд тем, предусмотренных программой: журнально-публицистическая деятельность А.С.Пушкина, “Телескоп” Н.И.Надеждина, начало публицистической деятельности В.Г.Белинского и др. В основу концепции положен проблемно-исторический подход, в центре внимания - профессиональные вопросы журналистики как рода деятельности, учет ее специфики (политическая и литературная деятельность) и форм (газета и журнал), а также особенности и традиции, определяемые духовной и политической культурой России.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ПЕЧАТИ В РОССИИ.

В современной российской журналистике активно обсуждается целый ряд проблем, связанных с новыми условиями функционирования СМИ. Среди них содержание понятия “свобода печати” соотношение власти и прессы, способы поиска информации,

определение ее характера и др. Освобожденное от идеологических оков вольное русское слово выплеснулось на простор, зашумело, закипело страстями, взбудоражило общественное мнение и...неожиданно обнаружило все более отчетливое стремление к упорядочению, осознанию своей роли. Внешне привлекательная "система общечеловеческих ценностей" оказалась не вполне способной помочь журналисту найти путь к читателю. Падают тиражи изданий, закрываются газеты и каналы теле-и радиовещания. Очевидно, для того, чтобы осознать себя в настоящем, надо обратиться к прошлому. Недалекое, "тоталитарное" - перед глазами, от него ушли. Теперь надо дать себе труд отправиться в ту Россию, духовные ценности которой в 20-ом веке были основательно подзабыты. Среди этих ценностей великая русская журналистика, верное зеркало и строжайшая лаборатория общественного сознания, неотъемлемая часть культурного достояния страны.

Характер отдельной личности, как известно, складывается в детстве, начало функционирования любой системы заложено в момент создания. Это применимо и к журналистике в России, специфика которой была заложена при ее рождении. Первая особенность средств информации в нашей стране связана с тем, что журналистика создана была усилиями власти, волей царя, по указу "сверху". Если на Западе пресса возникает прежде всего как результат потребности в экономической информации (gazetta - название мелкой разменной монеты, которую платили за листок торговых новостей), то в России первая печатная газета "Ведомости" появилась в первую очередь и главным образом как средство политического руководства страной, как проводник петровских военных и политических преобразований.

Вторая особенность отечественной журналистики специфические условия ее существования. Среди них монополия правительства на печатное слово, которая

продолжалась первые полвека ее истории до 1759 года. Такого явления не было нигде в мире. Сюда же следует отнести и наличие политической цензуры, которая сопровождала журналистику в России на протяжении всей ее истории. Давление цензуры во многом определяло развитие основных типов изданий, публицистические приемы, заставляло искать и находить особые методы воздействия на читателя. В “одежде теории”, “эзоповым языком” отечественная журналистика научилась выносить на обсуждение общества самые острые политические проблемы.

Третья отличительная черта отечественной прессы ее тесная связь с литературой. Кажется, никто не оспаривает того мнения, что великая русская литература имеет свои национальные особенности, но по отношению к журналистике все большее распространение находят суждения о возможности создания единого, едва ли не мирового информационного порядка. При этом игнорируется исторический опыт развития журналистики в России, где она первые сто с лишним лет считалась частью словесности, а само слово “журналистика” появилось лишь в 1825 году. Такого сосуществования литературы и журналистики не было ни в одной стране мира, и если отечественная словесность у нас всегда выполняла “учительскую” миссию, считалась учебником жизни, а литераторы воспринимались обществом как идейные вожди и “колонновожатые” то очевидно, что нет никаких оснований отказывать русской журналистике в таких же функциях. Ее пропагандистский, учительский характер обусловлен не только тесной сопряженностью литературного и журналистского процесса. Сама эта сопряженность являлась отражением специфики общественного развития нашей страны, где и литература, и журналистика постоянно, с момента возникновения, находились под контролем государственной власти в виде духовной или государственной, или, как сейчас,

экономической цензуры. В таких условиях не развивалась ни одна литература, ни одна журналистика в мире.

Разрешив в 1759 году создание первого частного журнала Сумарокова “Трудолюбивая пчела”, правительство сразу же столкнулось с ясно выраженными оппозиционными настроениями. Убедившись в их опасности на практике журналистской деятельности Новикова, не убоившегося вступить в полемику с Екатериной по самому острому политическому вопросу - о крепостном праве, оно подвергло жестким репрессиям не только строптивого редактора, но и всех литераторов, посмеявшихся противоречить государственной власти хоть в самой малости: известны судьбы □ Радишева, поэта Княжнина, разгром типографии Крылова и драматурга Плавильщикова. Цензурой из сферы журналистской деятельности были полностью изъяты возможности обсуждения внутренней и внешней политики. Дело дошло до того, что журналист не мог оценивать игру актера на том основании, что театры в России были императорскими, а актер рассматривался как государственный служащий. Именно это обстоятельство и определило тот факт, что журналистика сосредоточилась на литературе, а все суждения по общественным проблемам проявились в недрах литературной критики, где оставалась возможность хотя бы в виде анализа художественного произведения высказывать свою точку зрения об окружающей действительности.

Характерной особенностью СМИ в России является факт существования на протяжении всей ее истории, вплоть до наших дней, системы так называемой правительственной, официальной журналистики (центральные, губернские, ведомственные и специализированные издания). “Машина для обработки умов” всегда действовала в России исправно, и эта традиция была в полной мере учтена и использована в опыте партийной журналистики. Частноиздательская

практика, возникшая в середине 18 века, смогла прочно стать на ноги, да и то под цензурным надзором, через сто лет.

Специфичным оказалось в России и отношение к основе журналистики факту. Официальная правительственная и проправительственная пресса предпочитала либо сухое информирование читателя в виде перепечатки правительственных указов, рескриптов губернских правлений, ведомственных сообщений, либо стремилась представить публике, по словам Булгарина, “как можно более необыкновенного, удивительного, редкого, странного, сверхестественного, страшного, смешного и вздорного” при этом не стеснялась и придумывать такого рода новости.

Качественная, серьезная журналистика шла иным путем. По мнению Белинского, “факт ничто, и одно знание факта тоже ничто. Все дело, утверждал он в обзоре литературы за 1842 год, “в разумении значения факта”, а познать его - значит “перевести факт на идею”

Открыто декларируя тенденциозность, идею, направление, лучшие русские журналисты прошлого ощущали себя, по словам Пушкина, людьми государственными” и свое служение Отечеству видели в том, чтобы “управлять общим мнением”. Они страшились “унижать себя в глазах публики недобросовестностью, переменчивостью, корыстолюбием или наглостью”. Высокая нравственность, интенсивность поиска идеала, общественной гармонии были их отличительными чертами. Карамзин, Пушкин, Гоголь, Некрасов, Достоевский, Салтыков-Щедрин, Толстой - вся история отечественной печати связана с этими именами. Было бы странным вообразить, что их журналистская деятельность имела иное содержание, чем художественное творчество, проникнутое идеалами добра и справедливости.

Они критиковали власть, противостояли ей с разной степенью успеха или отстранялись от нее, но никогда не

ошущали властью - себя. И это тоже великий завет и великая традиция отечественной культуры, частью которой является журналистика.

Свои особенности имеет и жанровая палитра российских СМИ, где исторически сложился приоритет публицистических жанров над информационными. В отличие от западных СМИ, в печати России долгое время ведущим типом издания был журнал, достигший вершины своего расцвета в типе "толстого" энциклопедического журнала. Стремительное развитие газетного дела началось лишь в 60-х годах XIX века. Оно вытеснило, но не исключило этот особый отряд российской прессы из сферы внимания читательской аудитории.

И, наконец, российской журналистике принадлежит уникальная по характеру и типам региональная пресса, получившая мощное развитие с 1838 года, когда во всех губерниях России были учреждены "Ведомости". Они явились стимулом для развития частноиздательской практики в провинциях. К сожалению, история региональной журналистики в России изучена еще не в полном объеме.

ЖУРНАЛИСТИКА ПЕРИОДА МОНОПОЛИИ ПРАВИТЕЛЬСТВА НА ПЕЧАТНОЕ СЛОВО (1702 - 1759 г.г.)

Первые отечественные периодические издания - рукописная газета "Куранты" и печатная газета "Ведомости" достаточно хорошо изучены как дореволюционными, так и советскими исследователями. По общему признанию ученых, они были серьезным явлением в политической жизни России, способствовали экономическому и культурному развитию страны, знакомили отечественного читателя с важнейшими событиями в сопредельных с Россией государствах. При этом зачастую подчеркивается заимствованный характер

информации, несамостоятельная позиция газет в отношении тех или иных явлений. Особенно часто такого рода суждения высказываются по отношению к рукописной газете **“Куранты”**

Первые упоминания о ней относятся к 1621 году. Однако библиотека Академии наук издала роспись содержания газеты с 1601 года. Нужно сказать, что название “Куранты” не носило постоянного характера. Чиновникам Посольского приказа, ведавшего иностранной политикой Московского государства, было дано указание составлять для царя из иностранных газет своеобразные подборки информации об экономических и политических событиях за рубежом. Такие подборки выполнялись рукописно на длинных узких полосках бумаги (складных или свернутых в рулон). Писались они сверху донизу столбцами, и это название часто выносилось в самое начало текста. Таким образом, “Куранты” “Столбцы” “Вестовые письма” это разные названия информационных сообщений, которые явились предшественниками печатной газеты.

Первоначально они составлялись в одном, реже - в нескольких экземплярах и содержали информацию из иностранных газет. Очень скоро они стали дополняться донесениями специальных информаторов-переводчиков, о чем свидетельствуют, например, такие красноречивые заголовки, как “Переводы с печатных и письменных иностранных новостей, присланных из Риги и Пскова, также с писем, поданных в посольский приказ шведским агентом Крузбгорном касательно разных при иностранных дворах происшествиях” (1643 г.) или “Перевод с писем, посланных голландцами из Москвы” (1644 г.). Как видно, содержание “Курантов” не исчерпывалось информацией из иностранных источников, а дополнялось сведениями, добытыми самостоятельно. Сохранились архивные сведения, например, об одном постоянном “осведомителе” “Курантов” - Юстиусе Филимонатусе, который отправлял

донесений свой "наспех денно и ночью По-видимому, газета имела постоянный круг таких "осведомителей"

Другим важным моментом в содержании "Курантов" было то, что много места в них, начиная со второй половины 17 века, занимали сообщения, посвященные анализу внешней политики России. Характерны такие, например, материалы: "Зело тревожился солтан турецкой, что войска московские вступили в Крым, гораздо сомневался о отъеме той стороны и о изгнании оттоле татарском" или "В январе (1684 г.) папа сильно умоляющие грамоты послал королям гишпанскому и ко французскому и к Москве, чтоб оружия свои случно обратили на турков"

Как отмечалось, "Куранты" составлялись для царя и его ближайших бояр, но затем газета получила более широкое распространение. Об этом говорят как многочисленные рукописные списки, обнаруженные в архивах, так и содержание самой газеты. Так, в одном из номеров читаем: "Через мультанскую землю ведомость получена, что московские войска татарского хана столицу разорили" Или такое, например, сообщение о Богдане Хмельницком: "Из Лифляндской земли пишут, что он (Хмельницкий), призывает на помощь московское государство"

Уж кто-кто, а царь-то должен был знать и о том, что папа послал "умоляющую грамоту" и что московские войска разорили столицу хана, и что Б.Хмельницкий просит помощи у московского государства.

Таким образом, можно сделать вывод, что в конце-концов "Куранты" превращались в своеобразное периодическое издание по типу газеты и имели в виду не только одного читателя - царя, но и более широкий круг лиц, коим было не безразлично и известие о торговых делах за границей, и сообщение о ценах на товары, и известие о походе донских казаков против крымских татар, как это явствует из их содержания. Если первоначально, как свидетельствуют историки, содержание "Курантов" носило

характер дипломатической тайны, то к концу века факт их широкого распространения не подлежит сомнению, а в архиве хранится даже номер с отчетливыми следами клея на обратной стороне, что является определенным указанием на своеобразную попытку распространения информации.

История печатной газеты и начало журналистики в России связаны с именем и деятельностью Петра I. 17 декабря 1702 года царь издал специальный указ о печатании **“Ведомостей”** (Известным исследователем журналистики 18 века П.Н.Берковым установлено, что первый номер газеты появился еще до указа, но был утерян).

Указ Петра предписывал из всех приказов присылать “ведомости о чем ныне какие есть и впредь будут” в Монастырский приказ, а оттуда те ведомости отсылать на печатный двор. При этом следовало действовать “без мотчания” т.е. без волокиты, оперативно. Указ царя выполнялся неукоснительно, хотя формат, тираж и периодичность газеты не были постоянными. Чаше всего использовался формат в 1/12 долю листа с очень узкими полями. Газета могла иметь вид тетрадки или брошюры, а иногда состояла из одного листа. Колебания в объеме - от 2 до 22 страниц текста. Тираж был большим в первые два года издания (2 тысячи и более), а N 10 за 1703 год был издан в 4 тысячах экземпляров. В отдельные годы тираж насчитывал 100, 200 экземпляров, а перед смертью Петра (с 1724 года) - только 30. Количество номеров в год также нерегулярно. Наибольшее в 1705 году, когда вышло 46 номеров. В 1717 году напечатано 3 номера, а в 1718 один номер.

Все было неустойчиво в первой печатной газете России, но даже в таком состоянии содержание ее позволяет судить о том, как закладывались основы внутриредакционной работы, политического и литературного редактирования и жанры отечественной

журналистики. Именно это представляет наибольший интерес с профессиональной точки зрения.

Ясно, что содержание газеты во многом определяется личностью ее редактора.

Можно сказать, что первую русскую газету редактировали люди образованные, ответственно относящиеся к своему профессиональному долгу. Первым ее редактором был Феодор Поликарпович Поликарпов, выпускник Славяно-греко-латинской академии, поэт, историк и переводчик. Начиная с 1714 года газету редактировал Михаил Аврамов, а с 1719 года в ней принимает участие и становится редактором Борис Волков. Все эти люди владели иностранными языками и относились к отбору материалов для публикаций ответственно. С 1710 года газета стала переходить с церковнославянского шрифта на современную азбуку, и соответственно проводилась немалая литературная правка, чтобы сделать газетный язык более доступным и понятным. Так, например, исправлялись слова: “возвешают” (“пишут”), “лесть” (“хитрость”), “преставился” (“умре”) и т.д..

О наличии политического редактирования свидетельствует хранящийся в архивах, но не опубликованный номер газеты. Назывался он “Цыбула из Варшавы августа 6 дня 1707 году”. Материал состоял из трех частей. В первой говорилось о прибытии русских войск из Люблина в Варшаву. Затем шло сообщение об очередной победе над шведами, которые, по ироничному замечанию автора, намерены “гостить” в том месте, куда отступили, “едва не всю зиму”. Но в третьей части рассказывалось о поведении русских солдат в польских городах, где они много сожгли и разрушили всяких ценностей. Обнаруживший номер исследователь сделал предположение, что именно из-за этого сообщения он не был “подвержен тиснению” т.е. напечатан.

Любопытно, что первые русские редактора очень бережно относились к слову и в случае, если сообщение

запрещалось для печати, текст аккуратно брался в скобки или в рамку и следовала надпись: “от сих до сих в народ не пушать”

По-видимому, при редакции складывался определенный авторский актив. В рукописях материалов часто встречаются подписи: “подал подъячий Петр Сицков” “Подал посольского приказа толмач Мирон Мустафин” ...Козьма Осипов Все это имена первых корреспондентов газеты. Среди них нужно вспомнить также и первого отечественного репортера Якова Синявича.

В первой печатной газете были заложены основы практически всех жанров современной прессы. Преобладали среди них, конечно, информационные сообщения. По характеру их можно условно разделить на два вида: информация политическая и бытовая, познавательная.

Сообщения о победах русского войска в период войны со шведами, об открытии месторождений железной руды и иных ископаемых, об открытии школ, где молодые люди “добре науку приемлют” о событиях в других государствах, от Европы до Китая, носили, конечно, политический характер. 17 декабря 1720 года “Ведомости” опубликовали сообщение о сожжении в Петербурге на площади богохульника и иконоборца Ивашки Красного за то, что тот “обругал спасителей образ и животворящий крест господень” и винулся в злом умысле на убийство царского величества. Характер расширенной информации носил материал о Кондратии Булавине и поимке его сообщников от 20 июля 1708 года. Газета сообщала о том, что донские казаки “принесли повинные” “воровство прииде во искоренению”. Заметим, что это сообщение появилось в то время, когда до полного “искоренения” булавинского бунта было еще далеко, и отдельные части его войска сопротивлялись царским отрядам. Таким

образом, газета вполне определенно политически ориентировала читателя.

Различного рода бытовая информация содержала сведения о пожарах, рождениях (за один месяц с 24 ноября по 24 декабря в Москве родилось 346 душ, отмечалось в номере от 2 января 1703 года), любопытных происшествий (“На Москве солдатская жена родила женска полу младенца мертва о двух головах”). Это свидетельствовало о стремлении к разнообразию материалов с целью привлечь читателя.

Кроме информационных жанров, в “Ведомостях” заметное место занимали библиографические обзоры, рецензии-аннотации. Первый из них появился в № 12 за 1710 год и имел название “Реестр книгам гражданским, которые по указу царского величества напечатаны новоизобретенною амстердамскою азбукою по первое число июня нынешнего 1710 года” Когда была опубликована книга известного дипломата и общественного деятеля петровской эпохи Петра Шафирова “Рассуждения о свейской войне” в газете появилась рецензия-аннотация, которую написал Ст.Яворский. Удивительно, как стиль этой аннотации схож с современным. В этой книге, как отмечал автор, беспристрастно и фундаментально, на основании древних и новых актов, а также записок о военных операциях “описано с надлежащею умеренностию и истиною все имянно”

15 февраля 1723 года в газете был напечатан материал под заголовком “Книги политические, которые продаются в Гааге” Как было обнаружено, книг под такими названиями не существовало. Что же это были за названия? Их сатирический подтекст очевиден. Например:

Обучение царя Российского, книга Каролуса 12 короля швецкого, после смерти его издана и сочинена на имя Англии и Голландии, кормилиц его” Не намек ли это на недавние события Северной войны и тайную подоплеку

ее начала? Или: Славные действия Английского флота на Балтийском море с подробным описанием берегов и портов оно́го, сочинена и поднесена королю Великобритании адмиралом Норрисом. Ясно, что перед нами острый политический памфлет по поводу тайной дипломатии и военных действий, автором которого мог быть хорошо знающий политическую кухню человек. Есть предположения, что он был написан князем Б.Куракиным.

Интересными были на страницах первой русской газеты выступления Петра I, давшего отчет о Полтавской битве, статьи по вопросам культуры, промышленности и науки. Несмотря на то, что первая русская газета была создана в интересах правительства, она имела большое прогрессивное значение. Она пропагандировала реформы, способствовала укреплению русского государства, разоблачала ложь, распространяемую врагами страны. Известно, например, что Карл XII пытался распространять среди населения свои манифесты, где Россия изображалась страной варваров. В ответ на эти измышления в газете появляются сообщения о строительстве новых школ, где "молодые люди добре науку приемлют", о книгах, изданных в России, о праздниках и манифестациях, о строительстве новых заводов и росте национального богатства. Характерно сообщение о строительстве школы в Тобольске, где митрополит сибирский "учинил школу и много учеников собрав, учит греческому и латинскому языку" что, естественно, говорило о распространении просвещения в России. Ни по форме, ни по содержанию первая русская газета не уступала своим зарубежным современникам. Оценивая ее значение, Н.А.Добролюбов писал: "Самая же возможность писать о всяческих предметах, начиная с политических новостей и оканчивая устройством какой-нибудь лодки, расширяла круг идей литературных и вызвала на книжную деятельность многих, которые в прежнее время никогда бы о ней не подумали". В этой газете в первый раз русские

увидали всенародное объявление событий военных и политических”

“Санкт-Петербургские ведомости” выходили, в отличие от петровских “Ведомостей” более регулярно два раза в неделю. Редактором их был Г.Ф.Миллер. Если в первые месяцы газета почти ничем не отличалась от своей предшественницы, то вскоре “Санкт-Петербургские ведомости” начинают приобретать характер самостоятельный, обрастают приложениями. Они писались на немецком языке и переводились на русский. Для пояснения незнакомых терминов, часто употреблявшихся в газете, решено было издавать специальные “примечания” к Ведомостям. Однако из этого намерения выросло нечто иное. Стал выходить журнал “Месячные исторические, генеалогические и географические примечания в “Ведомостях” или просто **“Примечания”** Вначале они издавались один раз в месяц, а с 1729 года стали прилагаться к каждому номеру - явление небывалое во всей последующей истории русской журналистики!

В журнале затрагивался обширный круг тем. На его страницах печатались сообщения о бое быков и перпетуум мобиле, стихи и статьи о медицине, “о позоришных играх” (под таким названием появилась статья Я.Штелина о театре) и др.

В октябре 1742 года Академия наук прекратила издание “Примечаний” Но потом их неоднократно переиздавали.

“Примечания” были первым русским научным популярным журналом и сумели завоевать авторитет среди образованной части русского общества как своими обстоятельными выступлениями по многим отраслям знаний, так и благодаря языку, который в конце издания сильно отличался от неуклюжего и громоздкого стиля официальных сообщений первых лет.

В 1755 году по инициативе М.В.Ломоносова Академия Наук предпринимает издание журнала

“Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащие” Он представляет для нас интерес, в первую очередь, как орган, сплотивший вокруг себя лучшие научные и литературные силы своего времени. В нем приняли участие М.В.Ломоносов (анонимно), которому принадлежит идея создания журнала, В.К.Тредиаковский, А.П.Сумароков, И.П.Елагин и др. Издание предназначалось для самых широких слоев русского общества. Об этом свидетельствовал титульный лист, на виньетке которого в лучах солнца было написано “для всех”. Начиная журнал, Г.Миллер, его редактор, назначенный Академией, писал, что в нем будут представлены “сочинения, какие только обществу полезны быть могут”. Касаясь форм и методов подачи материала, он предупреждал: для сохранения благопристойности и для отвращения всяких противных следствий, вноситься не будут сюда никакие явные споры или чувствительные возражения на сочинения других. Однако журналу не удалось выдержать этот дух до конца.

Он имел солидный по тем временам тираж 2 тысячи экземпляров, что свидетельствует о значительном расширении читательской аудитории. Действительно, журнал удовлетворял вкусам самых разных кругов образованного русского общества, чему способствовало разнообразие его содержания и, что особенно важно, благодаря четкому ведению основных отделов: исторического, библиографического, литературного. Здесь были напечатаны философские повести Вольтера “Задиг” и “Микромегас”; опубликована, хотя и с опозданием, речь первого ректора при открытии Московского университета Поповского; на его страницах можно было найти описания ремесел, статьи об экономике, живописи, театре. Вот, к примеру, некоторые из названий экономических статей: “О монете”, “О деньгах”, “О коммерции и экономии”.

Основной интерес в журнале представлял научный отдел. Кроме исторических работ самого Миллера, там печатались статьи В.Татищева, В.Гербера. В литературном отделе выступали В.Тредиаковский, А.Сумароков. Много шума наделала анонимная статья “О качествах стихотворца рассуждение где было заявлено об обязанности поэта быть в обществе гражданином,” перстом измеряющим людские пороки”

В январе 1763 года в “Ежемесячных сочинениях” была введена рубрика “Известия о ученых делах” Здесь по большей части печатались рецензии на русские и иностранные научные труды.

Современники “с жадностью и удовольствием читали сей первый русский ежемесячник” Разнообразный, доступно поданный, интересный материал академического журнала имел еще то достоинство, что это было, по существу, первое издание, в котором русские писатели от рукописных форм литературной деятельности стали переходить к печатным, а литература и ее проблемы стали фактом публичным.

М.В.Ломоносов внимательно следил за журналом. Известно, как отрицательно отнесся он к напечатанной в журнале статье Миллера “Опыт новейшей истории о России” Отметив недостатки этого исследования, бросавшего тень на русскую историю, Ломоносов добился, что Миллеру было сделано внушение, а вторая часть статьи так и не увидела света.

Огромной заслугой Ломоносова в истории русской журналистики является его статья “О должности журналистов”, написанная в 1754 году и опубликованная в 1755 году в издании Берлинской академии наук на латинском языке. Статья появилась как ответ великого ученого своим рецензентам-журналистам, искажившим смысл и содержание новой теории теплоты, открытой М.В.Ломоносовым. Это было не только возражение по научной проблеме. Статья затронула ряд принципиальных

вопросов профессиональной этики. Ломоносов имел в виду современную ему научную журналистику, но его размышления о профессии журналиста не потеряли своего значения и теперь.

Подведем некоторые итоги, связанные с характеристикой первого полувека истории отечественной журналистики. Первый и главный среди них состоит в том, что, едва возникнув, русская пресса обнаруживает явное стремление к расширению содержания, типов и жанров прессы. Оформляются два основных типа изданий – общероссийская газета и научно-литературный журнал. Вслед за освоением информационных жанров в первой газете, укрепляется жанр популяризаторской статьи, охватившей широкий круг вопросов: экономика, культура, наука, литература, ремесла. Журналистика в России становится серьезным фактором развития политической и духовной культуры общества. То обстоятельство, что журналистика на этом этапе находилась под эгидой правительства, контролировалась властью, наложило свой отпечаток на ее содержание. Среди множества проблем, поставленных прессой на обсуждение, отсутствовала одна. Она была связана с коренной проблемой России – сословными отношениями, крепостничеством, социальной жизнью.

Первые издания нашли своего читателя, это бесспорно. История журналистики всегда отражает изменения в потребностях любого общества. После смерти Петра I, во время чехарды на царском престоле, перед Россией, привыкшей к перестройкам и переменам во время его правления, все очевидней вставал вопрос – что же будет дальше? Злоупотребления властью, связанные с частой переменой правления, все сильнее тревожили русское общество, все заметнее становились недостатки общественной жизни. Как результат естественной потребности общества в обсуждении этих вопросов, а

также в оппозиции возникает в России частная журналистика.

ПЕРВЫЙ ЧАСТНЫЙ ЖУРНАЛ “ТРУДОЛЮБИВАЯ ПЧЕЛА”

Первые российские издания были рупором правительственной политики. Одна сторона в общественной жизни страны получила право голоса. Ее услышали, внимательно выслушали. Теперь наступала очередь высказаться тем, к кому была обращена речь власть предержащих. Как результат потребности в выражении общественного мнѣния, возникла в России частная пресса. Наступило время частноиздательской практики.

А.П.Сумароков, издатель и редактор первого частного журнала в России, явился основателем оппозиционного направления в журналистике. Это заставляет внимательно проанализировать тот круг проблем, которые были поставлены на обсуждение благодаря его журналу “Трудолюбивая пчела”(1759).

14 декабря 1758 года постоянный сотрудник журнала “Ежемесячные сочинения” Александр Петрович Сумароков подал в Академию наук прошение об издании “помесячно” журнала “для услуги народной” и просил разрешения печатать его в типографии Академии наук в количестве “двенадцати сот экземпляров” Через месяц с небольшим в январе 1759 года вышла первая книжка журнала “Трудолюбивая пчела”

Прежде чем приступить к анализу его содержания, остановимся на личности А.П.Сумарокова. Он был потомком одной из самых старинных в России боярских, а потом дворянских фамилий. Образование получил в Сухопутном шляхетном кадетском корпусе, куда поступил в 1732 году. Этот корпус был рассадником значительных литературных сил, много сделавших для развития культуры

в России. Когда в 1756 году из Ярославля прибыла труппа Федора Волкова, Сумароков становится директором основанного в Петербурге театра.

Ломоносов и Сумароков пожалуй, именно эти две величины в 50-60 г.г наиболее влияли на общественную и литературную жизнь страны. Характерно, что влияние Ломоносова распространилось в свою очередь и на Сумарокова. От поэзии развлечения, от гимнов и торжественных од он постепенно переходит к осмыслению общественных явлений; его творчество наполняется критицизмом.

Предпринимая издание "Трудолюбивой пчелы" Сумароков, по-видимому, имел целью воспитывать общество, о чем говорил заявленный тираж в 1200 экземпляров. Объясняя название журнала, Сумароков писал: "Чтоб читатели, обучаясь и упражняясь, наподобие трудолюбивых пчел, то только собирали, что знание их умножить, нравоучение им подать и благополучия их причиною быть может"

С первого номера издX (ание Сумарокова заявило своем оппозиционном характере. Судя по посвящению, оно явно ориентировалось не на императрицу Елизавету, а на великую княгиню Екатерину, которая в это время находилась в опале из-за того, что передала английскому послу план войны с Пруссией, состоящей в дружбе с Англией. Кроме того, это был и личный вызов императрице, которая, естественно, с трудом могла перенести похвалы красоте и уму другой женщины. А тут на первой странице журнала было посвящение Екатерине, начинавшееся словами: "О, просвещенная великая княгиня... Заслугу Сумарокова в истории русской журналистики В.Г.Белинский видел в том, что он был "судьей мнений и нравов современного ему общества" Критик называл его "полемиическим мыслителем"

Первые номера журнала по преимуществу заполнялись статьями научного характера. Печатались

статьи о философии Локка, о филологии ("Об истреблении чужих слов из русского языка"), переводы из Вольтера и др. Есть и "Слово о Петре", который рассматривается как мудрый государь, заботящийся не о великолепии двора, а о величии государства. Со временем содержание журнала меняется. Больше появляется статей злободневно-сатирических, представляющих собой нападки на "крапивное семя" - подъячих, разоблачающих лихоимство судей и т.д. "Ненависть к этому гнусному отродию, - писал Белинский о Полевом, - была живою струною его души; и кто же не согласится, что источник этой ненависти был благороден и ее проявление не могло не принести пользы обществу"

Сумароков был убежденным монархистом, крепостником, но вместе с тем он стремился воспитать дворянство, сделать его просвещенным и добрым. Он постоянно подчеркивал мысль, что не в родах и происхождении дело, а в личных достоинствах. По мысли Сумарокова, "ясный ум, благородство и культуру" дает дворянину прежде всего воспитание, указывающее ему пути служения отечеству. Помещика, который обогащается непомерным трудом своих подданных, Сумароков называет "извергом природы" "тварью безграмотной"

Журнал Сумарокова носил просветительский характер. Идеи Просвещения, владевшие тогда умами образованного общества в России и Европе, развивались по двум направлениям. Идеал разумного государственного и общественного устройства разделялся всеми, но пути к нему виделись разными. Один эгалитарный, путь соблюдения законов и их усовершенствования, обоснованный Монтескье. Другой, ведущий начало от идей Руссо, основывался на признании естественных прав человека, его стремления к равенству, нравственному совершенствованию. Именно это направление европейского Просвещения получило наибольшее

распространение в России и отразилось в позиции журнала Сумарокова.

Но идеальные устремления Сумарокова не находили применения в современной ему действительности. Самое большое зло он видел в государственном аппарате, чиновниках, "подъячих" Сумароков обрушился на них всей мощью своей сатирической энергии. Вот, к примеру, его зарисовка "О думном дьяке где рассказано о злключениях простака, который, идя на прием к дьяку, должен и собаке его поклониться и подождать, пока тот в бане помоеся. А я думал, что в тепле быть и брать за ничто чужие деньги это хорошо, а в холоде быть и отдавать за ничто свои деньги это не гораздо хорошо" рассуждает простака. Отдал герой зарисовки дьяку свои деньги и поехал домой, "всем тем, кто нарушая честность и присягу, корыстуются взятками, желая висельницы... Нам особенно важны эти самые первые проблески критической мысли, критического сознания в журналистике России.

Положительная программа журнала была изложена в утопии "Сон. Щастливое общество" Автор, побывав в "мечтательной стране" рассказывает о том, что видел. Прежде всего обращает на себя внимание образ государя, который имеет "страх и почтение и народную любовь" Далее Сумароков описывает идеальный государственный аппарат, который руководствуется сводом законов размером "не больше нашего календаря" "Сия книга начинается словами: "Чего себе не хочешь, того и другим не делай. А оканчивается: за добродетель воздаяние, а за беззаконие казнь" Характер аллегории носит концовка: оказывается, автор спал под колоколом; тот зазвонил и сон окончился.

Основную часть содержания "Трудолюбивой пчелы" составляют статьи, эпиграммы, притчи, написанные самим Сумароковым. Кроме него, в журнале сотрудничали поэт и переводчик Г.Козицкий, дочь писателя Е.Сумарокова, бр. Нарышкины, Нартов.

Сумароков много сделал для демократизации литературного языка. Правда, филологические упражнения Сумарокова носили порой наивный и забавный с современной точки зрения характер. Борясь против засилья иноземного лексикона, он, например, предлагал такие замены: фрукты плоды, суп похлебка, дама -кряля и т.д. Он считал родственными слова "сел, осел, осада, сад, судно, суд" на том основании, что "все сидят". Впрочем, не будем слишком строги к журналисту, ведь еще в 20-х гг. 19 века студентов Петербургского университета учили, что слово "кабинет" означает "как бы нет". Русская грамматика как наука делала еще самые первые шаги.

Журнал Сумарокова издавался 12 месяцев. В декабре 1759 года вышел последний номер, в конце которого было напечатано стихотворение Сумарокова:

*"Для множества причин
Противно имя мне писателя и чин
С Парнасса снисхожу, схожу противу воли,
Во время пушего я жара моего
И не взойду я боле на него.*

✓ *Судьба моей то доли"*
В том же номере было напечатано письмо "К издателю "Трудолюбивой пчелы", где говорилось о заслугах Сумарокова в установлении Российского театра, в открытии "чистоты, великолепия и нежности" нашего языка. "Вы имели дар возбудить и умножить омерзение честных людей к лихоимству, "вреднейшему злу государства", - отмечалось здесь. Может быть, такой подбор материала был способом привлечь внимание читателя к судьбе закрывающегося издания и заслугам его редактора? Во всяком случае, несомненна попытка установить диалог с читателем, мобилизовать общественное мнение.

Журнал Сумарокова открыл новую страницу в истории отечественной журналистики. С него начинается частноиздательская практика. Значение журнала

заключается в том, что он показал, что издание может существовать и без правительственной опеки это во-первых. Во-вторых, отныне журналистика заявляет о себе как оппозиционная правительству сила. И хотя направление издания носило общепросветительский характер, все же очень важны эти самые первые и довольно ограниченные попытки осмысления жизни общества во всех его проявлениях - от персоны государя до лихоимства "крапивного семени" чиновничьего аппарата, вечного зла России.

РАЗВИТИЕ ОППОЗИЦИОННЫХ НАСТРОЕНИЙ В ЖУРНАЛИСТИКЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII ВЕКА

А.П.Сумароков, открывший сатирическое направление в русской журналистике, боролся еще не с общими принципами самодержавия и крепостничества, а выступал только против наиболее отвратительных проявлений хищничества, казнокрадства и взяточничества, процветавшими при правлении Елизаветы.

Екатерина Вторая довела крепостное право до крайних пределов. Непомерно усилилась эксплуатация крестьян. Помещики безнаказанно грабили хлебопашцев, лишая их всех плодов своего труда. В 1765 году помещикам разрешили ссылать своих крестьян на каторгу, а через два года вышло дополнение к этому указу: всякая жалоба крепостного на помещика каралась также ссылкой на каторгу.

В конце 1760-х годов в России начался новый и очень значительный подъем русской журналистики. Сатирическая печать 1769-1774 г.г. стала средством борьбы не только с бюрократическим правительственным аппаратом, но и с самой Екатериной, системой крепостничества. На этой оси общественного противостояния развивалась оппозиционная правительству журналистика.

Первой о положении крепостных заговорила **“Всякая всячина”** Этот журнал стал выходить анонимно со 2 января 1769 года. В историю русской журналистики **Всякая всячина** вошла как журнал, издававшийся самой императрицей. Прекращение работы Комиссии по составлению нового Уложения в 1766 году вызвало в обществе оживленные толки, и Екатерина Вторая решила успокоить общественное мнение, разъяснив причины роспуска Комиссии и изложив основные принципы правительственной политики, в том числе по крестьянскому вопросу. С этой целью она и издает периодический журнал. Вслед за **“Всякой всячиной”** в конце января 1769 года появилось **“И то, и сию”** с 21 января началось издание **“Ни того, ни сего”** затем вышли **“Поденьшина”**, **“Смесь”**, **“Труть”** **“Приятное с полезным”** **“Адская почта”**

Екатерина Вторая, начиная свой журнал, надеялась повести за собой **“доброе поколение Всякой всячины”** и стремилась ввести обсуждение положения народа в желательное для нее русло. В материале под заголовком **“Мне случилось жити в наемных домах”** автор рассказывает о жестоком своем соседе. **“Лишь я успел переехать, то услышал вместо поздравления с новосельем превеликий крик, - так начинает он свой рассказ. Я осведомился, что тому причину? Мне сказали, что мой сосед милостиво наказывает своих людей на конюшне своей плетью. Я спросил, часто ли то бывает? Ответствовали мне, что кроме воскресных дней и господских праздников, почти всякий день”** Автор было призадумался над положением дворовых людей, но потом был отвлечен другим делом. И лишь под самый конец статьи вновь вспоминаются наказуемые: **“Но за людей кто смеет вступить? Хотя сердце соболезнает о их страдании. О всешедрый боже! всели человеколюбие в сердце людей твоих”**

Таким образом, обращаясь к **“човеколюбию”** помещиков, **“Всякая всячина”** переводит разговор о положении крестьян в сферу моральную, этическую. Всего

лишь. Стоит "всешедрому боже" вселить "человеколюбие" в сердце крепостников, как положение народа сразу же улучшится.

И действительно, в этом журнале не было статей, в которых бы анализировалась жизнь крепостных и предлагались конкретные меры для исправления недостатков. Больше того, "Всякая всячина" призывала все сословия быть довольными своим нынешним положением и не стремиться к его изменению: "Слушайте, Еввины дети, истину неоспоримую и живите спокойно: все вы не можете жить один без другого, все вы есть члены одного тела".

Н.А.Добролюбов писал, что сатирическая журналистика поставила на вид крестьянский вопрос "безбоязненно и серьезно". В первую очередь он имел в виду журналы Н.И.Новикова **"Трутенъ"** и **"Живописец"**. Красноречив в этом смысле уже сам эпиграф к первой части журнала "Трутенъ" "Они работают, а вы их трудядите" взятый Новиковым из притчи Сумарокова "Жуки и пчелы" - эпиграф, представляющий позицию всего журнала: неестественно положение, когда часть людей живет и питается за счет другой части, сама ничего не производя.

Характерен для позиции самого Новикова "Рецепт" помещенный в 24 листе "Трутеня". Рецепт прописан "Для г.Безрассуда". Тот "болен мнением, что крестьяне не суть люди, но крестьяне". Крепостные его работают день и ночь, но едва-едва имеют дневное пропитание, насилу могут платить господские поборы. Безрассуд же считает, что они для того и сотворены, чтобы, претерпевая всякие нужды, и день и ночь работать и исполнять его волю исправным платежом оброка. Сам же рецепт - "Безрассуд должен всякой день по два раза рассматривать кости господские и крестьянские до тех пор, покада найдет он различие между господином и крестьянином" - уводит проблему освобождения крестьян в сторону, придавая ей оттенок морального разрешения: "крестьяне суть тоже

человеки следовательно, не нужно над ними тиранствовать. Все, что может Новиков пожелать "поселянам" - это: "Я желаю, чтобы ваши помещики были ваши отцы, а вы их дети"

Страстное обличение не порядков крепостничества, правдивое изображение жизни крестьян и отвлеченная мораль, обращение к чувствам помещиков. Именно это было отличительной особенностью всей сатирической журналистики этого периода. Самыми яркими примерами публицистики обличительного характера можно считать "Копии с отписок" крестьян к помещику Григорию Сидоровичу и "Копию с помещичьего указа", являющегося ответом помещика на крестьянские отписки в "Трутне" и "Письма к Фалалею" "Отрывок путешествия в ...И...Т в Живописце" Остановимся на "Отрывке путешествия в...", подписанном инициалами, где с исключительной силой была поставлена проблема аморальности крепостного права.

В начале "отрывка" автор показывает положение крепостных вообще: "Бедность и рабство повсюду встречались со мною во образе крестьян. Непаханные поля, худой урожай хлеба... Придя к выводу, что причиною столь бедственного положения является поведение помещиков ("помещики их сами тому были виною"), автор рассказывает о жизни крестьян деревни Разоренная. Ужасна эта жизнь. Крестьяне работают на хозяина с утра до ночи, даже по праздникам и воскресеньям, не имея времени на уборку своего собственного урожая; дома без всякого присмотра остаются малые дети, а те, кто постарше, прячутся в страхе от своего хозяина.

После опубликования сильного и страстного "Отрывка путешествия в ..." который уже подводит к мысли, что помещики не имеют никакого права над крестьянами, Новиков вновь сводит все дело только к частным злоупотреблениям, поместив через несколько номеров материал под названием "Английская прогулка"

где пообещал, в частности, рассказать о жителях “Благополучных деревни” Новиков не мог не думать о дальнейшей судьбе “Живописца” поэтому он, видимо, вынужден был смолчать острый антикрепостнический смысл “отрывка” чтобы продолжать издание журнала.

Сатирические журналы Новикова были серьезным и продуманным наступлением журналистики на коренное зло русской жизни - крепостничество, это было первое большое литературное выражение формировавшегося общественного мнения в России.

Сатирическая журналистика 1769-1774 г.г. имела большое значение для дальнейшего развития крестьянской темы в русской печати, именно она заложила те передовые традиции в борьбе с крепостничеством, которые затем продолжили Д.И. Фонвизин и И.А. Крылов и развил, поднял на новую высоту А.Н. Радищев.

После оживления в 1769-1774 г.г. сатирическое направление угасает на несколько лет. Это связано с усилением правительственной реакции. Укрепляется цензура, закрываются частные типографии; правительство делает все, чтобы сократить печатную продукцию внутри страны; преследуются прогрессивные писатели.

Однако Екатерине Второй не удалось полностью подавить сопротивление своей политике. В это время Новиков, пользуясь правом переиздавать материалы, уже прошедшие цензуру, вновь опубликовал лучшие статьи из “Живописца” и “Трутня”; была переиздана “Адская почта” Ф.А.Эмина. Благодаря этим изданиям, а также журнальной деятельности Д.И. Фонвизина и И.А. Крылова сатирическая линия в русской журналистике оказалась не прерванной.

В 1789 году И.А. Крылов начал издание **“Почты духов”**. В переписке духов, сильфидов с волшебником Маликульмульком предстают живые картины русской жизни: портреты великих ученых людей, вышедших из народа, вынуждены поместить у себя дома даже самые знатные; с талантливыми актерами ищут знакомства

вельможи; замечательный русский художник в Англии пользуется большим успехом. А вот зарисовки из жизни бедных, те условия, в которых живут люди: “Крестьянин потеет и трудится целые годы, чтобы выплатить колесо богатой кареты или пуговицу с кафтана своего господина Промотова, которых он никогда не увидит Судья высасывает у челобитчиков набитый кошелек для того, чтобы жена его нарядила в обновку капитана Хватова, молодого своего соседа” “Одна наша лавка может разорить в год до ста тысяч крестьян, отмечает автор одного из писем, но эти сто тысяч хлебопашцев здесь меньше уважаются, нежели один француз, торгующий шляпами, помадою и стальными пуговицами...” И “шалун” Промот может с беспечностью заявлять: ...на этих пальцах (усеянных перстнями-М.К.) сидит мое село Остатково; на ногах ношу я две деревни, Безжитову и Грабленную; в этих дорогих часах ты видишь любимое мое село Частодавано; карета моя и четверня лошадей напоминают мне прекрасную мою мызу Пустышку...

Еще сильнее и злей сатира в “Похвальной речи в память моему дедушке”, опубликованной в другом журнале Крылова **"Зритель"** Помещик Звениголов, герой этого произведения, считает, что “его крестьяне ниже его дворовых животных” Он еще в детстве пришел к выводу:

Собака ведь не слуга: с нею надобно осторожно обходиться... , а когда вырос и стал хозяином, он показал, как должно проживать в неделю благородному человеку то, что две тысячи подвластных ему простолюдинов работают в год”

Как все просветители, надежды на будущее Крылов связывал с изменением системы воспитания и образования дворянства.

Надо сказать, что сатирические произведения Крылова и Фонвизина, обличавшие помещиков, чиновников и вельмож, являлись косвенным обвинением самой Екатерине. Ведь это она приближала к себе

любимцев, которые разоряли страну и преследовали "честных людей" благодаря ее правительству орудовали в судах Взяткины; это Екатерина Вторая "казанская помещица" являлась защитницей Простаковых, Скотининых, Звениголовов, которые сдирали с крестьян три шкуры. И не случайно Фонвизин (а вместе с ним и его современники) не дождался прямых и конкретных ответов на свои "Вопросы сочинителю Былей и небылиц", опубликованные в журнале "Собеседник любителей русского слова" в 1783 году. Задавая вопросы, Фонвизин хотел, чтобы императрица разъяснила свою внутреннюю политику, но Екатерина Вторая отвечала не по существу, всячески изворачивалась и в конце концов рассердилась на "свободолюбие" автора "Вопросов" Послушания - вот чего требовала она после крестьянской войны. А так как именно этого качества не было у Фонвизина, и он становился опасной силой, ему запретили печататься. Поэтому и не увидел света хорошо задуманный им журнал Друг честных людей, или Стародум с подзаголовком "Периодическое сочинение, посвященное истине", все статьи которого были направлены против лжи и лицемерия, господствовавших при дворе, против произвола помещиков и чиновников. Но несмотря на запрет "Стародума" его материалы распространялись в рукописях. Фонвизин сам указывал на тот факт, что две его сатиры "Всеобщая придворная грамматика" и "Письмо надворного советника Взяткина" - были известны задолго до издания журнала.

Иллюзии просветителей о "просвещенном государе", который может обеспечить соблюдение законов и печется о своих подданных, в полной мере отразились в антимонархической повести "Каиб" напечатанной в журнале "Зритель".

И вообще сатира Крылова, несмотря на преследования прогрессивных писателей, на запрет во весь голос говорить о положении крестьян, а также

благожелательно отзываться о Французской революции, не ослабевает с годами. В **“Санкт-Петербургском Меркурии”** (1793) он публикует две речи: “Похвальная речь науке убивать время, говоренная в Новый год” и “Похвальная речь Ермалафиду, говоренная в собрании молодых писателей” представляющие собой глубокую сатиру на общество в целом, если рассматривать эти две речи на фоне событий, происходящих во Франции. (А именно на таком фоне их и надо рассматривать). В этой стране совершается буржуазная революция - в России же большинство членов общества живет так, что жизнь их, пишет Крылов, составляет “науку убивать время”; во Франции раздаются лозунги о свободе, равенстве и братстве в России главная уловка дворян, либеральных писателей состоит в том, “чтобы никогда не думать”

Так зло, с таким сарказмом показать представителя светского круга, который целый год одевался и раздевался, причесывался и растрепывался” и “пропрыгал и прошаркал триста шестьдесят шесть дней” “который целые двенадцать месяцев таскал по-пустому свою голову”; почтенных старичков-дворян, “которые с таким же просвещением входят в могилу, с каким вошли в колыбель, и еще кажутся младенцами”, в то время, когда во Франции сбрасывается власть этих дворян, - нужна была огромная смелость, мужество и честное сердце.

Нет, не писал Крылов о неприятии Французской революции! Наоборот, он хотел, чтобы и русские люди, умные, передовые, задумались об ужасах, противоречиях и никчемности современной жизни и путях выхода из нее. На сколько сильна была крыловская сатира в его “похвальных” речах, насколько глубока была его мысль, нам сейчас видно отчетливо.

Но надо заметить, что показывая в своих журналах ужасы крепостного гнета, тяжелое положение крестьян, ложь и лицемерие, царившие при дворе Екатерины Второй, Крылов и Фонвизин искренне верили в могущество

искреннего и сильного слова. Значение их для русской журналистики огромно: они двигали вперед общественную мысль, поднимая новые важные вопросы.

Под влиянием непрекращающихся крестьянских восстаний конца 18 века формировалась русская демократическая мысль, высшим достижением которой явилась деятельность А.Н.Радищева. К сожалению, публицистика автора “Путешествия из Петербурга в Москву” еще недостаточно изучена; не установлено, в частности, в каких журналах он сотрудничал и сколько опубликовал статей.

До последнего времени исследователи достаточно твердо называли лишь две статьи, принадлежавшие перу Радищева: это упоминавшийся уже “Отрывок путешествия в...И...Т”, опубликованный в новиковском “Живописце” и “Беседа о том, что есть сын отечества”, опубликованная в журнале “Беседующий гражданин” за декабрь 1789 года.

Радишев писал о крестьянах, ...кои уподоблены тяглому скоту, ...лошади, осужденной на всю жизнь возить телегу” и не имеют надежды освободиться от своего ига, ”получая равные с лошадыю воздаяния и претерпевая равные удары” отмечая, что они “исключены от всего наследия человеков, угнетены, унижены, презренны”, они ничто иное, как “мертвые тела, погребенные одно против другого”

Показывает Радишев и представителей дворянства: Вертопраха, облетающего “с полудня (ибо он тогда начинает день свой) весь город, все улицы, все дома для бессмысленнейшего пустоглаголения помещика,” который с хладнокровием готов отъять в злосчастнейших соотечественников своих и последние крохи, поддерживающие унылую и томную их жизнь, ограбить, расхитить их пылинки собственности...и ...коего услаждению вкуса и брюха жертвуют несколько человек” властелина, попирающего “ногами своими всех, кои находятся пред ним, терзающий ближних своих насилием,

гонением, притеснением, заточением, лишением звания, собственности, мучением, прельщением, обманом и самым убийством”

В обличениях Радишева нет обращения к нравственным качествам дворян, нет пустых надежд на человеколюбие помещиков: все они “звери” Революционные вспышки крестьян он считает неизбежными. “Случается иногда, отмечает он, что жестокая печаль, обьяв дух их размышлением, возжигает слабый свет их разума и заставляет их проклинать бедственное свое состояние и искать оному конца” Крестьяне не всегда будут мириться с бесправным положением, как бы предупреждает автор, и только человек, желающий искоренить зло, достоин звания “сына отечества”, патриота. Так в лице Радишева журналистика 18 века сказала свое самое сильное слово. Та степень радикализма, которая прозвучала у Радишева, оказалась под силу только революционным демократам 19 века.

х х х

Как уже отмечалось, частные журналы 18 века с момента своего появления в большинстве своем становятся в оппозицию существующим правительствам. В связи с этим впервые в русской печати возникает особая, сатирическая форма публицистики: журналисты второй половины 18 века подвергли критике, осмеянию, сатирическому изображению все, что в реальной действительности не соответствовало их стремлениям и идеалам.

Возникновение сатиры, как специфической формы публицистики, вызвало и разнообразие ее жанров. Уже “Трудолюбивая пчела” Сумарокова, журнал, начавший сатирическое направление в русской периодической печати, поражает множеством жанров. Статья, публицистический жанр “сна” басня, сатирическое стихотворение, эпиграмма, притча таков арсенал

публицистических средств Сумарокова в борьбе с чиновниками, вельможами, дворянами, притесняющими крепостных крестьян.

В утопии "Сон. Щастливое общество" Сумароков впервые в русской журналистике употребил жанр "сна" для социальной сатиры: различие между увиденным во сне и тем, что существовало в реальной действительности, еще сильнее оттеняло недостатки общественной жизни России.

Сумароков первым в русской журналистике использовал для сатирических целей такой жанровый прием, как толкование различных слов. В апрельском номере "Трудолюбивой пчелы" опубликовано сразу два сатирических словаря: один переводной (с немецкого), второй написан самим издателем журнала. Причем, использованы они в целях не только бытовой, но и социальной сатиры. Например, в "Опыте немецкого словаря, расположенного по русскому алфавиту" наряду с другими словами дается толкование и такому как "должность". У чиновников должность равнозначна чину, а последний приобретает "великими подарками и проторями (т.е. расходами)", отмечает автор, следовательно, выражение "должность свою прилежно стараться исполнять" для чиновника будет значить "тщательно стараться от других столько выжать, во сколько стал тот чин ему".

В сатирической журналистике 18 века активно использовался жанр письма.

Например, издатель "Адской почты" Эмин из одних писем, причем написанных только им самим, составил журнал. Интересно, что и этот прием нашел продолжателя в лице Крылова и его "Почты духов, или ученой, нравственной и критической переписки арабского философа Маликульмулька с водяными, воздушными и подземными духами".

Журналистика осудила общественное устройство России и вытекающие из него "пороки" дворян; и

публицисты конца века были бы лишь последователями, продолжателями своих предшественников, если бы они ограничились в своей деятельности обличением “пороков” и социальных язв. Но новые условия требовали от них и предъявления своей положительной программы, реализованной в жанрах “речи” и “рассуждения”. Характерной особенностью “Речи, говоренной повесою в собрании дураков” “Похвальной речи науке убивать время” “Рассуждения о дружестве” и других “речей” и “рассуждений” Крылова является их прямое, непосредственное обращение к слушателям. Радищевская “Беседа о том, что есть сын отечества”(это то же самое рассуждение) также предполагает наличие собеседника, слушателя.

Заканчивая разговор о жанрах сатирической журналистики 18 века, следует отметить, что журналисты того времени очень охотно намекали на цензурные притеснения, причем эти намеки даже усиливали антикрепостнический настрой их выступления. Особенно часто пользовался этим приемом Новиков, проявлявший блестящее мастерство в умении провести нужную мысль.

Так, в “Английской прогулке” говорится о помещике, не имеющем ни здравого рассуждения, ни любви к человечеству, ни сожаления к подобным себе”, после этой фразы идет ряд точек, а в сноске Новиков пишет: “Тут следовали многие другие упрекания, относящиеся к худым помещикам, но я их исключил, опасаясь навлечь на себя сугубое негодование”

В другом месте издатель “Трутня” и “Живописца” выразился еще прозрачнее: “Издателю Трутня для наполнения еженедельных листов потребно простонародных сказок и басен, ибо из присылаемых к нему сатирических и критических пиес многих не печатают” О цензурном вмешательстве достаточно ясно говорит и следующий пример. Автор одного из писем жалуется на наборщиков: “Они так портят писмена,

попавшие к ним в руки, что читатель, потя и ломая свою голову, скорее ослепнет от неусыпного прилежания в изыскании смысла, нежели поймет мысль автора Вот ответ Новикова: “Сочинителю сего письма во ответ ничего теперь не скажу, пусть он изволит потерпеть, а со временем я его уведомлю о многом особливом письмом” Ясно, что “портят писмена не наборщики, а цензура.

Не менее красноречив и другой ответ Новикова одному из читателей, упрекавшему его за то, что “Трутенъ” не выходил в течение четырех недель: Я не совсем в том виноват. Я бы охотно сообщил вам причины, меня к тому побудившие, но для избежания хлопот, я о том умалчиваю”

Так же мало кого могло обмануть перенесение писателями действия за пределы страны. В подзаголовке произведения Крылова “Каиб” стояло “восточная повесть”; Фонвизин писал, что “Всеобщая придворная грамматика” найдена в Азии; Сумароков публиковал в “Трудолюбивой пчеле” “разговоры” из царства мертвых... Так что этот прием был весьма распространен в русской журналистике и помогал писателям под видом рассуждений о восточных странах, царстве Нептуна критиковать русскую действительность.

Близки к этому приему и такие способы изображения действительности, как мнимые переводы с иностранных языков и публикация заметок, писем человека, не знакомого еще с цивилизацией, не испорченного ею и способного поэтому рассуждать с позиции естественного равенства людей.

“Переводы с иностранного публиковал, как уже говорилось, Сумароков. В листе 8 “Трутеня” за 1770 год есть статья “Чензыя, китайского философа, совет, данной его государю”, а в ней такие строки: “Если учреждению твою будут легкомысленны, и, следовательно, нетверды, то ведай, что не только государство свое неисправишь, но и самого тебя исправить трудно будет”

В листе 27 "Смеси" опубликовано письмо "настоящего камчадала". Автор этого письма (скорее всего кто-либо из сотрудников журнала), приняв состояние неискушенного, наивного человека, дикаря, якобы приехавшего из мест, где люди свободны и равны, делает смелые нападки на общественное устройство. Вот, например, как он характеризует Петербург, который, по его мнению, населен колдунами: "Колдовство уверяет простой народ, что он должен пахать, сеять и собирать жатву единственно для своих помещиков, а иногда оттого и умирать с голоду: одним словом, он думает, что рыбы, птицы и все видимое на свете принадлежит барам".

Вполне конкретным целям издателей отвечали и отдельные номера журнала, порядок размещения в них материалов (хотя в тогдашних журналах не было деления на отделы — это было введено только Карамзиным).

Стройна и очень интересна композиция журнала Крылова "Почта духов". Арабскому философу Маликульмульку пишут различные корреспонденты. Письма гномов, например, почти всегда конкретны. В них говорится о шеголях и шеголихах, дурных судьбах, игроках, надутых вельможах. В письмах сильфов нет такой конкретности, они философски обобщают то, о чем говорится в письмах гномов.

Таким образом слова, мысли, убеждения русских писателей доходили, несмотря на противодействие цензуры, до читателей, будоражили общественное мнение, рисовали истинное положение в стране. Нам теперь приходится удивляться, восхищаться тому жанровому разнообразию, тем многочисленным приемам, которые использовали журналисты 18 века, вступившие в противодействие власти. Многие из их творческого наследия перешло в 19 век, в наше время: преемственность среди русских журналистов никогда не прерывалась.

ЖУРНАЛИСТИКА ПЕРВОГО ДЕСЯТИЛЕТИЯ XIX ВЕКА

Политическая обстановка в первый год 19 века в России была сложной и тревожной. Царствование Павла ограничило и без того скованную самодержавной властью возможность не только действовать, но и мыслить без высочайшей регламентации. Павлу принадлежит печальной известности уникальный в русской истории указ об изъятии из обращения некоторых слов, таких, как "гражданин" преследование "общество и т. д. В апреле 1800 года он издал указ о запрещении ввода в Россию любых иностранных книг, включая нотную литературу. Были закрыты все частные типографии. В крепости и ссылке находились Н.И.Новиков и А.Н.Радишев. Ношение круглой шляпы почиталось признаком "якобинизма". В 8 часов вечера в Петербурге гасились огни и конный патруль курсировал по городу. Казалось, замерли журналистика и литература.

12 марта 1801 г. царь Павел I был убит. Это событие всколыхнуло Россию, но о смерти тирана мало кто сожалел. Современник записал в дневнике: "марта 12 поутру, проснувшись, слышу о смерти Павловой. Радость..."

В России начиналась либеральная весна нового царствования. В первые недели своего правления Александр I издал ряд указов, свидетельствующих о новом курсе правительства. Были освобождены из тюрем и ссылок около 500 политических заключенных, среди них - Новиков и Радишев.

15 марта амнистированы беглецы, скрывавшиеся за границей.

16 марта - снят запрет на ввоз товаров из-за границы.

19 марта издан указ, чтоб полиция не чинила обид и притеснений.

31 марта отменено запрещение на ввоз в Россию книг из-за границы и разрешено распечатать частные типографии.

2 апреля уничтожена ненавистная тайная экспедиция, причинившая столько несчастий.

28 мая запрещены объявления в печати о продаже людей без земли.

5 июня объявлено о создании комиссии по составлению законов, куда вошли члены кружка молодых людей.

Александр широко рекламировал свое желание "доставить все возможные способы к распространению полезных наук и художеств"

Через 4 месяца после смерти царя в Петербурге собрались на первое заседание члены Вольного общества любителей словесности, наук и художеств. Это было 15 июля 1801 года. Учредителями его были выходцы из Академической гимназии И.Борн, В.Попугаев, В.Дмитриев, А.Волков, В.Красовский и М.Михайлов. В 1802 году состав общества расширился, и в него вошли художник А.И.Иванов, А.Е.Измайлов, историк и переводчик Д.И.Языков, И.Пнин и др. Большинство членов общества были выходцы из небогатых семей. Так, например, отец Измайлова, одного из президентов общества, владела всего семью душами крепостных, а сам он отрекомендовал себя так: "В моем лице обыкновенность, отменности ни искры нет... Душой моею лишь владею, к тому ж чин маленький имею"

Вольное общество было весьма неоднородно по своему составу. Его членами были как радикально мыслящие деятели (Пнин, Борн, Попугаев), так и представители карамзинистского толка. Вопросы, обсуждавшиеся в Обществе, были не новыми. На заседаниях его спорили о языке и литературе, о развитии

наук, о национальном характере. Но несмотря на расплывчатую социально-политическую платформу, члены этого объединения вновь поставили перед русским обществом проблему крепостничества.

Вольное общество, нуждаясь в пропаганде своих взглядов, издавало периодические издания. Среди них особенно выделялись альманахи "Свиток муз (1802 и 1803 г.г.) и "Периодическое издание вольного общества любителей словесности, наук и художеств"(1804). Кроме того, появились журналы, выпускавшиеся членами общества и близкими ему людьми:

а)"Северный вестник"И.Мартынова (1804-1805),

б)"Журнал российской словесности Н.Брусилова (1805),

в)"Любитель словесности"(1806),

г)"Цветник" (1809-1810) Измайлова и Бенитцкого.

"Свиток муз". Первый альманах Общества открывался стихотворением Востокова "Ода достойным" политический мотив которой звучал недвусмысленно: восхваление цареубийц. В том же номере была напечатана "Ода Калистрате" И.Борна тоже своеобразный отклик на смерть Павла, где воздавалась слава гражданским героям древней Греции, заколовшим тирана. Первая книжка "Свитка муз" и особенно стихи Востокова в ней обратили на себя внимание публики. Сборник попал к Александру I.

Через год, в марте 1803 года, была издана и вторая книга "Свитка муз" по свидетельству современника, "принятая любителями отечественной словесности столь же благосклонно, как и первая" Там была помещена некрология на смерть Радищева 12 сентября 1802 года. Известно, что на это событие сразу откликнулся И.Пнин. Его стихотворение - "Итак, Радищева не стало! Мой друг уже во гробе он! То сердце, что добром дышало, постиг невежества закон" - распространялось в списках.

В печати первым откликом был некролог И.Борна под заглавием "На смерть Радищева". В этом произведении

Борн рисует образ свободолюбца, резко подчеркивает его несчастную судьбу. Великий человек, пишет он, страдал за добродетель, жил в утеснении, претерпел гонения и ссылку.

*И у нас имеет правда, добродетель
своих страдальцев: там Сократ,
Мудрец и смертных благодетель
Казнен; а в ссылке там сто крат
Пьют Патриоты смерти чашу"*

Упоминание Сократа в этом произведении не случайно. Сам А.Н. Радишев часто обращался к личности философа. Он называл его "воплощенной добродетелью". Образ Сократа использовался во многих произведениях русских просветителей как прообраз человека, под страхом смерти не изменившего своим убеждениям. Сократ выпил чашу яда по приговору суда. Радишев отравился, приневоленный царской действительностью. Эта параллель сквозной мыслью проходит через произведение И. Борна: "Друзья! Посвятим слезу сердечную памяти Радишева. Он любил истину и добродетель. Пламенное его человеколюбие жаждало одарить всех своих собратий... Он зрел лишь слабости и невежество, обман под личиною святости - и сошел в гроб. Он родился быть просветителем, жил в утеснении - и сошел в гроб". Борн, как видим, прямо связывает добровольную смерть истинно великого человека с утеснением. Радишев умер, и, как сказывают, насильственной, произвольной смертью, - пишет он. - Как согласить сие действие с непоколебимою одного твердостью философа, покоряющегося необходимости и радеющего о благе людей в самом изгнании, в ссылке, в несчастии, будучи отчужденным круга родных и друзей?.. Или признал он ничтожность жизни человеческой? Или отчаялся он, как Брут, в самой добродетели? - Положим перст на уста наши и пожалеем об участи человечества"

Может быть, Борн, говоря это, вспомнил самого Радишева, его слова? "Если ненавистное счастье истощит

над тобою все стрелы свои, если добродетели твоей убежища на земле неостанется, если доведенну до крайности не будет тебе покрова от угнетения, тогда вспомни, что ты человек, вспомяни величество твое, восхити венец блаженства, умри

Конец 1803 года знаменовал собой и конец либеральной весны. Молодой царь заканчивал игру в либерализм. Ни о каких реформах он уже не помышлял и был озабочен лишь укреплением принципов самодержавия. Многозначительные обещания спускались на тормозах. Так, намеки на уничтожение крепостного права обернулись кулым указом о вольных хлебопашцах негласный комитет, на который возлагали столько надежд либералы, был распущен; возвратился на службу Аракчеев, который скоро стал оказывать огромное влияние на внутреннюю жизнь страны; был возвращен на службу бывший павловский министр юстиции князь Лопухин.

В 1804 году один из видных деятелей Общества Василий Попугаев выпустил в свет журнал **“Периодическое издание вольного общества любителей словесности, наук и художеств”** “Василий Васильевич Попугаев, - писал о нем Греч, принадлежал к разряду неузнанных гениев, которые часто встречаются во все времена. Одаренный доброй душой, пылким воображением, вдохновленный самыми чистыми намерениями,... он бросался во все стороны, начиная многое и не кончил ничего. Он умер в неизвестности” Закончив гимназию, Попугаев в 1802 году “по высочайшему повелению был назначен в Комиссию по составлению законов. В результате преуспевания по службе даже получал от царя подарки брильянтовый перстень, табакерку.

В Вольном обществе В.Попугаев представлял левое крыло. По характеру он был человек вспыльчивый, с преувеличенным представлением о долге дружбы, и, будучи

сам небогатым, охотно делился с друзьями и даже незнакомыми всем, что имел.

Содержание первой книжки журнала послужило причиной очередного столкновения в Обществе. Она была отредактирована крайне неряшливо, изобиловала опечатками, а “Краткая история Вольного общества” написанная Попугаевым, изобиловала мелкими подробностями и была изложена языком, по мнению многих, скверным, безграмотным. Попугаев вообще не отличался строгостью и тщательностью стиля. Когда книга вышла в свет, члены Общества Н.М.Языков и его приятель Н.А.Радишев подали заявление. “История общества, писали они, составлена совершенно непристойным образом. Чистосердечие не всегда бывает добродетелью, а здесь оно простерто до излишества. Речи Попугаева и Борна, помещенные в “Периодическом издании” “нимало не следовали быть преданы тиснению. Языков и Радишев отмечали, что “причины, побудившие их к произношению сих речей, совсем не приносят чести обществу, ибо читатель ничего более из них не узнает, как то, что собрание 1801 года было очень бурно, из чего может даже вывести заключение, что в нем дрались” Но не в этом была суть разногласий.

Языков и Радишев упрекали Попугаева в политической неблагонадежности. Указывая на то, что в журнале упоминаются имена Рейналя и Вольнея, они восклицали: “Что подумает об нас правительство, узнав, что мы преимущественно занимаемся такими сочинениями, кои от оно́го запрещены?” По-видимому, осторожные члены Общества были испуганы не только переводами названных авторов. В “Периодическом издании” была напечатана статья Попугаева “Негр” С указанием “перевод с испанского” В монологе негра говорилось об угнетении, в нем явственно звучали угрозы притеснителям: А вы, о варвары! Страшитесь гнева небес за коварное сердце ваше, вы погибнете без всякой пощады; вы дадите отчет за

отъятие воли нашей” Воля не есть продажная, цена золота всего света не в силах оной заплатить, и никакой тиран ею располагать не должен” Негритянская тема вообще занимала внимание русских просветителей. Например, И.Пнин в добавлениях к своему “Опыту о просвещении” прямо сравнивал положение русских крепостных с неграми. Об этом писал и Радишев в главе “Хотиллов” в “Путешествии из Петербурга в Москву”

Содержание альманаха Свиток муз и “Периодического издания” свидетельство радикальных настроений в русском обществе начала 19 века. Но определенная недоступность широкому читателю значительно снижала степень их влияния на умонастроения в обществе. С профессиональной точки зрения они не шли ни в какое сравнение с леворадикальными изданиями 18 века ни по форме (ежегодный альманах и нерегулярное “Периодическое издание”), ни по содержанию, которое носило довольно эклектичный, а порой случайный характер; они не сумели занять лидирующее место в журналистике.

Подлинный успех у читателя завоевал журнал Н.М.Карамзина **“Вестник Европы”**, который писатель и историк редактировал с 1802 по 1804 год.

В.Г.Белинский считал, что с деятельностью Н.М.Карамзина связан определенный рубеж в истории отечественной журналистики: “До Карамзина у нас были периодические издания, но не было ни одного журнала: он первый дал нам его” Вообще, по его мнению, 18 век был веком периодических изданий, но не журналов. Журнал это “организм” с четким идейно-политическим направлением, постоянным кругом сотрудников, с собственными методами воздействия на читателя, т.е. характером отбора и обработки информации. В 18 веке этими качествами обладали, пожалуй, лишь “Трудолюбивая пчела” А.Сумарокова и издания Н.Новикова. Другой важной заслугой Карамзина Белинский считал то, что тот

сформировал “класс читателей” “создал русскую публику” и действовал на нее не нравоучением, не дидактикой, не открытой публицистикой, а понятным и “приятным образом”

Начиная издание “Вестника Европы”, Н.М.Карамзин был не новичком в журналистике. Известность в литературных кругах ему принесли поэтические альманахи “Аглая” и “Аониды”, а также “Московский журнал” (1791-1793 г.г.), которые писатель издавал в последнем десятилетии 18 века. Карамзин был признанным главой литературного направления - сентиментализма. В целом философия этого направления основывалась на принципах естественного равенства людей - вполне в духе Просвещения. Разделяя эти идеи, Карамзин не пришел к политическому радикализму. Наоборот, он был стойким и убежденным сторонником монархической власти. Но пробуждение интереса к человеческим чувствам, идея личности и ее прав, пусть даже без радикальных выводов, явились симптомами определенных сдвигов в отечественной культуре. Политическая позиция Карамзина была заявлена им еще в “Московском журнале”: “ Всякое гражданское общество, веками утвержденное, есть святыня для добрых граждан, и в самом несовершеннейшем из них надобно удивляться чудесной гармонии, благоустройству, порядку” “Паситесь, мирные народы, - писал он, -блага развития спадут на вас без борьбы, как манна, с неба” Эта позиция к началу нового века не изменилась. Более того, Карамзин имел возможность, будучи во Франции, наблюдать события французской революции, и он раз и навсегда убедился в пагубности переворотов.

Собственно, инициатива создания “Вестника Европы” принадлежала одному из арендаторов типографии Московского университета И.В.Попову. Он обратился к Карамзину с просьбой составить программу журнала и “принять на себя редакцию” Во второй половине 1801 года в петербургских газетах стали

появляться объявления, извещавшие о выходе "Вестника Европы" Говоря современным языком, началась рекламная кампания по привлечению читателя. Было обещано, что каждый год будут выходить 24 книжки, представляющие читателю извлечения из 12 лучших немецких, английских, французских журналов. Литература и политика составят две главные части его"

Такое заявление не могло не вызвать интереса в публике, только что очнувшейся после изоляции павловского правления. Внимание к политике в начале царствования Александра I, о которых говорилось выше, было всеобщим.

Карамзин выдержал заявленную программу. Его журнал в первый год существования привлек 580 подписчиков, а на следующий год их число почти удвоилось, стало 1200. Цель издания, как писал Карамзин, состоит в том, чтобы "не учить, а единственно занимать русскую публику приятным образом, не оскорбляя вкуса ни грубым невежеством, ни варварским слогом

"Интересно" интересно свежо, ловко "увлекательно" такими эпитетами определил Белинский содержание "Вестника Европы" Но не только в этом заключалось достоинство нового журнала, хотя и оно было весомым, особенно на фоне "Периодического издания", страдавшего неряшливостью языка.

Основным был отдел "Политика" Карамзин так сумел организовать дело, что по свежести информации его журнал не уступал ведущим газетам того времени -Санкт-петербургским и Московским "Ведомостям", печатавшим зарубежную информацию. Начиная с середины 1802 года, очевидно, с целью подчеркнуть свежесть информации, в журнале стали обозначаться даты сообщений. Так, например, материал о заседании кабинета министров в Лондоне, состоявшемся 13 мая, был напечатан в июньском номере, сообщения из Парижа от 20 и 23 августа - в первой сентябрьской книжке. Приходится только удивляться такой

оперативности в передаче информации при отсутствии современных средств связи!

Поразительной была и широта охвата европейских событий в журнале Карамзина. Вот, к примеру, содержание отдела "Политика" в № 2 за 1802 год: речь депутатов французского законодательного совета; письмо из Генуи; письмо из соединенных американских областей; действие войны и революций; письмо из Санто-Доминго; затем следовали "Известия и замечания" из Константинополя, Голландии, Италии, Франции.

В отделе "Политика" печатались статьи и заметки о политической жизни Европы, речи государственных деятелей, политические документы, обозрения европейских событий. Именно Карамзин создал этот жанр политическое обозрение с тех пор и до наших дней существующее в отечественной журналистике.

В отделе "Литература" сочинений художественных было немного. Здесь, кроме произведений сентиментальной школы, значительное место занимали статьи по вопросам общественно-политической и культурной жизни, научная информация. Литературная критика в журнале отсутствовала вовсе, что объясняется установкой самого редактора: "Хорошая критика есть роскошь литературы, считал он, - она рождается от великого богатства, а мы еще не Крезы"

Журнал Карамзина выходил в один из немногочисленных спокойных периодов истории, когда в Европе царил мир, во Франции готовился провозгласить себя императором ее первый консул Наполеон Бонапарт. В России тоже было спокойно, на престоле находился молодой, либерально настроенный государь. Все это как нельзя больше соответствовало мировоззрению редактора "Вестника Европы", отнюдь не настроенного на перемены: "Теперь, - писал он, - все лучшие умы стоят под знаменами властителей и готовы только способствовать успехам настоящего порядка вещей, не думая о новизне"

О внутренних делах говорилось в тоне прямого панегирика: “Взор русского патриота, собрав приятные черты в внешнем состоянии Европы, с удовольствием обращается на любезное отечество. Какой надежды не можем разделить с другими европейскими народами мы, осыпанные блеском славы и благотворительностью человеколюбивого монарха?”

Для журнала Карамзина характерен интерес к истории. Здесь был напечатан ряд материалов по истории России, в частности, прозаический отрывок “Марфа Посадница”, повествующий о бунте древнего Новгорода. Его содержание не противоречит позиции Карамзина. Разгромлено восстание. Князь Холмский, глядя с холма на город, произносит: “Народы дикие любят независимость. Народы мудрые любят порядок, а нет порядка без власти самодержавной. Не вольность, часто гибельность, но благоустройство, правосудие и безопасность суть три столпа гражданского счастья”

Это была политическая программа не только “Вестника Европы” но и знаменитого труда Карамзина “История государства российского”. Такая позиция позволяла просить место придворного историографа, которое Карамзин вскоре получил. В 1804 году он ушел из журнала.

Карамзин создал литературно-политический журнал в России в двух его типологических видах - ежемесячный (“Московский журнал”) и двухнедельный (“Вестник Европы”) с постоянными отделами “Литература” “Смесь” “Политика”. Он сумел почувствовать и удовлетворить читательский интерес к свежей, разнообразной информации, что свидетельствует о его редакторском таланте. В статье “О книжной торговле и о любви ко чтению в России”, анализируя жадное стремление публики к чтению, он писал: “Мы издаем журнал для *всей* русской публики... Не многие получают иностранные журналы, а многие хотят знать, что и как пишут в

Европе... Нам приятно думать, что в Грузии или в Сибири читают те самые пьесы, которые двумя или тремя месяцами занимали парижскую и лондонскую "публику"

Благодаря Карамзину, журналистика в России все более принимала характер профессиональной деятельности. Об этом говорят качество и оперативность информации; немаловажно и то, что редактор "Вестника Европы" был первым, кто получал за свою работу денежный оклад.

Развитие отечественной журналистики в первое десятилетие 19 века проходило на фоне преобразований, совершенных Александром I в начале своего царствования. Впрочем, "либеральная весна" первого года после прихода нового государя закончилась быстро. Уже 9 февраля 1802 года вышел указ, в соответствии с которым учреждался полицейский надзор за частными типографиями, "распечатанными" год назад. В 1804 году был принят первый в России **"Устав о цензуре"**. Вот его начало. "1. Цензура имеет обязанностью рассматривать всякого рода книги и сочинения, назначаемые к общественному употреблению. 2. Главный предмет сего рассматривания есть доставить обществу книги и сочинения, способствующие к истинному просвещению ума и образованию нравов, и удалить книги и сочинения, противные сему намерению. 3. На сем основании ни одна книга или сочинение не должно быть напечатано в империи Российской, ни пушено в продажу, не быв прежде рассмотрено цензурою" Так возникла предварительная цензура. Был учрежден Цензурный комитет и регламентировано содержание его деятельности. Параграф 18 гласил: "Если в цензуру прислана будет рукопись, исполненная мыслей и выражений, оскорбляющих личную честь гражданина, благопристойность и нравственность, то цензурный комитет, отказав в напечатании такого сочинения, объявляет в то же время причины сего запрещения тому,

кто прислал оное, а самое сочинение удерживает у себя. Следующий параграф предписывал: Если же в цензуру будет прислана рукопись, исполненная мыслей и выражений, явно отвергающих бытие Божие, вооружающаяся против веры и законов отечества, оскорбляющая верховную власть, или совершенно противная духу общественного устройства и тишины, то комитет немедленно объявляет о такой рукописи правительству для отыскания сочинителя и поступления с ним по закону” Несмотря на внешне либеральный характер, выразившийся в том, что среди авторских прегрешений на первом месте указывались посягательства “на личную честь гражданина”, главное ограничение было зафиксировано в параграфе 19. Право судить о наличии указанных в нем нарушений предоставлялось единолично цензорам, что, естественно, не исключало возможности произвола. В параграфе 21 содержалось следующее предписание: Впрочем, цензура в запрещении печатания или пропуска книг и сочинений, руководствуется благоразумным снисхождением, удаляясь пристрастного толкования сочинений или мест в оных, которые по каким-либо мнимым причинам кажутся подлежащими запрещению. Когда место, подверженное сомнению, имеет двоякий смысл, в таком случае лучше истолковать оное выгоднейшим для сочинителя образом нежели его преследовать” На практике это указание, увы, не было исполнено. Цензура находилась в ведении Министерства народного просвещения, чиновником которого был и сам автор устава И. Мартынов.

Реакция литераторов на введение Устава была отражена в материале под названием “Сочинитель и цензор”. Он был напечатан в 1805 году в **“Журнале российской словесности”** и снабжен ироническим подзаголовком “перевод с манжурского” Автором диалога между сочинителем и цензором был известный литератор И. Пнин, скончавшийся незадолго до его опубликования.

В материале затрагивался самый болезненный для творческих людей вопрос о пределах вмешательства цензора в авторский текст. Сюжет его прост. Писатель приносит в цензуру рукопись под названием "Истина" Любопытно звучит мотивировка отказа цензора. На вопрос, "для чего же" нельзя печатать сочинение, следует ответ: "Для того, что я не позволяю, следовательно, это непозволительно" Характерен финал сцены: "*Цензор* (гордо). Я говорю с вами как цензор с сочинителем. *Сочинитель* (с благородным чувством). А я говорю с вами как гражданин с гражданином. *Цензор*. Какая дерзость!"

"Журнал российской словесности" выходил в течение 1805 года, был одним из изданий Вольного общества любителей словесности и посвящался обсуждению вопросов литературы и искусства. Он носил общепросветительский характер, что, впрочем, было характерно для всей журналистики первого десятилетия. Политические симпатии и антипатии в обществе этого периода были еще расплывчатыми, пестрыми и неустойчивыми. Дальше либеральных славословий гражданскому согласию, законности, просвещению отечественная пресса не шла, но в области профессионализации журнального дела, благодаря усилиям Н.М.Карамзина, прогресс был очевиден. В количественном отношении по сравнению с концом 18 века также наметились сдвиги. Всего в первое десятилетие возникло около 60 новых изданий, хотя ежегодно существовало 5-6 названий. Журналистика искала пути к читателю, читатель приучался воспринимать прессу как необходимый атрибут общественной жизни.

В заключение следует сказать несколько слов о политике правительства в области журналистики. В это время были опробованы такие средства сдерживания вольного слова, как поощрение и субсидирование отдельных изданий и усиление полицейского надзора за печатью. Так, в 1809 году было начато издание газеты

“Северная почта” Правительство не скрывало своих намерений устроить дело так, чтобы внешне его влияние на содержание вновь создаваемых изданий “сколь можно менее приметно было, что сии газеты издаются от правительства” Эта политика распространялась и на регионы, где сеть частных изданий чаще всего находилась в ведении университетов, как, например, “Харьковский вестник”(1812 г.), “Восточные известия” в Астрахани(1813), “Казанские известия” (1811).

В 1811 году было учреждено Министерство полиции, где специальным параграфом вводилась особенная Канцелярия, предметом деятельности которой была “цензурная ревизия: надзор за книгопродавцами и типографиями”, наблюдение, чтоб не обращались книги, журналы, мелкие сочинения и листки “ без установленного от Правительства дозволения” и т.д. В указе говорилось, правда, о том, что цензура принадлежит Министерству просвещения, но в параграфе 84 7-ой главы фактически было зафиксировано право полиции самостоятельно осуществлять цензурное вмешательство: Если министр полиции усмотрит, что в книгах и сочинениях и с одобрением цензуры изданных, допущены места и выражения, подающие повод к превратным толкованиям ...таковые министр полиции обязан немедленно с замечаниями своими вносить на высочайшее усмотрение и ожидать повеления”. Другими словами, министерство полиции обязано было дублировать действия официально назначенных цензоров, за печатным словом устанавливался двуступенчатый контроль. Так правительство Александра I закончило игру в либерализм. Не успев как следует встать на ноги, журналистика в России вновь попала в тиски режима и опять была вынуждена искать способы выживания и пути к читателю.

ДЕКАБРИСТСКИЕ ИДЕИ В ЖУРНАЛИСТИКЕ ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX ВЕКА

Уже в журналистике первого десятилетия становились все более заметными тенденции к идейной дифференциации. При этом ключевой была позиция журналистики по отношению к власти. Выше мы говорили о том, что особого радикализма в направлении изданий этого периода не замечалось, хотя некоторые коренные вопросы общественной жизни – такие, как положение крестьян и отношение к цензурной политике – были вынесены на обсуждение изданиями, примыкавшими к Вольному обществу любителей словесности, наук и художеств. В свою очередь, “Вестник Европы” Карамзина заявил о п
внутренней политики целиком ориентировался на власть.

Содержание периодических изданий периода Отечественной войны 1812 года рассмотрено в учебнике Б.И.Есина, так что нет необходимости в данном курсе лекций подробно анализировать их. Эту тему студенты изучают самостоятельно, хотя некоторые дополнения все же следует сделать. Ведущими изданиями этого периода были два журнала: **“Сын Отечества”** который начал выходить в Петербурге с октября 1812 года под редакцией Н.И.Греча, и **“Русский вестник”**, издававшийся в Москве С.Н.Глинкой. Обычно эти издания противопоставляют на том основании, что в журнале Греча присутствовали идеи вольнолюбия, в большей степени, чем у Глинки, звучали мотивы прославления подвигов простых солдат, в то время, как “Русский вестник” обходил вниманием эти темы, проповедовал так называемый “квасной патриотизм” и потому пользовался меньшим успехом у читателя. Дело, думается, не в этом. Речь, скорее всего, должна идти о профессиональных моментах, характеризующих разницу в содержании этих изданий. В своем журнале Греч сумел

более оперативно и полно освещать ход военной кампании, и именно это в первую очередь предопределило успех издания. Во-первых, он привлек к сотрудничеству самых видных литераторов и публицистов России, в то время как журнал Глинки преимущественно заполнялся статьями самого редактора. Удивительна была оперативность "Сына Отечества". В одном из номеров начала 1813 года содержится, например, извинение редактора, что за "вчерашний день" не получено известий с театра военных действий. Конечно, речь шла об информации не непосредственно с поля боя, а скорее из Генерального штаба, но все же то внимание, которое уделял Греч оперативности, говорит о его чуткой редакционной политике. В журнале был заведен отдел "Корреспонденции о военных действиях". (Заметим, что здесь и родился сам жанр). Героями корреспонденций были солдаты и офицеры, они рассказывали о событиях с поля боя, настраивающих читателя на сочувствие войску и подъем патриотических чувств. Так, например, воспринимается корреспонденция, в которой есть такой эпизод: лекарь, осматривая раненого гренадера, вынесенного из боя, шупает тому спину, желая выяснить, где остановилась пуля. "Ваше благородие!- произносит истекающий кровью гренадер, - скажите лекарю, к чему он шупает мне спину? Ведь я шел грудью!"

Для того, чтобы представить характер "Русского вестника", стоит привести содержание одного из номеров журнала (1813,N1). Начинался он "Благодарной песней Богу, избавителю России" затем шел материал о московском пожаре, где давалась такая, например, характеристика Наполеону: "В душе Наполеона заключалась совокупная злоба чудовищ, терзавших Францию, человечество и природу" сам император называется "лютым" а его правительство "адским". Затем шла "Речь в воспоминание русских воинов, умерших на поле брани со дня нашествия наших врагов до сего

времени” где Европа называлась “мнимопросвещенной” и упоминалось, как совсем недавно русские воины в различных европейских странах (Голландии, Италии, Германии, Пруссии, Швейцарии) проливали кровь “за независимость, за собственность ее жителей” Далее следовали повесть “Добрые русские помещики”, статья об уважении к старости, снова статьи о Наполеоне, а затем стихи на день рождения Елизаветы и солдатская песня. “Русский вестник” таким образом, больше тяготел к устоявшемуся в журналистике типу литературно-ученого журнала, в то время как “Сын Отечества” все больше проявлял себя как новый тип журнала общественно-политического и литературного характера.

После окончания войны отечественная журналистика типологически развивалась в этих двух направлениях, причем, тип общественно-политического и литературного издания в значительной степени укрепился под воздействием декабристских настроений в обществе.

Прежде чем перейти к анализу изданий, пропагандирующих идеи декабристов, следует сказать несколько слов о политике правительства по отношению к печати в этот период. Как уже говорилось в предыдущей лекции, с образованием в 1811 году Министерства полиции словесность и книгопечатание в России оказалось под двойным присмотром. “Цензурная ревизия”, которая вменялась в обязанность новому министерству, распространялась не только на произведения, уже прошедшие одобрение цензора, но и, сверх того, ей предоставлялось единоличное право дозволения на представления новых театральных постановок и даже на печатание афиш и объявлений. Цензура в России приобретала тотальный характер. С 1815 года даже “суждения” об императорских театрах и актерах, находящихся на службе Его Величества, по распоряжению министра полиции Вязмитинова были сочтены “неуместными во всяком журнале”, под особый контроль

попали русские университеты, из преподавания были исключены курсы естественного права, философии и т.д. История отечественной литературы изобилует примерами изуверской деятельности цензоров Красовского, Тимковского, Олина. Красовский, например, однажды запретил печатать стихотворение, датированное 9 марта, на том основании, что это начало великого поста и “весьма неприлично в это время писать о дюбви девы, неизвестно какой”

Журнал Н.И.Греча “Сын Отечества” был первым изданием, где можно проследить некоторые программные установки декабристских организаций. В области политики декабристы были противниками самодержавной монархии и настаивали на создании конституционного правительства. В земельных отношениях они выступали против крепостной зависимости и полагали, что наступило время “свободного крестьянина. Декабристы горячо ратовали за свободу предпринимательства, учреждение гласного судопроизводства, свободу вероисповедания и широкое просвещение народа, то есть практически за европеизацию и демократизацию всех сфер общественной жизни России. Эти взгляды, как прямо следует из устава “Союза благоденствия должны были широко распространяться во всех слоях населения страны. “Союз, - говорилось в Законоположении этой организации, распространяет свои взгляды “изданием повременных сочинений, сообразных степени просвещения каждого сословия, сочинением и переводом книг, касающихся особенно до обязанностей человека” В области литературы их установка была прямо связана с пропагандой “чувств высоких и к добру увлекающих” Они считали недостойным “описание предмета или изложение чувства, не возбуждающего, но ослабляющего высокие помышления, как бы прелестно оно не было”

В 1819 году А.Бестужевым была сделана попытка создать журнал “Зимцерла” охватывающий “все части

отечественной, иностранной словесности”, а также критику и все отрасли гражданских и военных наук” Разрешение не было получено. Не удалась и попытка Н.И.Тургенева выпускать свой журнал “Россиянин 19 века” или “Архив политических наук” Только в 1823 году будущим декабристам удалось создать собственный альманах **“Полярная звезда”** в 1824 году появилась **“Мнемозина”** Их характеристика присутствует во всех учебниках по истории журналистики и нет необходимости останавливаться на них подробнее, тем более, что, по сравнению с другими изданиями, в которых участвовали декабристы, круг обсуждаемых в них проблем носил преимущественно литературно-философский характер.

Итак, журнал Греча стал первым среди периодических изданий, благодаря которым декабристы получили общественную трибуну. В 1818 году в “Сыне Отечества” была опубликована статья профессора Царскосельского лицея, государствоведа, учителя Пушкина А.П.Куницына “О конституции” Это был человек, который, по словам Энгельгардта, директора лицея, на кафедре беспрестанно говорил против рабства и за свободу” Конечно, цензурные условия не позволяли Куницыну говорить определенно, и в статье проблема ставится вполне в духе общепросветительских идей, но все же сама постановка для публичного обсуждения вопроса об ограничении самодержавной власти носила характер политического радикализма. Смысл рассуждений Куницына заключался в обосновании необходимости иметь при лице верховного властителя представителей, которые извещали бы его о нуждах народных и “как отца народа...умоляли о принятии мер противу зла, существующего в обществе,...с благодарностью могли испрашивать у его правосудия законов, равно для всех благодетельных” Так была поставлена проблема государственного устройства России на основании конституции, законов и народного представительства. Эта тема была продолжена в 1820 году

в статье Н. Кутузова "О причинах благоденствия и величия народов", где выдвигались идеи личной свободы граждан, неприкосновенности имущества, охраняемых законом. Декабрист Н.И. Тургенев писал брату: "Так как у нас нельзя говорить прямо то, о чем говорить надобно, то я полагаю, что это должно быть наряжено в одежду теории" Именно так под покровом теории и развивалась публицистика декабристов, полная иносказаний, умолчаний, намеков, витиеватых научных размышлений.

Главная из программных установок движения декабристов проблема государственного устройства России - часто решалась в сопоставлении с историческим опытом других стран. В 1817 году было опубликовано первое историческое обозрение политической жизни России под заголовком "Год 1816" Затем ежегодно следовали "Год 1817" "Год 1818" и т.д. Уже в первом обозрении на примере жизни Германии автор приходит к выводу, что монархия отживает свой век. Более того, говорилось в нем, "политики находили в нынешних происшествиях и образе мыслей Германии признаки близкой революции. Если революция значит перемену правления, то, конечно, должно ожидать сего. В исторических обзорах речь шла также о национально-освободительном движении, которое охватило Европу после поражения Наполеона.

Обсуждение проблем политики неизбежно вело к постановке крестьянского вопроса. Под видом полемики, рецензии на иностранное сочинение, письма к издателю в журнале поднималась запретная по цензурным правилам тема положения крепостного крестьянства. Среди таких выступлений можно назвать статью А. Куницына "О состоянии иностранных крестьян" "О нынешнем нравственном и физическом состоянии лифляндских и эстляндских крестьян" А. Бестужева, "Письмо к издателю" Н. Тургенева. "Одна коренная несправедливость существование рабства, - писал Тургенев, - влечет за собою

множество несправедливостей, которых устранить невозможно, не устранив самой причины” Бестужев анализировал в своей статье частичное освобождение крестьян, прошедшее в Прибалтике. Куницын высмеивал суждения своего оппонента о том, что “свобода есть пустое слово” “Легко проповедовать благополучие неволи за чужой счет и рекомендовать оную другим,...а самому навсегда оставаться при худой свободе” Эти выступления попали в поле зрения цензуры, и вскоре Министр народного просвещения отдал приказание “обратить особое внимание цензоров на издаваемые журналы и другие сочинения, дабы в них ни под каким видом не было печатаемо ничего ни в защиту, ни в опровержение вольности крестьян, не только здешних, но и иностранных, ни вообще материй, касающихся до распоряжений правительства”

К началу двадцатых годов “Сын Отечества” становится преимущественно литературным журналом, что напрямую зависело от цензурных вмешательств. В журнале хорошо велся отдел библиографий, где давались известия обо всех выходящих в России книгах и рассматривались некоторые из них. Сам же литературный отдел наполнялся преимущественно переводами, описанием путешествий. Лучше дело обстояло с поэзией. В журнале были напечатаны стихи Пушкина “Черная шаль” и “Погасло дневное светило”, произведения Крылова, Дельвига.

В области литературной критики выделялась статья Рыльева “Несколько мыслей о поэзии” В пору жестоких споров между литературными течениями романтизма и классицизма он прямо заявил, что на деле “нет ни классической, ни романтической поэзии, а всегда была, есть и будет одна, истинная и самобытная”, целью которой, по его мысли, является “осуществить в своих писаниях идеалы высоких чувств, мыслей и вечных истин, всегда близких человеку и всегда недовольно ему известных”

Литературно-критическая позиция декабристов полно реализовалась в другом журнале **“Соревнователь просвещения и благотворения”**(1818-1825). Это был орган Вольного общества любителей российской словесности, которое работало под эгидой и покровительством государя, что, естественно, сужало диапазон критических настроений. Журнал был далек от политики. Здесь печатались произведения Рылеева, Кюхельбекера, Ф.Глинки. Идеи патриотизма, воспитание любви к Отечеству на примерах исторического прошлого, истолкование романтизма как явления национальной самобытности, идея высокого предназначения поэзии - вот круг тем журнала. В “Соревнователе” возобновляется освоенный в 18 веке жанр путевого очерка (“Записки о Голландии” Николая Бестужева, “Путешествие в Ревель” Александра Бестужева).

Журнал издавался малым тиражом всего 200 с лишним экземпляров, так что говорить о его влиянии на настроения в обществе не приходится. Гораздо более значительным событием в истории отечественной журналистики, и в общественной жизни страны был другой журнал **“Невский зритель”**. Он выходил с января 1816 года по июнь 1821 года, ежемесячно. Его издателями были И.Сниткин, Г.Кругликов, М.Яковлев. История журнала, личности его издателей изучены мало. Разрешение на издание, по свидетельству А.Скабичевского, было получено быстро, так как персона Сниткина, чиновника департамента соляных и горных дел, магистра этико-политических наук, очевидно, не вызвала особых подозрений в цензурном ведомстве. В журнале приняли активное участие Кюхельбекер и Рылеев. Этот факт, конечно, повлиял на определение его политической позиции. Среди всех органов печати, в которых сотрудничали декабристы, он выделяется особым вниманием к вопросам социальной истории, экономики, педагогики.

Начинался журнал на удивление смело. В первом номере было прямо заявлено, что в отделе “История и политика” будут освещаться “важные перевороты, которыми решалась судьба государств, правление, законодательство, состояние просвещения и т.д. В следующем, втором, номере некто, скрывающийся под псевдонимом “сосед Колупаевский” спрашивал: “Что значит: важные перевороты составят предмет статьи? Почему перевороты, которыми решалась судьба царств?” Повторимся: журнал начал издаваться в пору мрачайшей цензуры, бдительно охраняющей умы сограждан от внедрения вольномыслия. Но это - в статьях и сочинениях. Не имеет ли в данном случае место быть чисто журналистский прием: хотя бы фразой, вопросом привлечь внимание к теме? Такое предположение кажется возможным, если внимательно прочесть ответ, данный из редакции в сентябрьской книжке 1820 года: “причины, по которым падали царства, не всегда происходили от правления и законодательства” а дальше приводился перечень типов правления (“деспотическое, монархическое, аристократическое, республиканское”) и указывалось: “нельзя согласиться, чтобы сии слова были синонимы. Итак, мы остаемся при своем и станем писать о переворотах” В следующей, октябрьской, книге журнала было помещено знаменитое стихотворение Рылеева “К временщику”, содержание которого не оставляло сомнений в антиправительственной направленности журнала. Но, как известно, Аракчеев предпочел “не узнать себя” в герое стихотворения, и гроза над журналом временно была отодвинута. Впрочем, внимание цензоров привлек уже третий номер журнала. В нем была напечатана статья Сниткина “О влиянии правительства на промышленность” Она поднимала крайне важный для страны вопрос о том, какие товары и в каком количестве должны были ввозиться из-за границы. По сути, речь шла о необходимости развития отечественной промышленности, о протекционистской

политике государства по отношению к ввозимым товарам. Министр народного просвещения Голицын в предписании цензуре отозвался о ней как о статье, “в коей делаются замечания правительству в постановлениях и распоряжениях его, и делаются оному наставления, весьма неприличные ни в каком отношении. Такое смелое присвоение частными людьми себе права критиковать и наставлять правительство ни в каком случае не может быть позволено” Так русская журналистика вступала в конфликт с властями не только по общеполитическим, но и по частным вопросам, реализуя свое природное право социального контроля.

Вообще, личность и публицистика издателя “Невского зрителя” И.Сниткина заслуживают отдельного рассмотрения. Его статьи печатались почти в каждом номере. Среди них: “О правлении, образованности и политических переменах в Греции, с объяснением причин ее возвышения и упадка” “О постоянном образовании гражданских обществ” само название которых говорило о круге проблем, интересующих автора.

Большое внимание уделял журнал проблемам национально-освободительного движения в Европе. Сочувственно был подан “Обзор конституции кортесов” в Испании, ограничивших власть монарха, печатался цикл очерков Кюхельбекера “Европейские письма” где “великим” был назван пример Испании, добившейся конституционных ограничений самодержавной власти.

Как отмечалось, в центре просветительской деятельности декабристов было воспитание активной, просвещенной личности. Этому были посвящены статьи “О сохранении здоровья детей” “О гимнастике”, о пользе обливания холодной водой.

Пропаганда декабристов была направлена на все сословия, и в практике “Невского зрителя” эта установка была реализована. Здесь появляются материалы, посвященные быту и нравам “третьего сословия” рассказ

Рылеева "гостиный двор по своим жанровым особенностям близкий к "физиологическому очерку" будущей натуральной школы, где было заявлено о симпатии к людям, которые, как говорилось в стихотворении Г.Кругликова "К соседу" ...хоть и бедны, но не знают, как в передних шаркать у князей"

29 июля 1821 года один из издателей "Невского зрителя" (и, по-видимому, главный) И.Сниткин написал с Санкт-Петербургский цензурный комитет заявление о прекращении журнала: "Меру сию я почитаю нужною, потому что хотя сотрудник мой по оному изданию кандидат коммерции Гаврила Кругликов и объявил мне желание на продолжение сего журнала, ...но неизвестно, будет ли дано ему на то позволение Предчувствие не обмануло Сниткина, на этом история журнала обрывается.

Деятельность декабристов в отечественной журналистике составляет важный этап ее развития. Благодаря им, значительно расширился тематический диапазон прессы. Это особенно примечательно, если вспомнить, в каких тяжелых цензурных условиях находилось печатное слово. В "одежде теории" декабристы поставили перед русским обществом самые важные, самые острые проблемы общественной жизни: политические, экономические, нравственные, вопросы воспитания. А.Бестужев создал жанр ежегодного литературного обзора, блестяще освоенный затем В.Белинским. Декабристы предельно насытили публицистикой художественную литературу, развили политическую сатиру, укрепили в публицистике страстный ораторский стиль, сделали жанр оды боевым журналистским жанром, широко использовали образы-символы. Для них была характерна устойчивость словаря, что объясняется их пропагандистскими задачами. За общими терминами "любовь к Отечеству" "добродетель гражданина" "народность" скрывалась ярко выраженная социальная направленность.

Их политический и нравственный подвиг оставил большой след в национальном сознании и отечественной культуре. Виселицы эти, по выражению Герцена, “верстовые столбы царизма не испугали многие поколения русской интеллигенции, одушевленной любовью к своему отечеству.

РУССКАЯ ЖУРНАЛИСТИКА КОНЦА 20-х И В 30-х ГОДАХ XIX ВЕКА

Выстрелы на Сенатской площади 25 декабря 1825 года и последовавшие затем изменения в политике самодержавия непосредственным образом отразились на положении печатного слова в России. 1826 год начался тем, что Николай предпринял ряд мероприятий по ограничению доступа к информации, по предотвращению возможности нового революционного выступления. Среди них самые тяжелые последствия для журналистики и литературы имело учреждение в июле 1826 года III отделения Собственной его императорского величества канцелярии. Раньше, при Александре, императорская канцелярия была малочисленна. Николай значительно расширил штаты, разбил ее на шесть отделений, четко определив функции каждой. Так, I отделение готовило бумаги для доклада царю, II занималось кодификацией законов, а в ведение III отделения были отнесены дела высшей политической полиции, надзор за устроениями в стране, контроль за литературной деятельностью. Чиновники III отделения надзирали за деятельностью всех министерств и департаментов, были внедрены в почтовое ведомство для перлюстрации корреспонденции сограждан, осуществляли контроль за театром и т.д. Управляющим III отделением стал А.Бенкендорф, а с 1836 года Л.Дубельт. Виселицы декабристов словно провели грань между тем, что было, и тем, что стало, а день 14 декабря разделил не просто

временные отрезки. Наступила эпоха цензурного террора, и, по словам А.И.Герцена, “понадобилось не менее десятка лет, чтобы человек мог опомниться в своем горестном положении порабощенного и гонимого существа”

Поддавив восстание декабристов, Николай I заявил: “Революция на пороге России. Но клянусь, что она не проникнет в Россию, пока во мне сохранится дыхание жизни” Государь сдержал клятву. Газета Ф.Булгарина “Северная пчела”, ставшая правительственным официозом, в первый год существования печаталась в траурных рамках по случаю смерти Александра I. Они же появились после смерти Николая тридцать лет спустя в 1855 году и могут рассматриваться как символ существования прессы в период николаевского правления. Два цензурных устава - 1826 и 1828 годов тяжелыми оковами повисли на отечественной словесности.

Всего через полгода после восстания декабристов, 10 июня 1826 года был высочайше утвержден новый, второй по счету, цензурный устав. Основное назначение цензуры авторы нового устава видели в борьбе с “вольнодумными” сочинениями, “наполненными бесплодными и пагубными мудрствованиями новейших времен” Устав предусматривал изменения требований к литературным и периодическим изданиям и реорганизацию цензурного управления.

Отдельные положения нового устава повторяли соответствующие параграфы предыдущего. Запрещалось печатать антирелигиозные, “возмутительные” “непощадительные” или безнравственные сочинения. Вместе с тем, целый ряд параграфов устава 1826 года носил небывало жесткий характер. “Венцом” его с полным правом можно назвать параграф 151, который предписывал цензорам отыскивать в сочинениях и переводах места, “имеющие двоякий смысл, ежели один из них противен цензурным правилам” Параграф 158 напоминал цензорам, что они должны “обращать

особенное внимание на повременные и мелкие сочинения, кои быстрее других расходятся, и в случае предосудительного содержания, могут производить гораздо опаснейшие последствия”

Всеобщее недовольство цензурным уставом заставило правительство пойти на некоторые уступки. На этот раз оно не торопилось. Только 22 апреля 1828 года -спустя почти два года после принятия “чугунного устава Николай I начертал на своде новых цензурных правил: “Быть по сему” После этого устав 1828 года вступил в силу.

Внесенные изменения коснулись, в основном, цензурного аппарата: расширилась сеть цензурных комитетов; в состав Главного управления цензуры, помимо представителей от министерств, вошел управляющий канцелярией III отделения. Новый устав обещал незначительное облегчение авторам и издателям. Так, параграф 15 констатировал, что цензура не имеет права “входить в разбор справедливости или несправедливости частных мнений и суждений” писателя, если они, конечно, “не противоречат общим правилам цензуры” Кроме того, отныне цензура не могла входить в суждение о том, “полезно или бесполезно рассматриваемое сочинение и не должна исправлять слога или замечать ошибок автора в литературном отношении” А параграф 6 нового устава предлагал цензуре принимать “за основание явный смысл речи, не позволяя себе произвольного толкования оной в дурную сторону” Конечно, это была не более, чем красивая фраза.

О том, как руководствовались цензоры последним предписанием, можно судить из следующего факта. “Литературная газета” А.А.Дельвига была запрещена в 1831 году после опубликования эпитафии на памятнике жертвам июльской революции во Франции. В том же году в цензуру была представлена статья “Обелиск” Цензор, помня о запрещении “Литературной газеты”, не решился

пропустить ее на том основании, что в ней говорится о памятнике, воздвигнутом “неизвестно где и по какому случаю!”. “Может быть, - рассуждал он, - под оным разумеет сочинитель обелиск во Франции в память последних переворотов?” Такое поведение цензора находилось в вопиющем противоречии с параграфом 6 устава, по которому цензор должен был обращать внимание только на явный смысл сочинения. Таким образом, устав 1828 года оставлял большую свободу действия цензорам. Они самостоятельно решали вопрос о вредности или допустимости сочинений и потому, боясь последствий, зачастую не пропускали самых безобидных произведений. В новом цензурном уставе еще строже запрещалось печатно обсуждать вопросы политические и государственные. Запрещение писать о политике и о “современных правительственных мерах” (параграф 12) выдвинуло в журналистике второй четверти XIX века на первое место научно-литературные интересы. Нужно было немало изобретательности, чтобы в обход цензуры касаться вопросов внутренней политики. Именно с этого времени в журналистской практике все более широкое распространение находят разного рода политические намеки, иносказания то, что получило название “эзоповского языка”

Устав 1828 года очень недолгое время оставался в неприкосновенном виде. Так, в том же году А.Х.Бенкендорф подчинил своему личному надзору критику театральных представлений. По требованию шефа жандармов с 1830 года в III отделение начали доставляться обязательные экземпляры всех выходящих в России периодических изданий для дополнительного контроля. Июльская революция 1830 года не замедлила поколебать последние попытки устоять на почве верности уставу. Правительство, едва оправившееся от впечатлений 1825 года, вновь встревожилось при виде новой бури, и эта тревога не замедлила обрушиться всей тяжестью на прессу.

В 1831 году цензорам предписали “рассматривать периодические издания с особым вниманием и в пропуске назначаемых для них статей соблюдать крайнюю осмотрительность и осторожность” С 1832 года на издание новых журналов и газет требовалась личная санкция царя, “высочайшее соизволение” Наличие в цензурном комитете представителей министерств, которые получили право предупреждать и пресекать распространение вредных идей, создало многоступенчатость цензуры. Если мысль проходила через одну заставу, то у другой, у третьей ей приходилось погибнуть. Всего таких застав известный цензор Никитенко в своем дневнике насчитывал 12. И, наконец, в 1836 году было принято решение вообще запрещающее “дозволение новых периодических изданий”

В 1832 году были сформулированы основные постулаты официальной идеологии в России: “православие, самодержавие, народность” Автором теории был С.С.Уваров, ставший в 1834 году министром народного просвещения, или, как назвал его В.Г.Белинский, “министром погашения и помрачения просвещения” С.С.Уваров в 1832 году был товарищем (заместителем) министра А.С.Шишкова, автора первого цензурного устава. Идеи верности престолу, сохранения веры отцов, “чистоты нравов народных” рассматривались им как вернейшее средство воспитания, и для их сохранения, по его мнению, необходимо “умножать, где только можно, число “умственных плотин”

Созданная Уваровым концепция “официальной народности” успешно выполнила эту функцию “умственной плотины”, созданной для ограждения умов сограждан от вольномыслия.

“Если мне удастся отодвинуть Россию на 50 лет от того, что готовят ей теории, то я исполню мой долг и умру спокойно, - говорил Уваров. Его формула “православие, самодержавие, народность” надолго стала опорой официальной идеологии. Причем, третий ее член

народность - толковался как основа для двух первых, под народностью разумелась незыблемость общественного порядка, неподвижность крепостного права.

“Вопрос о крепостном праве тесно связан с вопросом о самодержавии и даже единодержавии, - говорил Уваров.

Это две параллельные силы, кои развивались вместе. У того и у другого одно - начало - законность их одинакова”

“Крепостное право не может быть затронуто без всеобщего потрясения”, - утверждал он.

Таким образом, к 30-м годам 19 века в России не оставалось ни одной области государственной и общественной жизни, которая не была бы подвержена строжайшей регламентации и контролю, полной правительственной опеке. В этих условиях правительство предпринимает первые шаги для расширения лагеря официальной прессы, поощрения некоторых изданий. В виде опыта в 1830 году было предписано создать газеты в шести губерниях России, но это не удалось, очевидно, в связи с отсутствием типографской базы, нужных сотрудников, и только в 1838 году “Губернские ведомости” стали выходить во всех губерниях страны. Удалось другое - наладилась система мер, направленных на удушение прессы. Ни одно десятилетие 19 века не изобиловало таким количеством запрещенных изданий, как данный период. В 1831 г. прекратила существование “Литературная газета” А.Дельвига, в 1832 году закрыт “Европеец” И.И.Киреевского, в 1834 “Московский телеграф” Н.Полевого, в 1836 - “Телескоп” Н.И.Надеждина. Это только самые крупные издания, подвергшиеся политическим репрессиям николаевской цензуры. В таких условиях могли существовать либо издания проправительственного направления, как “Северная пчела” Ф.Булгарина, либо специализированные - частные и издаваемые ведомствами: “Земледельческая газета”, “Купец” “Мануфактурные и горнозаводские известия” Ведущим типом изданий в это время был учено-

литературный журнал, достигший своего наивысшего расцвета в виде энциклопедического, "толстого" журнала, удовлетворявшего самые разнообразные потребности читательской аудитории. Пережив "альманачную" форму, журналистика становится зеркалом современности.

В тридцатых годах 19 века были сделаны серьезные попытки осмыслить содержание журналистской деятельности, слово "журналистика" начинает прочно входить в литературный язык. Процесс профессионализации журналистского труда набирает силу. В это время формируется система оплаты труда журналистов, активно обсуждаются вопросы об авторском гонораре, авторских правах, взаимоотношениях внутри редакций. Капитализация остро поставила проблему купли-продажи в сфере журналистики. Для пишущих людей остро встала дилемма: деньги или убеждения. Издания стали различаться по направлениям, по общественной позиции. Значительная часть литераторов-журналистов восстала против духа торгашества, продажности, спекуляции новостями. В историю журналистики 30-е годы вошли как время "чернильных войн" ожесточенных полемик. В их ходе были поставлены многие проблемы, связанные с осмыслением журналистики как особого рода деятельности, среди которых главным было определить пути и способы влияния на читателя, организовать общественное мнение.

Денежные отношения в журналистике породили так называемое "торговое направление" а также общую профессионализацию писательского труда. Этот процесс неразрывно связан с именем издателя и книгопродавца А.Ф.Смирдина. Он, по выражению В.Г.Белинского, "крякнул да денежкой брякнул и объявил таксу на все роды литературного производства...". Этот процесс имел свои положительные и отрицательные стороны. Гарантия материальной обеспеченности расширила круг сотрудников изданий и, следовательно, демократизировала

литературу и журналистику. Вместе с тем, проникновение в эту сферу денежных отношений, при желании, превращало издание в коммерческое предприятие. Владелец и издатель его (чаще это было одно лицо) больше думали не о качестве литературных произведений, не о развитии просвещения, а о сумме дохода, приносимого периодическим изданием. Любую другую газету или журнал такие издатели оценивали не по их общественной значимости, а с точки зрения их конкурентоспособности.

Родоначальником подобных изданий в России стал Ф.В.Булгарин. Являясь владельцем газеты “Северная пчела” всячески заигрывая с правительством, он ни на минуту не забывал о собственной выгоде. Вот почему передовая русская литература объявила войну Булгарину и его соиздателю Гречу, а в их лице и нарождающемуся “торговому направлению”

В 1834 году издания буржуазного толка получают сильное подкрепление в лице “Библиотеки для чтения” редактором которой был О.Сенковский. Она была основана Смирдиным как коммерческое предприятие. Касаясь обстоятельств выхода этого журнала в свет, В.Г.Белинский в статье “Ничто о ничем” писал: “Кто не помнит хвастливого и, можно сказать, бесстыдного самохвального объявления об издании “Библиотеки”? Кто не помнит возгласов “Северной пчелы” которая прожужжала все уши, что кто не подпишется на “Библиотеку”, тот не патриот, не любит отечество, не желает ему добра, что тот ренегат и изменник” Так входил в жизнь журнал, который укрепил и развил в русской периодике “торговое направление” Более подробные сведения о нем можно прочесть в учебнике Б.И.Есина.

Политическая позиция редактора “Библиотеки для чтения” О.И.Сенковского, его политические симпатии и антипатии отчетливо проявились уже в 1833 году в фельетоне “Большой выход у сатаны” опубликованном в сборнике “Новоселье” Главный герой фельетона

“грязный, отвратительный” черт, с “всклокоченными волосами, с одним выдолбленным глазом, с одним сломанным рогом, с когтями как у гиены, с зубами без губ, как у трупа, и с большим пластырем сзади, пониже хвоста” (эту последнюю рану нанес черту один из казаков близ Кракова во время восстания в Польше в 1830 году). Безобразный черт являлся в фельетоне символом всех реформ.

Возглавив “Библиотеку для чтения” О.Сенковский не торопился с явным выражением своих верноподданнических чувств. Он так формулирует свою точку зрения: “Неужто ум наш не в состоянии сойти в нас самих, углубиться в человека, общественного и нравственного - не политического: я решительно отвергаю всякую связь между политикой и словесностью” Долг и обязанность литературы, по его мнению, “скреплять всеми мерами общественные и семейные узы, успокаивать умы” а не помогать “политическому бреду”

Булгарин и Греч вполне разделяли эту точку зрения. Обладая в “Северной пчеле” монополией на публикацию политических известий, они тактику “успокоения умов” сделали законом редакционной жизни. Содержание газеты, методы редакционной работы представляют большой интерес для истории журналистики, в связи с чем остановимся на характеристике газеты подробнее.

“СЕВЕРНАЯ ПЧЕЛА” Ф.БУЛГАРИНА - ПЕРВАЯ МАССОВАЯ ОБЩЕРОССИЙСКАЯ ГАЗЕТА

Ни одно издание в первой половине 19 века не пользовалось такой популярностью в России, как газета “Северная пчела” Ни один из русских журналистов не вызывал столько противоречивого к себе отношения и порой прямо противоположных оценок, как ее издатель и

редактор Ф.Булгарин. В истории журналистики стали хрестоматийными страницы, посвященные полемике А.Пушкина и Ф.Булгарина; широко известны нелестные отзывы поэта о личности редактора "Северной пчелы" его язвительные эпиграммы, но он же писал: "Я хотел бы быть издателем газеты, во всем сходной с "Северной пчелой" Любил Булгарина Рылеев, но он же обещал, "если случится революция" отрубить Булгарину на "Северной пчеле" голову. Его считал своим другом и назначил душеприказчиком, доверив право распоряжаться рукописью "Горе от ума", А.Грибоедов. Многие русские журналисты считали Булгарина чуть ли не тайным агентом III отделения, но ни один из них не подвергался такому постоянному надзору со стороны этого ведомства, как Булгарин. В науке о литературе и журналистике, как дореволюционной, так и советской, за Булгариным твердо закрепилась репутация добровольного доносчика, осуществлявшего в течение многих лет функции политического сыска в области печатного слова. С ним спорили, им возмущались, его фамилия стала почти нарицательной, когда речь шла об измене и беспринципности, но ни одно издание не могло сравниться с его газетой по степени популярности. А если так, то есть смысл попытаться рассмотреть феномен Булгарина и его газеты с профессиональной точки зрения, потому что единственным мерилom и целью журналистской деятельности является успех у читателя. Но прежде несколько сведений о его жизни.

Событий одной биографии Булгарина хватило бы на несколько человек. Он был поляк по происхождению, сын польского террориста-революционера, осужденного на каторгу в Сибирь за убийство русского генерала. В силу этого он никогда не имел ни богатства, ни привилегий, которыми пользовались многие из его современников-литераторов, но все же благодаря семейным связям его принимают в Кадетский корпус - одно из лучших учебных

заведений в России, после окончания которого в чине корнета он отправляется к месту службы в уланский полк. Он был самолюбивым, обидчивым, и однажды, возмущенный какой-то несправедливостью, написал "злую сатиру" на командира полка, по этой причине Булгарин был плохо аттестован и переведен на другое место службы, но и там не ужился, а в 1811 году был уволен из военной службы. В результате молодой офицер оказался без средств к существованию, зарабатывая всем, чем только можно: сочинял письма и жалобы в трактирах за оплаченный обед, и, по воспоминаниям современников, даже просил милостыню. стихами.

Доведенный до отчаяния, Булгарин в конце концов по протекции своих знакомых-поляков поступает на службу в один из полков польской армии, принимавшей участие в боевых действиях на стороне Наполеона. В составе корпуса под командованием генерала Удино он воевал в Испании и Пруссии. В русском обществе было распространено мнение, что Булгарин воевал против России, но вряд ли это было так. В этом случае вряд ли ему было бы возвращено российское гражданство после войны 1812 года и вряд ли в этом случае ему подавали бы руку многочисленные друзья из русского офицерства, шепетильного 'в понятиях чести. Как бы то 'ни было, военную карьеру он закончил в чине капитана французской армии. В 1814 году Булгарин раненым был взят в плен, затем лечился в Варшаве, а оттуда перебрался в 1817 году в Петербург, чтобы попробовать силы на поприще словесности. Булгарин становится членом Вольного общества любителей словесности (о нем шла речь в лекции о декабристах), среди его знакомых Рылеев, братья Бестужевы, Кюхельбекер, Ф.Глинка, Грибоедов. В 1822 году Булгарин стал редактором первого в России журнала истории, статистики и путешествий "Северный Архив". Он печатается в одних изданиях с будущими декабристами, посещает те же салоны, однако от их политических планов

был далек. Совсем скоро наступил день, который однажды и навсегда развел в памяти потомков этих людей, чтобы одних назвать героями, а другого заклеить как предателя и подлеца.

После восстания он сделал все, чтобы убедить правительство в своей лояльности. Сначала он довольно точно описал приметы скрывшегося 14 декабря Кюхельбекера, а в 1826 году подал на имя дежурного генерала главного штаба Потапова докладную записку "О цензуре в России и о книгопечатании вообще". В ней он изложил свои предложения по обузданию вольнодумства, рассадником которого является литература (в это понятие, как помним, входила и журналистика). Основной упор был сделан на то, чтобы подчинить литераторов "господствующему мнению приверженных правительству писателей". Это соображение не могло не понравиться правительству, после восстания декабристов взявшему курс именно в этом направлении. Из корысти или по призванию, по убеждению действовал Булгарин? Оставим этот вопрос, по поводу которого до сих пор нет единого мнения в научных кругах, а в последнее время даже высказано мнение, что он и вовсе никогда не был агентом III отделения. Если по убеждению, то оно принесло ему немалые дивиденды и звание авторитетного консультанта и помощника правительства, если из корысти, то и в этом он достиг цели. Ясно одно: русская интеллигенция, генетически оппозиционная властям, никогда не смогла простить Булгарину этого альянса. Дело было еще и в том, что Булгарин первым стал рассматривать литературное и издательское дело как коммерческое предприятие, что уж и вовсе рушило российский миф о литераторе как небожителе, спустившемся с заоблачных высот, чтобы быть судьей и нравственным учителем общества. Торговля и нравственность - несовместимые понятия (однако вспомним: "Не продается вдохновение, но можно рукопись продать"), а здесь и вдохновение приходило в

предвкушении хорошей цены... Но, конечно, Булгарин был не просто шпионом, соглядатаем. Дело в том, что он был "выразителем мнений" власти, и потому считал возможным помогать ей, подсказывая те или иные меры, а это позволяло бороться, как это и положено в системе предпринимательства, со своими конкурентами.

Как уже говорилось, вторая половина двадцатых и тридцатые годы прошлого века время вторжения денежных отношений в литературу. С одной стороны, это был определенный процесс демократизации, когда успех или неуспех произведения решался не приговором одного критика, а простым большинством покупателя читательской аудитории. С другой стороны, этого самого читателя надо было воспитывать, и успешней всего это мог сделать тот орган печати, который сумел расположить к себе публику, учесть ее интересы, привычки и потребности. Вот здесь-то и не было равных Булгарину, который сумел так организовать свою газету, что она привлекла внимание всех слоев русского общества - купцов и чиновников, гимназистов и помещиков, профессоров и литераторов. Тираж "Северной пчелы" достиг к началу тридцатых годов рекордной для России цифры 9 тысяч, ее читали в столицах и в провинции, и Булгарин регулярно получал солидный доход. Благодаря "Северной пчеле" отечественная реклама коммерческого характера прочно заняла место на газетной и журнальной полосе. Это был еще один канал получения доходов от газеты, правда, еще не упорядоченный, не по твердой таксе, а в виде "благодарности" от хозяев за то, что тот или иной товар или заведение удостоились внимания газеты.

"Северная пчела" начала свою историю в 1825 году. В первые шесть лет, до 1831 года она выходила три раза в неделю, а с 1831 - стала ежедневной (306 номеров в год; исключая воскресные и праздничные дни). Кроме

"Северной пчелы" в России тогда было всего две ежедневных газеты: "Санкт-Петербургские ведомости" и

“Русский инвалид или Военные ведомости” Они были изданиями официальными, государственными, “Пчела” же была газетой частной. В первый год в ней сотрудничали Рылеев, Бестужев. Много писал сам Булгарин. Сначала газета мало чем отличалась от современных ей газет: тот же набор нравоучительных, дидактических материалов, литературных произведений, незначительная площадь отводилась для информации. С 1826 года для “Северной пчелы” единственной из частных газет, было сделано исключение из цензурных правил, в соответствии с которыми вся политическая информация распространялась в России через названные выше официальные издания. Это обстоятельство, конечно, способствовало привлечению читателей, но не было решающим, как нередко утверждают исследователи истории журналистики.

Газета Булгарина стала явлением в истории отечественной журналистики благодаря высокому профессионализму издания, а это качество зависит, как говорилось, от способности уловить потребности читательской аудитории. Талант Булгарина - редактора в этом и состоял. Достоинства “Северной пчелы” признавали все, даже идейные противники Булгарина. В начале лекции было приведено суждение Пушкина, а вот отзыв другого конкурента и яростного полемиста, постоянно ведущего “чернильную войну” против Булгарина Н.А.Полевого, редактора журнала “Московский телеграф” Вот что писал он в N 1 своего журнала за 1831 год. “Пчела”, по его мнению, “бесспорно занимает место первое между всеми русскими газетами” Исправность редакции ее не оставляет желать лучшего. Язык чистый и точный, переводы иностранных статей вразумительные; известия свежие, не запоздалые; множество мелких объявлений, часто написанных остро и умно; некоторые статьи литературные и ученые, отличающиеся занимательностью, вот достоинства “Северной пчелы” Мнению Полевого, по словам Белинского, “лучшего журналиста в России”, можно

доверять вполне. Обратим внимание еще раз на достоинства, отмеченные Полевым: оперативность и разнообразие информации, наличие "мелких объявлений" т.е. рекламы, доступность ученых и литературных статей, хороший язык. Правда, в пылу полемики с Булгариным, как мы увидим, Полевой не раз упрекал Булгарина за грамматические ошибки и даже однажды разослал своим подписчикам бесплатно целый том выписок из "Северной пчелы", где едко пародировал манеру и язык ее информации. Но все же он, по-видимому, отдавал должное умению своего идейного противника делать газету, привлечь читателя. Правда, Полевой отметил и другую существенную черту газеты Булгарина, которую он отнес к "упущению редактора это отсутствие единства во мнениях, отсутствие философии, и, следовательно, бесцветность". Он упрекал Булгарина в том, что мнения газеты "как-то неискренни, не резки, и более похожи на ложную тревогу в мирном лагере, нежели на открытый бой с нестерпимым врагом" что "Пчеле недостает "пламенности" "Нетерпеливый читатель ищет мнения и находит только известия". Вывод Полевого: "Северная пчела как газета новостей, известий свежих и любопытных, заслуживает полную внимательность публики; но как орган мнений - она робка и невнимательна к своим читателям"

Николаю Алексеевичу Полевому трудно было понять позицию Булгарина, который как раз внешнюю беспристрастность к "мнениям" сделал основной позицией своей газеты. Булгарин, всячески демонстрируя беспристрастность газеты, положил начало той журналистике, которая провозглашала: "наше дело - только сообщать новости". Один из современников писал о "Северной пчеле": "Судить она предоставляла самой публике". В своей практике Булгарин исходил из того, что "публика любит легкое", и в отборе информации сделал ставку на разнообразие и развлекательность материалов. За всю историю газеты ее основная позиция осталась

неизменной верность престолу и патриотические настроения: “Я многими сочинениями старался посеять в сердцах любовь и доверенность престолу и чистую нравственность”, писал Булгарин. “Все счастье России зависит от престола... Россия всем величием обязана самодержавию и своей беспредельной преданности к государям. Боже, царя храни!” эта сентенция была напечатана в №1 журнала за 1840 год. Часто слово “русский” писалось в газете Булгарина курсивом и с большой буквы, что не раз ловко и остроумно обыгрывалось в демократической журналистике, особенно Белинским и Некрасовым.

Обратимся к содержанию газеты и ее основным рубрикам, которые были постоянными на протяжении трех десятилетий. Газета выходила на четырех полосах. В соотношении 2 : 1 каждая из первых трех полос была разделена горизонтально. Иногда появлялись вертикальные линейки на внутренних полосах. Обычно в верхней части полос помещались отделы “Внутренние известия” “Новости заграничные” “Литература” “Нравы” и проч. Затем, в сороковых годах, появился отдел критики, ушедший в нижнюю часть полосы, а статьи и небольшие литературные произведения помещались под рубрикой “Словесность, науки, искусства”. Каждую субботу на внутренних полосах появлялся фельетон самого редактора под характерным заголовком “Журнальная всякая всячина” (вспомнил журнал Екатерины), где, как правило, и сосредотачивалась полемика с конкурирующими изданиями и литературными противниками “Северной пчелы”.

Газету открывал раздел “Внутренние известия” “Известия обо всех замечательных событиях в России, о распоряжениях и постановлениях правительства, о важных законах, о делах воинских и гражданских, о подвигах благотворения и обо всем, что может вполне показать читателям современную историю России” так характеризовал содержание этого отдела сам Булгарин. В

нем помещались также ежегодные отчеты Министерства народного просвещения, отчеты сберегательных касс, извлечения из отчетов петербургского оберполицмейстера. Большое место в материалах под этой рубрикой занимали указы, распоряжения, информация о награждениях и перемещениях по службе, и уж непременно находили отражение события, связанные с царской семьей: описания дней рождения, торжественных молебнов, поминаний, произведения в очередной чин. Таким образом, благодаря газете Булгарина, политика властей как бы приближалась к читателю, что, естественно, не могло не вызывать его признательности.

Газета постоянно следила за культурной жизнью столицы и провинции. Открытие гимназий, юбилеи научных обществ, сведения о работе публичных библиотек, концертная, театральная жизнь, гуляния - все это находило место на страницах "Северной пчелы"

Другим ведущим отделом были "Новости заграничные". Булгарин и здесь предпочитал не размышлять, а лишь сообщать всякие забавные по преимуществу случаи из зарубежной жизни. "Публика наша любит только тогда политику, - считал он, - когда в политике таскают друг друга за волосы и бьют по рылу". И действительно, тщетно искать в газете материалы аналитического плана о жизни Запада. Вот несколько характерных новостей из этого отдела: "В Марсель прибыл из Алжира один француз и привез с собой трех бедуинов; он намерен показывать их в Париже". "Сейм Швейцарского Союза в заседании своем определил, что должно прекратить вооружение Швейцарского Союза" (1831, N 62). А вот более развернутое сообщение "Китай. Британская экспедиция против Эмоя увенчана полным успехом. Сей остров, имеющий удобную и безопасную гавань, лежит в обширном заливе, по которому тянется провинция Фокиен, из которой преимущественно получается чай. Англичане овладели этим островом, и,

говорят, захватили на нем не менее пятисот орудий. Великий китайский канал, ведущий к Пекину, был блокирован экспедицией" (1842,N 6).

В верхней части полос помещался отдел, посвященный описанию различных происшествий и нравов. Приведем несколько названий, говорящих сами за себя: "О последних происшествиях в Сербии" "Кабинет редкостей", "Старинные свадебные обряды донских казаков" "О талантах женщин" "Полчаса в передней присутственных мест" "О влиянии разных занятий и образа жизни на продолжительность оной и на здоровье" Здесь же печатались путевые записки, статистические сведения...Редко кто из современных изданий может предоставить читателю такую разноплановую, но неизменно любопытную информацию, а на фоне периодики первой половины 19 века такое разнообразие было уникальным.

В нижней части полос помещались материалы, которые в современной газете печатаются на четвертой полосе, это сведения о зрелищах и театральных представлениях, концертах. Здесь же - описания городских курьезов и торговые новости. В газете была постоянная рубрика "Новые книги", где обязательно давалась краткая аннотация произведения, независимо от того, было ли это художественное произведение, путевой дневник или научный труд. Но особенно интересным был отдел "Смесь" Собранные здесь материалы выполняли просветительски-развлекательную функцию и составлялись чаще по материалам зарубежной печати. Вот характерные примеры. "В Вене на днях был разыгран в лотерею один из тамошних публичных театров" Или: "Такса полицейских штрафов, изданная во Франции: тот, кто ударит другого кулаком, платит 12 су, если возьмет того за горло одной рукой - 5 су, а обеими - 14" и т.д. Именно под этой рубрикой широко использовалась скрытая реклама коммерческого характера:

описание модных товаров той или иной лавки, рассказы о продукции фабрик, мастерских.

Стремясь завоевать читателя, Булгарин устраивал всякие конкурсы, например, на сочинение вальса, “подобного вальсам Бетховена или Вебера, и чтобы он был так же нежен” Постоянно велась рубрика “Моды” Париж всегда был столицей моды, и потому здесь чаще всего описывались нововведения французских модниц: “С бархатным платьем надевают на вечерах блондову” “ю мантилью, вышитую золотом

Подписчики “Северной пчелы” получали также приложения. Они выходили нерегулярно, посвящались или особым политическим событиям (например, событиям в Польше в 1831 году) это были сводки, сообщения, официальные документы. Были приложения и библиографического характера.

Анализируя редакционную политику газеты, нужно иметь в виду состояние взаимоотношений тогдашних журналистов со своими потенциальными читателями. Большинство из изданий было заранее обречено на малый тираж, так как содержание их было ориентировано на узкий круг так называемой образованной публики. Эти журналы и газеты были заполнены произведениями изящной словесности, длинными учеными статьями, нравоописаниями и нравоучениями. Булгарин сделал девизом газеты слова “забавлять, поучая” Это был не новый в русской журналистике лозунг (вспомним “Всякую всячину” или “Приятное с полезным”), но никому до Булгарина не удалось в газете добиться такого разнообразия информации. Никакие деньги, никакая поддержка властей или могущественных ведомств не сделают интересным для читателя бездарный журнал или скучную газету. И в 19, и в 20 веке тому есть немало примеров. Газета Булгарина была интересна для всех.

В сборнике “Чтение в дореволюционной России” несколько лет назад были опубликованы отзывы читателей

о “Северной пчеле”, письма в редакцию Булгарину. “Более 25 лет имею я приятнейшее удовольствие читать, изучать и восхищаться вашими произведениями, - писал подписчик.

“Пчелку” выписываю с первого года, и даже имею все листы. Книги и прочее многие из нас выписывают единственно по рекомендации вашей, и всегда бываем довольными, ибо суждения ваши беспристрастны и верно высказаны!.. Это мнение разделяли многие читатели газеты.

“Северная пчела” была постоянным источником политической и культурной информации для губернских ведомостей, и во многом с ее голоса освещались события в стране и за рубежом, что делало ее лидером мощного правительственного идеологического аппарата. Именно это придавало полемике с ней политический характер. Да и со стороны Булгарина упреки в политической неблагонадежности служили верным средством для убийства своих конкурентов на журнальном рынке. Булгарин действовал так, чтобы постоянно подчеркивать свою благонадежность, и сумел заручиться поддержкой сильных покровителей. Широко известны его связи с Бенкендорфом, начальником III отделения, а затем и с Дубельтом, сменившим его на этом посту, часто Булгарин действовал через родственника Греча Фон-Фока, служившего в полиции.

Именно в результате доноса о том, что в редакции “Литературной газеты” А.Дельвига, где сотрудничал Пушкин, собирается кружок людей с антиправительственными настроениями, она была закрыта в ноябре 1830 года, а вскоре после этого умер ее редактор

А.Дельвиг. Современники справедливо увидели здесь “руку Булгарина”. Намеки на политическую неблагонадежность были излюбленным приемом Булгарина. Примеров этому множество, вот несколько из них. В 1830 году были опубликованы очерки Пушкина “Путешествие в Арзрум”. В N 35 “Северной пчелы” читаем:

“Итак, надежды наши исчезли. Мы думали, что автор “Руслана и Людмилы” устремился на Кавказ, чтобы напиться высокими чувствами поэзии, обогатиться новыми впечатлениями и в сладких песнях передать потомству великие подвиги русских современных героев. Мы ошиблись” А дело было в том, что в очерках Пушкин рассказал о подвигах сосланных в действующую армию декабристов Бурцова, Всеволожского, Веденяпина, М.Пушина, что, очевидно, и вызвало такой двусмысленный отзыв Булгарина.

Не раз пользовался подобным методом редактор “Пчелы” и в полемике с “Отечественными записками” Белинским. В 1843 году журнал опубликовал статью Белинского “Сочинения Державина” Характерны мотивы отрицательной оценки этой в общем-то далекой от политики статьи. В “Журнальной всякой всячине” Булгарин так возмущался выводом Белинского о том, что язык, образ мыслей Державина не соответствуют “духу в емени” “Державин, писал он, прославлял Петра, Екатерину, Суворова, величие России... неужели это интересы, чуждые нашему времени?”

Ясно, что в условиях подцензурной печати такого рода намеки могли повлечь (и часто влекли!) вполне определенные последствия, так что многими русскими журналистами Булгарин воспринимался прежде всего как добровольный и притом небескорыстный политический доносчик, а борьба с ним рассматривалась как дело чести. Безнравственность редактора “Северной пчелы” была постоянной мишенью для всех, кто относился к журналистике как к гражданскому и общественному делу, а разоблачение методов его воздействия на читателя - их постоянной целью. Отношение к Булгарину было своеобразным камертоном, по которому различались голоса “своих” и “чужих” С другой стороны, нельзя было не учитывать огромный успех “Пчелы” у читателя, и это обстоятельство, как увидим, явилось толчком для

осмысления самой профессии журналиста. В 30-е годы здесь сказали свое слово Пушкин, Полевой и Белинский. По сути дела в противоборстве с Булгариным вырабатывались основы профессиональной этики журналиста, определялись способы взаимодействия с читателем.

Н.А.ПОЛЕВОЙ И ЖУРНАЛ “МОСКОВСКИЙ ТЕЛЕГРАФ”

“Он был литератором, журналистом и публицистом не по случаю, не из расчета, не от нечего делать, не по самолюбию, а по страсти, по призванию” так писал о Полевом Белинский. Если Карамзин, по его словам, создал в России ~~“класс читателей”~~, то Полевому принадлежит заслуга создания журнала добавим, журнала в его классическом, присущем только отечественной журналистике типе - энциклопедическом.

Они стоят несколько особняком среди изданий того времени - журнал “Московский телеграф” и его редактор, давший мощное ускорение процессу становления журналистики как профессии. Полевой явился зачинателем всесословного, блестящего по уровню журналистского мастерства, уникального по разнообразию тематики издания. Чаше всего журнал Полевого характеризуется как выразитель интересов и настроений “третьего сословия” Вряд ли стоит только этим ограничивать содержание “Московского телеграфа” Ведь энциклопедический характер, в наличии которого, кажется, не сомневается ни один исследователь, предполагает всеохватность явлений действительности, то есть учет потребностей читательской аудитории в полном объеме, а не в какой-то одной ее части.

Николай Алексеевич Полевой родился в купеческой семье, среди грамотных и предприимчивых людей,

образование получил самостоятельно. Он вспоминал: “Словом, если надо выразить умственное образование мое до 1811 года (т.е. до пятнадцатилетнего возраста Полевой родился в 1796 году, а умер в 1846-ом), то оно было таково. Я прочитал тысячи томов всякой всячины, помнил все, что прочитал, от статей Карамзина и Вестника Европы до хронологических чисел и библии, из которой мог пересказывать наизусть целые главы” А вот что пишет Белинский: “У пьяного дьячка начал Полевой учиться латинскому и французскому языку и, пользуясь своей необыкновенной памятью, выучил наизусть целый французский лексикон. Почти 22 лет начал он самоучкою учиться русской грамматике, а в 1825 году...был издателем лучшего журнала в России”

С поручением от отца Полевой в 1817 году приехал в Петербург. Здесь он попал в кружок меценатствующих дворян-литераторов и был ими обогрет и поддержан в стремлении заняться литературой. Его принимают у себя в доме князя Одоевские и Вяземские, С.Глинка. Ободренный поддержкой, в середине 1824 года Полевой подал в Министерство народного просвещения прошение об издании журнала. Будущий журнал предполагал иметь 4 отдела: 1) науки и искусства, 2) словесность, 3) библиография и критика, 4) смесь. Московский цензурный комитет и попечитель учебного округа не нашли в программе ничего предосудительного, и разрешение было получено. С января 1825 года в Москве каждые две недели (как и “Вестник Европы”) стал выходить новый журнал, в подзаголовке которого значилось: “журнал литературы, критики и художеств, издаваемый Николаем Полевым” “Он будет малый недурной и смирный,- писал Полевой брату, - будет гнать только невежество и глупость, и постарается жить миролюбиво со всеми добрыми людьми” Но на деле вышло совсем по-другому. С историей “Московского телеграфа” оказались связаны бурные полемики конца 20-х-начала 30-х годов, или, как их

называли современники, “чернильные войны” По злободневности, оперативности, остроте в постановке проблем, по самостоятельности оценок, разнообразию материала равного “Московскому телеграфу” издания не было в современной ему журналистике. Сам Полевой так характеризовал ее состояние к началу существования своего журнала: “Когда я начал издавать журнал - была ли тогда эпоха журналистики? Не думаю: в Москве сиротел тогда Вестник Европы, совершая уже 23 год существования, в Петербурге 13 лет издавался Сын Отечества, а за ними шли только в Москве “Дамский журнал” да в Петербурге “Благонамеренный” Мне казалось, что надобно оживить, разогреть журналистику русскую,... не знаю, успел ли я, но, по крайней мере, толпой появились Галатеи, Атенеи, Московские вестники и почти все брали форму и манер с моего журнала; важные вопросы современности были преданы критике, объем журнала раздвинулся, самая полемика острила, горячила умы, и по крайней мере, в истории русской журналистики, я не шел за другими” Эта “непохожесть” и вызвала полемический огонь со всех сторон. Заявленная Полевым программа журнала была перевыполнена. Он верно понял задачу журналистики: “Журналиста не должно печалить разнообразие вкусов. Для изображения совершенного журнала вообразите зеркало, в котором отражается весь мир нравственный и физический”

И все это было в “Московском телеграфе” Печатались статьи по философии, политэкономии, археологии и странички для милых дам; фельетоны и описания мод соседствовали с серьезными литературно-критическими статьями. Два года при “Московском телеграфе” (в 1828 и 1829-ом г.г.) издавалось особое “Прибавление”, содержащее сведения о промышленности, художествах и ремеслах, а также о домашнем хозяйстве и людях. Но наибольшим вниманием у читателей пользовались два сатирических приложения к журналу

“Новый живописец общества и литературы” и “Камер-обскура людей и книг” Их содержание - тема отдельного исследования, к сожалению, еще не осуществленного.

Беллетристика журнала была разнообразна, на все вкусы, здесь печатались Пушкин, Бестужев-Марлинский, отрывки из Константа, романов Гюго, Бальзака.

Круг людей, объединившихся вокруг журнала, был сначала пестрым и неоднородным. В первые четыре года кружок “Московского телеграфа” был более или менее постоянен: сам Полевой, его брат Ксенофонт, П.Вяземский, Е.Баратынский, С.Соболевский, В.Одоевский. Затем, после 1828 года, в журнале работали сам Полевой и его брат.

В первые годы существования журнала активное участие принял в нем П.А.Вяземский.” Иная книжка Телеграфа была наполовину наполнена мною или материалами, которые я сообщал в журнал, отмечал он впоследствии. Сначала медовые месяцы моего сожительства с Полевым шли благополучно, работа кипела. Не было недостатка в досаде, зависти, и брани прочих журналов. Я стоял на боевой стене, стрелял из всех орудий, партизанил, наездничал и под собственным именем и под разными заимствованными именами и буквами”

Полемические фельетоны Вяземского, подписанные “Журнальный сыщик”, в самом деле, снискали ему огромную известность. Но вскоре, в 1828 году, он ушел из журнала из-за несогласия с позицией и суждениями Полевого, в частности, по поводу “Истории государства русского” Карамзина. “Литературный аристократизм” замкнутость кружка дворян-литераторов вскоре стали объектом нападков со стороны Полевого. “Нападая на авторитеты литературные, - писал Герцен, - Полевой имел в виду и другие”, он “пользовался всяким случаем, чтобы затронуть самые щекотливые вопросы политики и делал это с изумительной ловкостью”

“Московский телеграф” сочувственно отзывался о национально-освободительном движении в Греции и Южной Америке. В 1826 году в нем появляется новый отдел “Современная летопись” в материалы которого Н.А.Полевой с “изумительной ловкостью” обходя цензурные рогатки, вставляет свои рассуждения, расходящиеся с официальной трактовкой того или иного события.

Все эти черты в полной мере присущи уже обозрению “Взгляд на протекшую четверть XIX столетия” опубликованному в отделе “Современная летопись” в первых двух номерах журнала за 1826 год. Особенно интересна и показательна оценка Н.А.Полевым событий минувшего, 1825-го, года. “Мы имеем, - писал он, - полное право назвать протекший год, хотя и не ознаменованный никакими грозными событиями, одним из знаменательнейших годов в новейшей истории мира” Это было сказано всего месяц спустя после 14 декабря, когда в России еще разносилось эхо от грома пушек на Сенатской площади. Такая позиция в годы всеобщей политической реакции требовала от издателя журнала большой смелости и гражданского мужества.

Н.А.Полевому, первому из прогрессивных русских журналистов пришлось на практике столкнуться с трудностями донесения до читателей в условиях “чугунного” цензурного устава событий зарубежной и внутренней политики. Ему пришлось часто прибегать к приемам намеков и иносказаний, мнимой похвалы, иронический смысл которой мог быть разгадан “проницательным читателем”

“В трех баварских университетах, - сообщал, например, “Московский телеграф” считается до 2400 студентов, а число учащихся во всех учебных заведениях Баварского королевства простирается до 13 300. Все народонаселение Баварии не более 3 700 000. Дабы России сравниться в деятельности просвещения народного

с Бавариею, число учащихся в нашем отечестве должно простираться до 170 тысяч. По отчетам...в 1824 году оно не превосходило еще 70 тысяч (69 452). Но отчего не можем мы надеяться от благотельного старания, с каким правительство России заботится о благе, о счастии своих подданных” Эти слова о надежде на “благотельное правительство” исполнили роль “дымовой завесы”, скрывшей от цензуры истинный смысл заметки, который сам Н.Полевой разъяснил в одном из писем так: Не бойтесь, что похвален NN. Заметьте, что это более насмешка, а без этого не пропустили бы сравнения Баварии с Русью. Таких шуток я отпускать буду в каждой книжке

Появление “Московского телеграфа” не оставило равнодушными ни журналистов других изданий, ни читателя. Об успехе у публики говорил тираж журнала 1500 экземпляров, а также второе издание годовых комплектов этого отечественная периодика не знала со времен Новикова.

Булгарин, еще до выхода “Телеграфа” предлагавший Полевому “отступиться” и действовать общими силами, сразу почувствовал конкурента и сделал все, чтобы уронить авторитет журнала в глазах читателей. Полевой был назван “общипанным заводчиком” а “Московский телеграф” “кубом бумагомарания”, где слова перегоняются как спирт посредством паров “санскритского языка” Греч подсчитал все грамматические ошибки журнала, составил сборник объемом 200 страниц и разослал его подписчикам. В “Северной пчеле” появился цикл фельетонов “Письма бригадирши или горе от “Московского телеграфа”

Полевой отвечал, выведя Булгарина в образе “Митюшки-журналоучки” и “Сидоренки” Затем он сатирически изобразил Булгарина в сатирическом приложении “Камер-обскура книг и людей”(1832, №6) в образе Фомы Низкопоклонова, выпускающего “историко-политико-литературную газету “Трудолюбивый муравей” совместно с Яковом Ротозеевым. Пародируя форму подачи

материалов и их содержание в “Северной пчеле”, Полевой публикует в “Камер-обскуре” целый ряд сообщений, якобы взятых из газеты “Трудолюбивый муравей” Вот некоторые из них: “Политические новости. Англия. Говорят, что лорд Норфольк вчера обедал у лорда Пальмерстона; но другие уверяют, что Его Светлость только позавтракали, а обедать изволил у себя дома. Бельгия. Вчера проехал через Брюссель курьер с важными депешами. Египет. Магамет-Али с некоторого времени курит по одной лишней трубке табаку, каждые после обеда. Новости не политические. Один миланский фабрикант изобрел машинку, заменяющую руку для нюханья табаку... Недавно выдана там привилегия на ветряную мельницу, которая, особенно устроенными на крыльях ее бритвами, бреет чисто и ловко в две минуты. Стоит только подойти к крылу и подставить рыло”

В таких сообщениях без труда можно обнаружить почерк “Северной пчелы” которая сообщала читателям новости примерно в таком стиле: “Париж. В понедельник ввечеру было в одном доме многочисленное собрание. Садясь за ужин заметили, что со стола исчезло все серебро; нашли только одну вилку на полу, которую второпях поспешный вор уронил...”

Как правило, “Северная пчела” публиковала всякие известия в “чистом” виде, избегая каких-либо собственных комментариев. Эту черту “Северной пчелы” -отсутствие оценок, комментариев к событиям подметил Н.Полевой. Сатирический герой его фельетонов, редактор газеты “Трудолюбивый муравей” заявлял: “Наше дело только сообщать новости” Это была осознанная позиция Ф.Булгарина и Н.Греча: “По части иностранной политики Пчела не любит выдумывать занимательных происшествий, а сообщает что есть. Рассуждать, делать предположения, догадки, выводы и заключения у нас предоставлено дипломатам, а не журналистам”

Конец 20-х годов и 30-е годы в странах Западной Европы были насыщены бурными политическими событиями. О них, как правило, официальная пресса умалчивала. Иную позицию занимал Полевой. Рискуя навлечь гнев цензуры, он сообщал в январе 1830 года своим читателям: “Фабричные работники в Манчестере, других городах, и даже самом Лондоне, оставшись без дела и хлеба, собирались толпами, грабили фабрики, ломали, жгли, и едва усамирились. А вот какой была представлена Англия в эти же дни в журнале Булгарина и Греча “Сын Отечества и Северный архив. Англия продолжает действовать по правилам всегдашней своей политики. Меры различных ее министерств могут разниться между собою, но цель их всегда одна и та же: доставление народу английскому всех возможных средств к достижению благоденствия” Информация о других странах подавалась в том же духе: “Франция благоденствует под сенью законов. В Италии все тихо и спокойно” “Франция благоденствует”, “все тихо и спокойно. Эти два словосочетания “Северная пчела” и “Сын Отечества и Северный Архив” повторяли в течение всего первого полугодия, вплоть до июльской революции 1830 года, а когда она грянула, успокаивала русское общество сочиненными в III Отделении реляциями.

Затем, многие годы спустя, Булгарин, Греч и Сенковский на все лады костили заграничных мятежников. Так, через семь лет после революции 1830 года, “Северная пчела” писала: “Франция до сих пор не дошла еще до того, чтобы большинством благонамеренных людей обуздать малое число иступленных сумасбродов, наводящих беспокойство на всю Европу”

Только два периодических издания в России “Литературная газета А.Дельвига и “Московский телеграф” Н.Полевого позволили себе не согласиться с официальной оценкой Французской революции. Открыто высказаться в печати на эту тему Н.Полевой не мог по

условиям цензуры. Но в первой части “Исторического обозрения 1830 года” (1831,N1) Н.Полевой все же осмелился назвать революцию “достопамятным событием”: “Кто мог предполагать 1 января 1830 года, что наступивший новый год будет одним из самых достопамятных годов, не только трех минувших десятилетий нашего века, но может быть, и всего XIX столетия...Кажется, что люди как будто хотят жить не годами, и совершать в месяцы то, что прежде совершалось десятки лет...”

Пропустив первую часть обозрения, цензура вскоре поняла свою ошибку, и продолжение его, написанное Н.Полевым для второго номера журнала, напечатано не было. Но французская революция продолжала волновать издателей “Московского телеграфа” Не имея возможности высказаться прямо, Н.Полевой очень умело пользуется приемом “по поводу” Летом 1831 года в Петербурге появилась книга некоего господина S “Горе от ума, производящего всеобщий революционный дух” представляющая грязный пасквиль на участников французской революции. По мнению автора, революционные взрывы обществу не приносят ничего, кроме крови и трудностей. Н.Полевой поместил отзыв о книге в разделе “Современная библиография”, где высказал свой взгляд на роль революции в жизни общества: “Каждое великое событие в мире, каждый великий переворот, писал он, -необходимо сопровождаются насильственными, тяжелыми для современников следствиями. Весьма часто и почти всегда благо остается для потомства, зло терпят современники...”

Н.А.Полевой первым сделал попытку осмыслить суть журналистской работы, профессию журналиста: “Журнал должен составлять нечто целое, полное, он должен иметь в себе душу, которую можно назвать его целью” Он считал, что “ журнал, чтобы истинно быть журналом, должен иметь решительно свой цвет (не на одной обертке), свой образ

мыслей, свое постоянное направление” К вопросу об идейной выдержанности издания Н.А.Полевой обращался неоднократно. По мере накопления редакторского опыта, анализируя причины успеха своего журнала и неудач других периодических изданий, он все больше убеждается в правильности своего взгляда на журнал, на принципы его комплектации. “Тот не должен и думать об издании журнала в наше время, кто полагает, что его делом будет сбор занимательных статей, - писал он, имея в виду, конечно же, практику “Северной пчелы” - Журнал должен составлять нечто целое, полное; он должен иметь в себе душу, которую можно назвать его целью”. Для привлечения публики, завоевания у нее прочного авторитета, журнал “должен знакомить своих читателей с успехами, объяснять их и доказывать действительность их. Он должен выставлять в истинном свете устаревшие, ложные понятия...идти вперед к лучшему, возбуждая деятельность в умах”

Многие высказанные Н.А.Полевым положения звучат злободневно и сегодня. Можно себе представить, как они были восприняты современниками, ведь до Полевого никто никогда в русской журналистике не говорил ничего подобного. В.Г.Белинский и А.И.Герцен неоднократно указывали на важность этих высказываний Полевого и ставили ему в заслугу, что выдвинутые теоретические положения он подтверждал своей повседневной работой.

Практика “Московского телеграфа” наглядно свидетельствует о сдвиге в сторону профессионализма, который произошел в русской журналистике. “Телеграфом идей” называли журнал Н.А.Полевого. И действительно, современность, злободневность были основным качеством “Московского телеграфа” Этим он выгодно отличался от тогдашней периодики, в том числе и “Северной пчелы”

Полевой видел задачу своего журнала в том, чтобы “возбуждать деятельность в умах и будить их от пошлой, растительной бездейственности” указывая:” вот условия, налагаемые действительностью на русского

журналиста. От исполнения их зависит успех его предприятия. Журналист должен быть в своем кругу колонновожатым” Эта задача была им выполнена.

В 1834 году “Московский телеграф” был запрещен в связи с опубликованием недоброжелательной рецензии на пьесу Н.Кукольника “Рука всевышнего отечество спасла” которая была поставлена на сцене Александринского театра в Петербурге и ей рукоплескал сам государь. Журналисту не позволили иметь мнение, отличное от царского.

Следующие годы своей жизни Полевой посвятил драматургии и преуспел на этом поприще. За 8 лет он написал 40 пьес. Но “Московский телеграф” навсегда остался вершиной его творческой биографии.

ОСОБЕННОСТИ ИДЕЙНОЙ ЖИЗНИ РОССИИ 40-х ГОДОВ XIX ВЕКА. СИСТЕМА ПЕЧАТИ.

Сороковые годы XIX века один из интереснейших периодов истории русской журналистики. Это десятилетие, внешне не обозначенное никакими выдающимися событиями, по интенсивности общественного и умственного возбуждения, по напряженности теоретических исканий было одним из ключевых этапов в развитии русской общественной мысли. Страстная преданность русской интеллигенции миру идей и идеалов, самоотверженность теоретических и нравственных исканий создали вокруг этого периода особый духовный ореол, придали ему особую общественную значимость.

В.Г.Белинский называл сороковые годы “эпохой сознания” На сложном историческом пререкрестке перед страной, по словам Н.П.Огарева, “впуганной в раздумье” после расправы над декабристами настойчиво встала проблема осмысления путей дальнейшего развития, места России среди других народов и государств. Эта проблема

была прежде всего обусловлена необходимостью разобраться в уроках декабристского движения, хотя и подавленного царизмом, но оставившего неизгладимый след в общественном сознании. Катализатором этого процесса стали революционные события в Европе. В причудливом переплетении теорий, учений, политических схем в русском обществе в сороковые годы определились идейные течения, соответствующие основным политическим силам страны крепостническому, либеральному и демократическому лагерям: концепции официальной народности, западничества и славянофильства, а также идеология русской революционной демократии.

Опорой правительственной идеологии была теория официальной народности, о которой речь шла в предыдущих лекциях. Сам факт появления этой теории и та поддержка, которую оказало ей правительство, были закономерны. После разгрома восстания декабристов, в связи с усилением освободительного движения в Европе, революционными событиями тридцатых годов во Франции, пошатнувшими основы Священного союза, русское правительство остро ощутило необходимость в такой идеологической системе, которая могла бы противостоять как брожению умов внутри страны, так и влиянию общественного движения Запада, и, в частности, Франции, где ненавистное власти слово “революция” вновь замелькало в гражданском лексиконе. Установление единого идеологического режима в стране рассматривалось как надежное средство против революционных идей Запада.

С помощью теории официальной народности, действительно, умножилось число “умственных плотин” на пути развития прогрессивной русской общественной мысли. Но преградить этот путь она не могла, как не могла сдерживать неумолимого хода исторического развития и

мучительных, страстных поисков социального идеала, которые всегда отличали русскую интеллигенцию.

На другом полюсе общественной жизни в сороковые годы формировалась идеология русской революционной демократии, которая отличалась глубокой непримиримостью к крепостническому строю, угнетению личности, стремлением к социальному переустройству общества. В “великом противостоянии” этих идеологий явственно обнаруживался идейный кризис власти.

В сороковые годы оформляются идейные течения западничества и славянофильства. Несмотря на известную условность этих терминов, они достаточно точно отражают содержание и внутреннюю ориентацию идейных программ, созданных представителями этих направлений. Либеральные по своему содержанию, они носили оппозиционный самодержавию характер. Следует отметить, что до сороковых годов оппозиционная правительству русская общественная мысль, по существу, не знала строгого деления, была в известной мере однородной, несмотря на множество оттенков внутри нее. Оппозиционные идеи развивались, в основном, в духе антифеодальных концепций просветительства, питаясь антикрепостническими настроениями.

Интенсивные поиски путей изменения общественного строя в сороковые годы пошли по двум направлениям. Одна часть русских мыслителей так называемые “западники” - главное внимание сосредоточила на изучении исторического опыта Запада, опыта государственного устройства стран, более развитых в экономическом и политическом отношении. Особенно интересовала русских Франция, пережившая крупные революционные потрясения. “Европеизация” России, за которую ратовали западники, означала прежде всего стремление включить страну в единый процесс мирового капиталистического развития, переустройство русского общества по западному типу.

Западники критически относились к крепостничеству, но им были чужды идеи революционных преобразований. Не случайно окончательное идейное размежевание в этом лагере наступило во второй половине сороковых годов, когда в Европе началось революционное движение. В преддверии революции явственно обнаружились расхождения между либеральной частью западничества и его радикальным крылом во главе с Белинским и Герценом. Конечно, и те, и другие были ориентированы на изучение исторического опыта Европы. Но опыт опыту рознь. Либеральную часть западничества больше всего интересовали проблемы государственного, культурного, экономического развития Европы, ставшей на путь капиталистического развития. Идеологи революционной демократии пристально изучали социальный опыт Европы и прежде всего -опыт революции. Они выступили с резкой критикой буржуазного общества.

Сложнее обстоит дело со “славянофильством” Возникнув на той же оси общественного напряжения, что и западничество, деятели этого направления для решения проблемы дальнейшего развития страны обратились к изучению истории, государственного строя и духовной жизни допетровской России. Это течение русской общественной мысли получило теоретическое оформление к началу 40-х годов XIX века и стало предметом острейшей полемики с самого своего возникновения. Оно вновь привлекло к себе внимание в годы реформ 60-х г.г., затем споры о его содержании обострились после потрясения, связанного с убийством в 1881 году Александра II. В XX веке наиболее пристально концепции славянофилов рассматривались в преддверии первой и второй мировых войн. Очевиден интерес к ним и в настоящее время. В связи с тем, что в учебной литературе характеристика славянофильства дана в незначительном объеме, есть смысл более подробно рассмотреть некоторые исходные постулаты этой концепции.

В отечественной исследовательской литературе советского периода за славянофильством устойчиво укрепилась репутация патриархально-утопического направления отечественной общественной мысли, религиозное содержание которого раз и навсегда подверглось резкой критике, а в литературоведении был закреплён термин реакционно-романтического течения, якобы выступавшего антиподом реалистическому искусству. Несмотря на постоянные призывы к более глубокому изучению творчества и системы взглядов представителей славянофильства, нельзя сказать, что хотя бы наметились некоторые сдвиги в области осмысления этого сложного и неоднозначного явления национального самосознания.

В то же время некоторые западные ученые рассматривают славянофильство как ведущее направление русской общественной мысли XIX века. Так, по мнению американского исследователя П.Христоффа, все достижения русской духовной жизни, литературы, науки были связаны не с материализмом, не с основами социализма, защищаемого Герценом и Белинским, а со славянофильством. Другой исследователь А.Глизон главную заслугу этого направления видит в создании теории национальной самобытности, "источником которой является древняя православная вера народа, его внутренняя цельность, безреволюционная модель идеализированного общинного государства, построенного по принципу православного родства людей"

Следует сказать, что сосуществование западнических и славянофильских течений в духовной, политической и культурной жизни страны составляет существенную и характерную особенность российского национального самосознания, определяемую самим географическим положением России. Как показывает опыт истории, при достаточно устойчивой идеологии на государственном уровне наличие этих разнонаправленных тенденций (или

даже их противостояние) не нарушает естественного хода развития общества. И наоборот, преобладание какой-то одной из них в сфере государственной политики влечет за собой деформации в общественном сознании, резко поляризует общество. Разве не давление официальной идеологии самодержавной России со знаменитым постулатом о “гниющем Западе” способствовало усилению интереса к революционному опыту Европы, следствием которого стал октябрь 1917 года? Разве знаменитый “железный занавес” и моноидеология коммунизма не провоцировали усиление прозападных настроений в советском обществе, финалом которых стала перестройка страны по стандартам так называемого цивилизованного общества?

В исследовательской литературе о славянофилах, как дореволюционного, так и советского периода, сложилось устойчивое мнение о том, что славянофильство возникло как противодействие иностранному влиянию, что толчком для самой постановки проблемы явились концепции Шеллинга и Гегеля. Философия истории этих мыслителей, действительно, оказала большое влияние на русское общество конца 30-х-40-х годов прошлого века. Рассматривая ход развития всемирной истории, они решительно отказывали славянским народам в праве влиять на этот процесс. Славяне, считал Гегель, “должны быть выпущены в нашем изложении, ибо они составляют нечто среднее между европейским и азиатским духом” Но трагедия русского общества состояла в том, что эту мысль разделяли и многие отечественные мыслители. В 1845 году Белинский почти дословно повторил ее: До славян, писал он, - нам нет дела, потому что они не сделали ничего такого, что дало бы им право на внимание науки и на основании чего наука могла бы видеть в их существовании факт истории человечества” И хотя Белинский оговаривался, что для русских важна русская, а не

славянская история” славянофилы видели в таких заявлениях факт национальной измены.

К 1845 году разность установок западников и славянофилов непримиримо развела этих людей по разные стороны баррикад. Хотя в основе размышлений и тех, и других мыслителей лежало недовольство существующим обществом, пути выхода из этого виделись ими по-разному: западники искали направление развития в н е России, славянофилы - в н у т р и нее.

Характер русского общества и осмысление его прошлого и будущего находились в центре теоретических разработок славянофилов. Лидером этого направления считается А.С.Хомяков.

В 1845 году в журнале “Москвитянин”, на четыре месяца перешедшем под редакцию И.В.Киреевского, были напечатаны две статьи А.С.Хомякова “Мнение иностранцев о России” и “Мнение русских об иностранцах”. Во многих исследованиях о славянофильстве проводится мысль, что оно противопоставляло Россию остальному миру, что ведущей была идея о русской национальной исключительности, что славянофилы звали русское общество назад, к допетровским временам и видели его идеал в возвращении к патриархальной общине. Ни одно из этих утверждений не подтверждается при внимательном изучении публицистики славянофилов.

Не противопоставление, а сопоставление русского и европейского общества лежит в основе названных статей А.С.Хомякова. Основной тезис первой из них сформулирован был автором резко и определенно: “Мы России не знаем” “Мы” -это русское общество, которое само дает повод и основания для ложных представлений о России на Западе. “Какая путаница в понятиях и даже в словах, какая бесстыдная ложь, какая наглая злоба! - писал Хомяков. Поневоле родится чувство досады, поневоле спрашиваешь: на чем основана такая злость? Чем мы ее заслужили? Вспомнишь, как кого-то мы спасли от

неизбежной гибели; как другого, порабощенного, мы подняли и укрепили; как третьего, победив, мы спасли от мщения и т.д. Досада нам позволительна; но досада скоро сменяется другим, лучшим чувством - грустью истинной и сердечной” Это чувство “истинной и сердечной” грусти, вызванное “насмешкой и ругательством” “страхом и презрением со стороны западных народов”, пронизывает всю статью.

“Недоброжелательство к нам других народов, по мнению Хомякова, очевидно основывается на двух причинах: на глубоком сознании различия во всех началах духовного и общественного развития России и Западной Европы, и на невольной досаде пред этою самостоятельную силою, которая потребовала и взяла все права равенства в обществе европейских народов” С другой стороны, отмечает он, повод для такого отношения к России дает и русское общество. Размышления Хомякова строятся как бы в двух планах: с одной стороны - суждения иностранцев о России, с другой - отзывы русских о самих себе, носящие характер самоосуждения. “Смешно было бы, - пишет он, если бы кто-нибудь из нас стал утверждать, что Россия сравнялась со своею западною братиею во всех отраслях, или даже в какой-нибудь отрасли внешнего образования - в искусствах ли, в науке ли, в удобствах или шеголеватости житейских устройств. Поэтому благоговение, с которым русский народ проходит всю Европу, очень понятно” “Благоговение перед всем великим, - продолжает Хомяков, - обличает сочувствие со всем великим и обещает великое и в будущем. Избави Бог от людей самодовольных и от самодовольства народного; но надобно признаться, что всякая добродетель имеет свою крайность, в которой она становится несколько похожею на порок” Эта крайность, по мнению Хомякова, “унижает нас в глазах Запада. Наша сила внушает зависть; собственное признание в нашем духовном и умственном бессилии лишает нас уважения” Отметим для себя очень важную для славянофилов мысль:

та крайность смирения, о которой говорит Хомяков, состоит в том, что человек или народ “сознается не только в собственном бессилии, но в бессилии или неполноте нравственного или духовного закона, лежавшего в основе его жизни. Это не смирение, а отречение. Человек разрывает все связи со своей прошедшей жизнью, он перестает быть самим собой; а если говорит от имени народа, то уже тем самым он от народа отрекается” Это неуважение к собственному нравственному и духовному закону “унижает неизбежно народ в глазах других народов”

Причину такого состояния русского общества Хомяков и другие славянофилы видели в том заимствованном характере просвещения, который был воспринят в России после петровских реформ: “Принимая все без разбора, добродушно признавая просвещением всякое явление западного мира, всякую новую систему и новый оттенок системы, всякую новую моду или оттенок моды, всякий плод досуга немецких философов и французских портных, всякое изменение в мысли или в быте, мы еще не осмелились ни разу хоть вежливо, хоть робко, хоть с полусомнением спросить у Запада: все ли то правда, что он говорит? Все ли то прекрасно, что он делает?”

Европейское просвещение в русском обществе носит, по мнению Хомякова, “характер колониальный” “характер безжизненного сиротства” Противостоят ему история, привычки, воспоминания, любовь к своей земле.

Констатируя раздвоение, которое характерно для русского общества, несоответствие западного просвещения и живых народных начал, Хомяков выдвигает тезис, который можно считать ведущим в теоретическом наследии славянофилов: “Поняли ли мы, или хоть намекнули, что такое народ - единственный и постоянный действительный истории? Догадались ли мы, что каждый народ представляет такое же живое лицо, как и каждый человек,

и что внутренняя его жизнь есть не что иное, как развитие какого-нибудь нравственного или умственного начала, осуществляемого обществом, такого начала, которое определяет судьбу государств...?”

Как уже отмечалось, представители и западнического, и славянофильского направлений русской общественной мысли критически относились к современной им России. Но это был критицизм разного рода. Ведущими терминами первого были “отрицание” “действие” как синонимы революционных преобразований, под которые подводилась философская основа. Критицизм славянофилов основан был на стремлении к нравственному идеалу, воплощенному в народной жизни. Что же касается степени этого критицизма, то он не только не дает оснований для вывода о каком-то противопоставлении опыта России западному, но и лишает аргументации тезис о славянофильской проповеди идеи национальной исключительности. “С детства лепечем мы чужестранные слова и питаемся чужестранной мыслью, - писал Хомяков, -...привыкаем смешивать явления самые противоположные: общину с коммуною, наше прежнее боярство с баронством, религиозность с верою, семейность свою с феодальным понятием англичанина о доме...или с немецкой кухонно-сентиментальной домашностью”

Россия и Запад имеют различные основания жизни общества - это исходный пункт теории славянофильства. Хомяков утверждал: если “всякое учреждение Запада содержит в себе решение какого-нибудь вопроса, заданного жизнью прежних веков”, если “у себя в обществе западное просвещение имеет прочную историческую основу, то перенесение его на новую народную почву небезопасно и редко бывает безвредно”

Еще полтора века назад А.С.Хомяков отмечал “рассвирепение” с которым нападают на старую Русь представители современного ему так называемого образованного общества. “Злость, с которой нападают на

старую Русь, носит на себе характер рассердившегося бессилья”, - считал он и находил в этом свидетельство того, что она жива. С тех пор и до наших дней утвердилось мнение в рядах оппонентов славянофилов, что они-де звали назад, в ту самую старую Русь, что уж никак не может считаться признаком прогресса. С самого начала славянофилы пытались разъяснить свою позицию. Не назад, а вперед, к нравственному идеалу, запечатленному в православии, звали эти отечественные мыслители: “То, что было, поросло быльем, и если бы нам приходилось отыскать свою жизнь в прошедшем, конечно, мы бы ее никогда не отыскали и не воссоздали; ибо создание или воссоздание жизни ничтожными силами одиночных рассудков было бы явлением, противным всем законам духовного мира”, - эти слова были написаны Хомяковым в 1847 году в ответ на упрек Белинского о том, что славянофилы хотят вернуться к допетровской старине. Возражения эти не были услышаны ни его современниками, ни потомками. Много раз потом в работах славянофилов будут даваться разъяснения ошибочности такого обвинения. Через десять лет, в 1857 году, К. Аксаков прямо напишет в газете “Молва”: “ Не раз слышалось обвинение на славянофилов, что они хотят вернуться назад, не хотят идти вперед. ...Разве славянофилы думают идти назад, желают отступательного движения? Славянофилы думают, что должно воротиться не к состоянию древней России (это значило бы окаменение, застой), а к пути древней России (это значит движение). Где есть движение, где есть путь, там есть вперед! там слово назад не имеет смысла”

Сейчас много говорят и пишут о возрождении России. Славянофилы были глубоко убеждены в том, что оно начнется с уважения к собственной истории, традициям, обычаям и, главное, на пути нравственного обновления общества, связанного с верой наших предков. “Сделай одолжение, писал Хомяков другу, отстрани

всякую мысль о том, будто возвращение к старине сделалось нашей мечтою. ...Путь пройденный должен определять и будущее направление. Если с дороги сбились, первая задача - воротиться на дорогу" Есть смысл прислушаться к этим словам.

Славянофилы хорошо знали науку, историю и религию Европы и отвергали этот опыт. Им, сосредоточившим свое внимание на религиозных основах русской жизни, были чужды идеи революций, социальных потрясений. Славянофилы критически относились к крепостному праву и самодержавию. Но основанием этого была точка зрения на возможность существования государства, основанного на христианской общине по принципу мирного соглашения монарха и народа. Крепостное право отвергалось ими как форма посягательства на права личности, как противное духу христианского братства. Их критицизм по отношению к крепостничеству сочувственно воспринимался Белинским и Герценом. Мы были как двуликий Янус, писал А.И.Герцен, хотя сердце билось одно - любовь к России.

Но представители русской революционной демократии (западники) идеологам славянофильства руки так и не подали. В основе острого идейного конфликта между этими направлениями общественной мысли лежали разные представления о путях развития страны, различное отношение к европейской науке и европейскому просвещению.

Активизация общественной мысли в сороковые годы 19 века обусловила поиски наиболее действенных средств влияния на сознание соотечественников. Таким средством стала журналистика. "Журналистика в наше время все, писал в эти годы Белинский Журнал все, и...нигде в мире не имеет он такого великого и важного значения, как у нас"

С другой стороны, положение печати всегда зависит от политики правительства в отношении средств массовой

информации. В сороковых годах XIX века она основывалась на цензурных уставах 1826 и 1828 годов. В соответствии с ними русская журналистика была лишена права не только критики, но и обсуждения любых действий правительства и лиц, находящихся на государственной службе, даже тех, кто стоял на низших ступенях сословной и бюрократической лестницы. Основной контроль за печатным словом осуществляло, как говорилось раньше, печальной известности III отделение. Как часть императорской канцелярии, оно в определенной степени стояло вне общей системы правительственных учреждений. И не только вне, но и значительно выше их. В 1841-1842 годах в III отделении была организована в дополнение к четырем существующим пятая, цензурная, экспедиция. Ей было поручено высшее наблюдение за периодическими изданиями. Экспедиция получала обязательный экземпляр всех выходящих в России изданий, чиновники III отделения входили в состав каждого цензурного комитета, число которых увеличилось до двенадцати. Надзор за печатью официально вошел в круг полномочий политической полиции. Контролирование прессы приняло широкие масштабы.

В 1843 году Уварову было дано задание составить проект изменения цензурного устава 1828 года. Характерно, что в подготовленном с этой целью докладе Петербургского цензурного комитета было обращено особое внимание на борьбу "партий" в литературе, которую следовало пресекать. В течение всего десятилетия появлялись все новые циркуляры, чинившие препятствия журналистам. С 1843 года даже право разрешения к печати театральных рецензий было передано министру Двора, которому, в свою очередь, направляло их III отделение. В письме шефа жандармов Бенкендорфа министру Двора содержалось прямое требование к удержанию театральной критики в должных и приличных мерах"

В одной из докладных записок, отправленных в III отделение верноподданным издателем “Северной пчелы” Ф.Булгариным в 1846 году, содержится любопытное свидетельство того, в каких тисках находилась журналистика того времени. Булгарин писал: “Например, если бы я открыл, что будочник был пьян и оскорбил проходящую женщину, я приобрел бы врагов: 1) Министра внутренних дел. 2) Военного генерал-губернатора. 3) Обер-полицеймейстера. 4) Полицеймейстеров. 5) Частного пристава. 6) Квартального надзирателя. 7) Городового унтер-офицера” Даже Булгарин, которого трудно заподозрить в вольномыслии, выражал недовольство системой многоступенчатого контроля над печатью.

“Система сокрытия истины как назвал Булгарин полицейско-бюрократическую машину, управлявшую общественным мнением самодержавной России, действовала исправно. Отдавая себе отчет в растущем влиянии печати на устроения в обществе, правительство в эти годы предпринимает ряд мер, направленных на расширение сферы своего влияния в этой области. Одной из них было создание системы провинциальной журналистики. С 1838 года “Губернские ведомости” стали выходить в 42 губерниях России. Эти издания носили официальный характер, а их содержание было строго регламентировано. Губернские ведомости состояли из двух частей - официальной и неофициальной. В официальной печатались приказы и распоряжения губернских правлений, дозволенная правительством информация о государственных делах как правило, это была перепечатка из петербургских газет, чаще всего из “Северной пчелы” В неофициальной части, как это явствует из документа, хранящегося в архиве III отделения, могли “быть помещаемы, на основании определения губернского правления, следующие известия: 1) о чрезвычайных происшествиях в губернии, 2) о рыночных справочных ценах на разные потребности, 3) о состоянии

как казенных, так и частных значительнейших фабрик и заводов, 4) о выданных привилегиях на изобретение и составление компаний, 5) о способах улучшения сельского хозяйства и домоводства” и т.д. В 22 пунктах скрупулезно перечислялся перечень тем, которые было разрешено освещать провинциальным журналистам.

При такой системе правительственного и жандармского контроля губернские ведомости тех лет являлись, как правило, рупорами информации правительственного характера. Созданные усилиями правительства, “Губернские ведомости” должны были выполнять роль проводников официальной идеологии. Однако на их направление и содержание очень скоро стали влиять представители российской разночинной интеллигенции, сотрудничавшие в них. Постепенно расширялся и круг читателей, охватывая самые различные слои населения - гимназистов, чиновников.

В 1848 году, когда в Главном цензурном комитете анализировалась российская журналистика в связи с революцией во Франции, особое внимание комиссии Бутурлина было обращено и на губернскую печать. Цензоров насторожила, например, статья из “Казанских губернских ведомостей” об обрядах крестьян Царевококшайского уезда, где приводились слова из народной песни “о волжских разбойниках”, именуемых “людьми добрыми да хорошими” Редактору газеты было “сделано вразумление”, а на решении цензурного комитета рукой Николая 1 написано: “Совершенно справедливо”

Секретным циркуляром от 19 марта 1843 года шеф жандармов вменил в обязанность своим подчиненным иметь “неослабное наблюдение за издаваемыми в губерниях губернскими ведомостями, прочитывая оные со вниманием и для выиграния времени доносить прямо его сиятельству шефу корпуса жандармов” Сам факт поощрения изданий в провинции и пристальный контроль за ними свидетельствовали о том, что царское

правительство отдавало себе отчет в значении прессы как средства политического воздействия на общество. Исходя из этого, было сделано все, чтобы притормозить развитие частноиздательской деятельности и, наоборот, дать простор изданиям официального толка.

Поощрялись также ведомственные специальные издания, в основном рассчитанные на относительно узкий круг читателей, как, например, "Нувеллист" "Музыкальный свет", а также всякого рода "Записки" различных обществ. Всего за период с 1839 по 1848 год было открыто 53 издания. Среди них 11 журналов, лишь 3 из которых носили характер литературно-общественный: "Маяк" "Москвитянин" "Финский вестник" Таким образом, основную массу изданий, наряду с "Губернскими ведомостями" составляли ведомственные и специализированные журналы, альманахи, сборники.

Укрепление идеологического аппарата самодержавия оказало значительное влияние на систему печати 40-х годов. Система печати - это совокупность изданий того или иного периода, выступающая как средство духовно-идеологического обеспечения жизни общества. Она определяется общественными потребностями и политикой государства по отношению к журналистике.

В сороковые годы система печати в России складывалась под воздействием пропаганды идей о необходимости преобразования общества, но, говоря современным языком, на этом отрезке времени создается и мощный "механизм торможения", выразившийся в политике развития государственной и ведомственной журналистики.

Сдерживая частноиздательскую практику, особенно развитие журналов литературно-общественного характера, царское правительство взяло курс на укрепление провинциальной, ведомственной и специализированной прессы. Поощряя эти издания, правительство оказывало им прямую финансовую поддержку.

К изданиям литературно-общественного характера правительство относилось с особым подозрением: именно они пользовались наибольшим успехом у читателя. В начале сороковых годов была сделана попытка парализовать “вредное” влияние “Отечественных записок” созданием двух новых литературных журналов **“Маяк”** в 1840-м и **“Москвитянин”** в 1841 году. Их возглавили С.А.Бурачок и М.П.Погодин, литераторы, чей образ мыслей находился в полном соответствии с официальной идеологией. Правительство возлагало большие надежды на то, что они сумеют идейно противостоять влиянию направления “Отечественных записок” во главе с В.Г.Белинским. Но этого не произошло. Журналы мало учитывали запросы читателей, не отличались злободневностью. Тираж этих изданий был невелик, а общественное воздействие не шло в сравнение с публицистикой “Отечественных записок”

Наличие трех политических сил в обществе, трех идейных лагерей отразилось в печати. Определяются следующие основные группы изданий. Это, во-первых, издания официального направления, отражавшие идеологические установки крепостнического государства. Сюда следует отнести журналы министерств (МВД, народного просвещения, государственных имуществ), губернские ведомости, **“Северную пчелу”** правительственные вестники и основную массу *специализированных изданий. Во-вторых, в журналистике этого периода нашли отражение процессы, связанные с развитием буржуазных отношений и реализовавшиеся в идеологии либерализма, которая объединила все оппозиционные царскому самодержавию политические силы. На левом фланге этого направления формировалась идеология революционной демократии.

Интересы прогрессивного русского общества, одушевленного поисками социального идеала, нашли отражение в публицистике **“Отечественных записок”** а также **“Современника”** в 1847-1848 года. В этих

изданиях консолидировались основные силы русской демократии. Несмотря на все усилия правительства регламентировать идейную жизнь, заключить ее в строгие рамки официальной идеологии, оно не смогло остановить развитие прогрессивной общественной мысли.

Центром идейной жизни русского общества был журнал "Отечественные записки". С 1839 года он стал выходить под редакцией А.А.Краевского, предприимчивого делового человека, талантливого организатора, чье отношение к журнальному делу прежде всего определялось суммой годового дохода с издания. Вместе с тем Краевский обладал очень ценным для редактора качеством - умением уловить запросы читателя, а его связи с министерством народного просвещения давали возможность более или менее ладить с цензурой. По политическим убеждениям это был, либерал, чуждый каких бы то ни было радикальных взглядов. Он не разделял убеждений Белинского и пригласил его в "Отечественные записки" надеясь, что молодой критик поможет ему выстоять в конкурентной борьбе.

Благодаря публицистической деятельности Белинского, журнал стал рупором разрушительных для самодержавия идей. Литературная критика вошла в прямое соприкосновение с анализом общественной жизни, идеи социального переустройства пропагандировались страстно и последовательно, журнал стал властителем дум целого поколения русской интеллигенции. Публицистика "Отечественных записок" запечатлела напряженный путь теоретических исканий прогрессивной общественной мысли, она стала основным средством пропаганды новейших философских, социальных и экономических идей. Политическое напряжение чувствовалось в каждом номере "Отечественных записок" которые по праву считаются органом русской демократии, выражавшим идеологию антикрепостничества. История этого журнала

изучена достаточно полно, чего нельзя сказать о других изданиях 40-х годов.

В связи с этим остановимся на характеристике некоторых из них подробнее. Как говорилось, по политическим качествам печать сороковых годов представляла собой явление чрезвычайно сложное, пестрое и противоречивое. К этому нужно добавить, что практически каждое издание на протяжении этого времени переживало различные идейные колебания. Так случилось, например, с журналом "Москвитянин". Созданный как орган официальной идеологии, он в 1845 году перешел в руки славянофилов и под редакцией И.В.Киреевского соответственно изменил направление. Этот период продолжался недолго, всего три месяца. Затем журнал снова вернулся на исходные позиции официальной народности. В 1843 году произошли изменения в направлении официальных газет "Московские ведомости" и "Русский инвалид". Эти газеты контролировались правительственными учреждениями соответственно Московским университетом и Военным министерством, но с 1843 года были арендованы частными лицами. Редактором неофициальной части в "Московских ведомостях" стал Е.Ф.Корш, в "Русском инвалиде" А.А.Краевский, издатель "Отечественных записок". Начиная с этого времени направление газет выходит за рамки официального. Их содержание формировалось под сильным воздействием "Отечественных записок". То же самое произошло и с "Санкт-Петербургскими ведомостями" в 1847 году, когда там стал работать А.Н.Очкин.

Газета "**Московские ведомости**" также изменила направление с 1843 года под редакцией Е.Ф.Корша. История этого издания изучена мало. Е.Корш был дружен с Герценом, Грановским, Огаревым и разделял взгляды этого круга. "Московские ведомости" проявляли большой интерес к исследованию социальных проблем.

В газете Е.Корша публиковались острые материалы антикрепостнического характера, как, например, "Освобождение негров во Французских колониях" (1844, № 42-45). В иносказательной форме звучало в статье требование освобождения русских крестьян от крепостного права, их положение прямо сравнивалось с рабством негров.

Эта статья привлекла внимание цензуры, особенно следующий отрывок: "Невольничество противно законам нравственности; оно развращает и господина и раба; первого тем, что дает ему над невольниками безответственную, непрерывно гнетущую власть, последнего тем, что уподобляет его скоту, заменяя всякую разумную деятельность страхом плети и слепым повиновением" Шеф жандармов А.Орлов справедливо нашел в нем "смысл более обширный и не до одних негров относящийся"

Газете было вынесено предупреждение, но, несмотря на это, в 1846 году в статье "Невольничество во французских колониях" опубликованной в № 91-92, эти же мысли были заострены до предела: "Невольничество, развращающее хозяев и губящее невольников, не может быть облагоустроено, а должно быть истреблено как можно скорее"

Определенную трудность представляют характеристики идейного содержания таких изданий, как "Московский городской листок" В.Драшусова и журнал "Финский вестник" Ф.Дершау. Они также в ряде случаев поддерживали направление "Отечественных записок" выступали союзниками с ними по многим проблемам, например, в отношении к "натуральной школе", к официальным болгаринским изданиям. Но последовательности в пропаганде определенных идейных позиций в них не было.

Газета **"Московский городской листок"** существовала всего один год - 1847. Она выходила 2 раза

в неделю, и, судя по содержанию, сделала попытку стать конкурентом ведущей газете страны "Северной пчеле" Булгарина. Редактор газеты В.Драшусов предпринял усилия, чтобы наладить постоянную информацию о жизни Москвы. В № 9 от 11 января 1847 года появился "отдел городских слухов", который вскоре уступил место другим: "движение торговли", "зрелища и увеселения" "объявления" "Москва" Но наладить информационную службу газета не смогла.

Не удалось редакции определиться и с направлением. Чрезвычайно пестрым был состав редакции. В "Московском городском листке" публиковались С.Шевырев, М.Загоскин, Д.Вельтман литераторы и публицисты официального направления. В то же время в газете сотрудничал А.Д.Галахов, постоянный автор "Отечественных записок" там был опубликован очерк А.И.Герцена "Станция Едрово" (№ 57), в газете печатались "физиологические очерки" Е.Гребенки, литератора "натуральной школы"

Непоследовательность позиции газеты можно проиллюстрировать следующим примером. Начиная с №3 в ней печатались лекции профессора Московского университета С.Шевырева "Общий взгляд на историю искусств и поэзию в особенности" Много места в них было уделено беллетристике Запада. Западная литература, по мнению автора, изжила себя: "Душевная личность Запада кончила свой период"

Спустя несколько месяцев в газете появляется прямо противоположное суждение. В четырех номерах напечатана статья французского автора Тальяндье-Рене "Литература и писатели во Франции в течение последних десяти лет" В редакционной заметке, предпосланной статье, говорилось: "Мы поместили ее в листке не с тем, чтобы словами французского публициста вторить той неприязни Западу, которая и без того выражается в нашей литературе с немалою самонадеянностью" Автор ее, как

можно предположить, сам редактор В. Драшусов, призывает смотреть на Запад "теплым сердцем" и возражает "людям: привыкшим повторять, что Запад отivel, что Запад гниет, что Запад того и жди испустит дух" "Мы уверены, - пишет он, - что есть твердое основание к полезному общению мысли между всеми европейскими народами, не исключая отсюда и русских, какое бы своеобразное не ожидало их развитие"

Явная эклектичность идейной позиции издания, недостаточный профессионализм в организации редакционной работы явились основными причинами прекращения газеты. Судьба ее подтвердила справедливость теоретического вывода, сделанного В.Г.Белинским, что жизненным условием существования всякого издания является наличие определенной идейной позиции.

В 1845 году в Петербурге стал издаваться журнал **"Финский вестник"** В заявлении от редакции сообщалось, что "Финский вестник" имеет две главные цели: 1) знакомить Россию со Скандинавией и Финляндией, 2) знакомить Финляндию с Россией. Предполагалось, что в журнале будут отделы "Северная словесность", "Северная история", "Нравоописатель" где будет представлен "тот род литературы, который мы называем нравоописательным, связанным с именем Гоголя, который "могущественно сдвинул" его.

Предполагались также отделы "науки и художества" "библиография", "смесь" Другими словами, журнал задумывался по энциклопедической программе, а направление ориентировалось на "Отечественные записки"

В программной статье "От редакции", опубликованной в первом номере "Финского вестника" открыто декларировалась верность позиции Белинского. Сама программа была составлена В.Н.Майковым, который был приглашен Ф.Дершау

соиздателем-редактором. Журнально-публицистическая деятельность В.Н. Майкова будет подробно анализироваться в III главе, пока же следует сказать, что его сотрудничество в "Финском вестнике" продолжалось недолго, по крайней мере, не больше года, т.к. уже на следующий год он был приглашен А.Краевским в "Отечественные записки"

В статьях исследователя истории этого журнала В.Морозова проводится мысль о том, что в нем было ощутимо влияние Белинского и кружка Петрашевского. Но полностью реализовать намеченную в программной статье задачу журналу не удалось. Во всяком случае, до "критического исследования нас самих", как говорилось в ней, издание не поднялось. В редакционной политике проявлялась чрезвычайная осторожность, осмотрительность. Журнал носил скорее научно-литературный, чем общественно-политический характер и сторонился освещения серьезных общественных проблем, предпочитал, как говорилось в редакционной статье, не придерживаться "никакой партии исключительно" (1845, № 1). В целом его направление можно охарактеризовать как либерально-просветительское.

Среди изданий сороковых годов, разделявших демократические установки "Отечественных записок", заметное место занимала **"Литературная газета"**

Ее творческая биография состоит из нескольких периодов, наиболее интересным среди которых были 1841-1845 г.г. В это время в газете активно сотрудничал Н.А. Некрасов, а в 1844-1845 г.г. В.Г. Белинский, печатались также многие авторы "Отечественных записок". Ее общественно-литературная позиция отчетливо проявилась в полемике против "Северной пчелы" и других реакционных изданий. Демократическая печать справедливо рассматривала булгаринские издания как средство дезориентации

читателя и потому постоянно разоблачала их методы воздействия на подписчиков.

Утверждение в литературе принципов критического реализма, защита завоеваний “натуральной школы” с ее пристальным вниманием к трагедии личности в условиях самодержавного общества, воспитание мыслящего, критически относящегося к действительности читателя таков неполный перечень проблем, затронутых газетой.

Активизация полемики в “Литературной газете” с Булгариным совпала с той кампанией против главы “рептильной” литературы, которую в 1842 и 1843 г.г. особенно активно вел Белинский в “Отечественных записках”. Почти в каждой из статей цикла “Литературные и журнальные заметки” он не упускал случая ответить на злобные выпады издателя “Северной пчелы” или прокомментировать его мнение.

Нейтрализовать Булгарина было важно для прогрессивной печати еще и потому, что на страницах его изданий постоянно поносились Гоголь, Лермонтов, т.е. писатели, творчество которых Белинский связывал с освоением нового метода литературы критического реализма. Трактовка произведений Гоголя одна из главных тем полемики 40-х годов. “Литературная газета” была полностью солидарна с позицией “Отечественных записок”. Характерно, что основные выступления газеты о творчестве Гоголя и по времени совпадали с рецензиями Белинского в “Отечественных записках”.

Когда в конце 1842 года вышло собрание сочинений Гоголя, “Литературная газета” поспешила сразу же сообщить об этом своим читателям. Комментируя это событие, она называла “замечательными” впервые напечатанные там повесть Гоголя “Шинель” и пьесу “Женитьба”. В статье в пародийной форме излагались все возможные мнения критиков о творчестве Гоголя. И хотя здесь не называлась ни одна фамилия, было ясно, что газета ведет бой по тем же мишеням, что и Белинский: “В Москве

начнут доказывать, - иронизировал рецензент, что Гоголь -Аристофан и Теренций нынешнего века; другие будут опровергать это и покажут только, что до и после Гоголя не было и не будет русской литературы; третьи станут придирааться к опечаткам и неправильным оборотам языка” Наконец, четвертые,- писал автор, имея в виду, конечно, точку зрения Булгарина, - станут доказывать, что Гоголь совершенно бездарный человек, которого приятели прославляют за тем, чтобы уронить других сатирических писателей. Ну, уж это будет чистая сатира на русскую литературу: где же у нас эти сатирические писатели, которых уронить можно и которые могли бы хоть чем-нибудь помериться с Гоголем”

“Литературная газета” использовала в целях полемики любой намек. Так, она язвительно замечала: “Он (Булгарин М К.) смешивает формат с величиною бумаги, а в этом такая же разница, какая в сочинениях Гоголя и Булгарина” Полемический смысл этого сравнения станет ясен, если иметь в виду, что Булгарин неоднократно заявлял об отсутствии таланта у Гоголя и утверждал, что его нельзя сравнить даже с такими писателями, как Одоевский и Соллогуб, “которые выше г.Гоголя. как Чимборасо выше Пулковской горы”

Наряду с защитой Гоголя против его ложных истолкователей, газета обратила внимание на творчество Лермонтова. В рецензии на “Стихотворения” Лермонтова указывалось, что развитие его таланта “обещало много блестящего и образного” “Литературная газета” была одним из немногих русских изданий, сообщивших о гибели поэта. По свидетельству А.М.Скабичевского, ни о дуэли, ни о подробностях смерти Лермонтова “не было и помину в прессе того времени” И тем не менее, сообщение об этом появилось в “Литературной газете”, в номере 89 за 1841 год под рубрикой “Литературные и театральные новости” Видимо, по цензурным соображениям газета не

смогла уделить больше места и внимания гибели опального поэта.

Выступления “Литературной газеты” по вопросам театрального искусства также представляют большой интерес. Назовем главные направления, по которым развивалась театральная критика на страницах газеты. Это, во-первых, глубокая неудовлетворенность репертуаром театров, стремление повлиять на формирование эстетических вкусов зрителя, воспитать его в критическом отношении к театру развлечений, который господствовал тогда. Во-вторых, серьезные раздумья о специфике и назначении драматургических жанров, о роли театральной критики. В-третьих, борьба с псевдопатриотическими произведениями записных русских драматургов Г.Ободовского и Н.Полевого, разоблачение их антихудожественной сущности.

В 1844 и 1845 годах в газете, как уже отмечалось, наиболее интенсивно сотрудничали Белинский и Некрасов. В области литературной теории можно считать программными статью Белинского “Взгляд на главнейшие явления русской литературы в 1843 году”, напечатанную в номерах 1 и 2 за 1844 год, и “О партиях в литературе” в номере 17 за 1845 год.

Большой интерес представлял в “Литературной газете” отдел “Записки для хозяев” Им руководил А.И.Заблоцкий-Десятовский, известный русский экономист, автор знаменитой статьи “О причинах колебания цен на хлеб в России” которая была опубликована в 1847 году в “Отечественных записках” и получила одобрительный отзыв Белинского. В 1845 году в номере 8-ом “Литературной газеты” появилась заметка за подписью “Никифор Работягин” под названием “О нынешнем состоянии цен на хлеб в разных местах России” по-видимому, написанная Заблоцким, которую можно считать своеобразной заготовкой для большой журнальной статьи, которая появилась позже. Общедемократическая

позиция газеты отразилась даже в таком малозначительном, на первый взгляд, подотделе, как “Кухня”. Его вел В.Ф.Одоевский, который в фельетонной форме высмеивал тех, у кого “желудочные отправления суть главные и единственные в жизни”

В номере 27 за 1845 год появился материал под заголовком “Письма к доктору Пуфу”. В первом письме автор, назвавший себя доктор Кнуф, задавал такие, например, “вопросы” Скажите-ка, отчего бывает много-много людей, которым нечего есть? Что уделит ваша богатая наука на долю бедняка, который имеет для своей пищи мякину? Научите, как сделать консоме, салями, пудинг или ростбиф из мякины и воды?”... Не забудьте, предупреждал автор, что это предмет весьма важный. Бедняки, я думаю, составляют везде большинство” Такого рода намеки приобретали социальное звучание, и рубрика “Кухня” была лишь своеобразной ширмой, за которой скрывались злободневные мысли.

В “Литературной газете” в 1845 году, через шесть недель после выхода книги Ф.Энгельса “Положение рабочего класса в Англии” появилась первая русская рецензия на нее, что говорило о явном интересе издания к острым социальным проблемам.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ В ЖУРНАЛИСТИКЕ 40-х ГОДОВ XIX ВЕКА

В журналистике сороковых годов можно выделить определенные тематические периоды. Преимущественное внимание к философским проблемам обнаруживается в материалах периодики 1841 - 1843 годов. Начиная с 1843 года увеличивается объем публикаций о социальных проблемах, а с 1846 года значительное место занимают вопросы экономики. Их постановку продиктовали сама российская действительность, развитие капиталистических

отношений, а также повышенный интерес к исследованию социально-экономической жизни Европы. Н.А.Бердяев так объяснял причину этого: "Все надеялись, что Россия избежит неправды и зла капитализма, что она сможет перейти к лучшему социальному строю, минуя капиталистический период в экономическом развитии. В центре политико-экономических проблем стояли вопросы экономического развития России, которое сопоставлялось с опытом Запада.

Интерес к экономическим проблемам, властно захвативший русскую общественную мысль, нашел свое отражение в публицистике. "В наше время преобладает взгляд политико-экономический" констатировала в 1846 году (N 141) газета "Московские ведомости". Особенно активно в печати обсуждались вопросы свободы торговли, тарифные системы, экономические теории и научная литература по экономике. Нужно сказать, что правительство настороженно относилось к обсуждению в печати проблем такого рода. Так, в 1846 году цензура запретила печатать в журнале "Отечественные записки" статью о Ричарде Кобдене, который, будучи представителем фритредерского течения, рьяно выступал за уничтожение ограничений в свободной торговле, что на практике означало ломку государственно-национальных перегородок на пути наступления мирового капитала. Петербургский цензурный комитет счел, что это "может содействовать распространению в публике незрелых идей о свободной торговле и возбудить ложные толки о мерах правительства нашего, имеющих целью поощрение народной промышленности".

Правительство Николая I, как известно, выступало против принципа свободной торговли, поощряя развитие собственной российской промышленности, как того требовали интересы становящегося на ноги русского предпринимательства.

Отмена пошлин. свобода торговли стали предметом самого оживленного обсуждения и полемик в прессе. В N 123 “Московских ведомостей” за 1846 год была напечатана статья “Несколько слов о русском мануфактурном тарифе”. Ее автором был фабрикант и банкир Савин. Он высказывался в пользу запретительной системы, закрывавшей доступ иностранным товарам на русский рынок, где “успех собственной промышленности едва только начал упрочиваться”

В ответ на это выступление в N 5 “Журнала министерства государственных имуществ” возглавлявшемся известным русским общественным деятелем и публицистом А.П.Заблоцким-Десятовским, была опубликована статья “Несколько замечаний на статью г-на Савина о русском мануфактурном тарифе”. Автор статьи защищал свободу торговли и попутно касался проблемы общественного устройства страны, стеснявшего развитие свободной торговли. “В настоящее время, говорилось в статье, - когда на Западе Европы совершается великий экономический переворот, мы разумею осуществление идей о свободном между народами размене богатств, - вопрос о тарифной системе не может оставаться чуждым для нас”. Но в разрешении его, считал автор, многое зависит от того, “каков характер народа, его история, его нравы и учреждения”

В крепостной России 40-х годов проблемы экономики и политики очень часто соприкасались и порой, даже против воли автора, затрагивался важнейший вопрос общественной жизни - социальное неравенство. Характерным примером может служить статья “О будущности денег”, напечатанная в N 122 “Московских ведомостей” в 1846 году. “У кого есть деньги, - говорилось в ней, тот наслаждается всем: почетом, отличиями, удовольствиями и покоем. Богач везде играет главную роль, задает тон, управляет, приказывает. Бедный не значит почти ничего или составляет только

вещь, которую пользуются другие, извлекая из нее свои выгоды". В статье прямо выражалась надежда на то, что такой порядок будет установлен: "Нет возможности допустить, чтобы владычество денег и проистекающий из этого превратный быт имели перед собой бесконечную будущность"

Особенно остро звучал вывод статьи, где говорилось, что потребность "полного и нормального благоденствия" овладеет как отдельными лицами, так и массами. В статье выражалась надежда, что придет время и "на развалинах прежней системы" будет основана новая.

Особое внимание к экономическим проблемам в России во второй половине сороковых годов можно рассматривать как конкретизацию выдвинутого Белинским и Герценом тезиса о необходимости соединения научного знания и практики. В наше время, писал Н.П.Огарев в 1847 году, когда наука ясно показывает, что материальные силы государства составляют основу его цивилизации, политическая экономия получает свое настоящее значение, свою настоящую важность "Политическая экономия изгнала философию констатировал журнал "Отечественные записки" "Задача современной науки - отыскать законы, которые действуют в мире политическом и промышленном," утверждал В.П.Боткин.

Пожалуй, не было в русской периодике этого времени издания, которое бы правда, с различных позиций - не касалось экономической проблематики. Даже такой маловлиятельный, политически нейтральный журнал, как "Современник" под редакцией П.А.Плетнева, уделил ей внимание, опубликовав в 1846 году (т.43) статью "Роскошь и нищенство в Западной Европе" О том, насколько силен был интерес к политико-экономическим проблемам, может свидетельствовать содержание седьмого номера журнала "Отечественные записки" за 1847 год, где значительная часть была посвящена экономике. Здесь

были напечатаны статьи-рецензии на книги Л.Фоме "Этюды об Англии" "Основания политической экономии" Ж.Гарнье, "Ежегодник политической экономии" сочинения социалистов Л.Блана и О.Барбье.

В экономической публицистике сороковых годов можно выделить два основных тематических блока. Один связан с осмыслением концепций западных экономистов. Другой посвящен экономике крепостного хозяйства. Естественно, что эти проблемы рассматривались во взаимной связи и в конечном счете речь шла не столько о познании экономических законов, сколько о перспективах российского жизнеустройства. Глубокое изучение политико-экономической мысли прошлого может обогатить современные поиски в области социального прогресса.

Среди публицистов России, обратившихся к экономическим проблемам, одним из первых был **В.Н.Майков**. В истории литературы и журналистики известна его литературно-критическая деятельность, а статьи обществovedческого, экономического содержания незаслуженно обойдены вниманием.

В.Н.Майков был одним из трех сыновей известного русского художника, академика живописи Н.А.Майкова. Все они стали выдающимися деятелями русской культуры: Аполлон поэтом, Леонид академиком, издателем популярного в 60-х годах детского журнала "Подснежник" Валериан ученым и публицистом. В 1842 году он в девятнадцать лет закончил юридический факультет Петербургского университета со степенью кандидата. Общественными науками он интересовался страстно, но круг его научных занятий включал также химию, литературу, эстетику, историю. Ученый по складу своего характера, он поставил целью пропаганду научных знаний через журналистику. В письме И.С.Тургеневу в конце 1846 года он писал, что статья в журнале - самый лучший способ "заманить читателя "в сети интереса к науке"

После окончания университета Майков служил в департаменте сельского хозяйства Министерства государственных имуществ, которым руководил выдающийся русский экономист и публицист А.П.Заблоцкий-Десятовский. Министерство возглавлял П.Д.Киселев, будущий деятель реформы 1861 года, и оно, по мнению современников, было самым либеральным из ведомств царской России.

С 1844 года Майков приступил к литературно-публицистической работе в журнале "Финский вестник". О характере воззрений публициста дает представление написанная в 1842 году, но неопубликованная статья "Об отношении производительности к распределению богатства", где содержалось немало интересных суждений о состоянии капиталистического общества, об отношениях труда и капитала, критиковалось неравенство распределения. Разрешение противоречий он видел в системе так называемой дольщины, которая водворяет согласие между хозяевами и работниками. "Если бы всякий человек мог быть в одно время и капиталистом, и работником, считал Майков, то не могло бы быть и вопроса о вражде хозяев и работников". Он резко критиковал систему ассоциаций и считал частную собственность основой экономического прогресса.

Уже в этом первом произведении обозначилось стремление Майкова к гармонизации общественных отношений путем установления справедливых экономических порядков. У него отсутствует идея насильственного изменения обстоятельств, исключается "сшибка" крайностей социального развития, т.е. революционный путь, возможность которого обсуждалась Белинским и Герценом в то время. Эта установка наблюдается во всех статьях публициста.

Наиболее полно его социально-экономические взгляды были выражены в статье "Общественные науки в России" опубликованной в N 1 "Финского вестника" в

1845 году. В ней Майков выдвинул идею создания науки, которую он называл социальной философией или “философией общества” По его мнению, эта наука должна представлять собой синтез политических, экономических и нравственных наук и заниматься объяснением законов общественного развития, управлять ими.

Прежде всего Майков обратился к критическому исследованию тех наук, которые принимаются от Запада. “Прошло уже то время, - считал он, - когда мы должны были безусловно благоговеть перед нашими учителями, веря им во всем на слово. Следовательно, первые наши шаги на поприще создания национальной науки должны состоять в строгом критическом разборе наук запада” Статья Майкова была одной из первых попыток создания цельной самостоятельной концепции общественного развития.

В.Н.Майков как известно, являлся участником кружка М.В.Петрашевского, однако в их взглядах не было полного согласия. В отличие от большинства членов кружка, которые с увлечением воспринимали идеи Фурье, Майков критиковал его фаланстеры и “теорию страстей” как движущую силу развития общества. Майков связывал идею удовлетворения потребностей отдельного человека с идеей общего благосостояния, в то время как система Фурье рассматривала этот вопрос исключительно с точки зрения физических свойств индивидуума. “Идеи благосостояния общества нельзя отделить безусловно от идеи благосостояния человека или развития человека” утверждал он.

В.Н.Майков считал, что цель общественной жизни и всех ее учреждений не что иное, как достижение такого состояния, при котором возможно всестороннее удовлетворение потребностей. Трактовка политической экономии как науки о благосостоянии общества была дана еще А.Смитом, труды которого русские экономисты особенно ценили. При этом свобода экономическая неразрывно связывалась в их представлениях и с

политической свободой, что в условиях крепостнической России воспринималось с особенным вниманием.

Статья была задумана Майковым в двух частях, однако вторая часть не увидела свет “по причинам обстоятельств”, как было сказано в редакционной сноске, не зависящих от редакции” Во второй части статьи Майков предполагал дать анализ русской общественной науки, но этот замысел реализован не был из-за цензуры.

В.Н.Майков являлся автором и составителем первого выпуска “Карманного словаря иностранных слов, вошедших в состав русского языка”, который был опубликован в 1845 году. По статьям “Словаря” можно уточнить содержание взглядов В.Н.Майкова на различные проблемы. Вот, к примеру, его определение демократии: “Такая система управления государством, где каждый гражданин участвует в рассмотрении и решении дел всей нации. Формы такого правления могут быть различны, смотря по степени развития нравственных сил в народе и сознания истинной, разумной свободы” “Чистую” демократию Майков отмечал в древних Афинах, в Северо-Американских штатах, некоторых швейцарских кантонах.

Понятие революции дано в статье “Демагог” “Это слово наиболее употребляют, говоря о злоупотребляющих свое влияние на народ и воспламеняющих ярость черни из частных видов. Таковы были софисты в Афинах, партия Марата и т.п. во Франции, в дни революции; в настоящее время так называют в Германии (в Пруссии и Австрии) всех приверженцев революции”

С 1846 года В.Майков стал сотрудником “Отечественных записок” где он заменил Белинского в критико-библиографическом отделе. В первом номере журнала за 1847 год была опубликована его статья “Нечто о русской литературе в 1846 году” Она сопровождалась редакционной сноской: “Полное отчетливое обозрение замечательнейших явлений русской литературы 1846 года

не могло быть напечатано по причинам, от редакции не зависящим”, которая явно относилась к цензуре.

Уже само начало статьи для читателя “Отечественных записок”, привыкшего встречать в новогоднем номере статью Белинского, носило полемический характер. Майков поставил под сомнение необходимость начинать год с отчета о том, что прочла публика в течение старого. Он характеризует прошедший, 1846 год, как переходное время, когда общество утомляется той точкой зрения, с которой смотрело на вещи в течение этого периода” В научных трудах историков литературы достаточно подробно проанализирована разность литературно-критических подходов Майкова и Белинского к творчеству Достоевского и Гоголя, но расхождения в позициях критиков не носили характера идейного противоборства. И литературно-критические, и социально-экономические взгляды В.Н.Майкова развивались на демократической основе, характеризующейся в целом неприятием системы эксплуатации, крепостнических порядков. Это отчетливо проявилось в рецензиях Майкова, опубликованных в “Отечественных записках” При его участии библиографический отдел журнала преобразился. Теперь основное содержание его составили рецензии на экономические произведения. В рецензии на книгу В.С.Порошина “О земледелии в политико-экономическом отношении” он выступил против “сосредоточения поземельной власти в руках одной касты”, а законы, охраняющие эту власть, считал “нелепыми” В другой рецензии в иносказательной форме проводилась мысль о том, что невозможно дать образование народу, не освободив его, что “благосостояние народа не заключается в удовлетворении одной потребности народа при неудовлетворении всех прочих”

В статьях Майкова, опубликованных в журнале “Отечественные записки” содержалось немало глубоких суждений о современном капиталистическом обществе. В

одной из рецензий он писал о “безвыходном положении мелких капиталистов, гибнущих от соперничества с хозяевами-миллионщиками” видел “тягость поденщины, переходящей по наследству от отца к сыну в многочисленном классе народа и поддерживающей в нем нищету, невежество и безнравственность. Им руководило страстное желание уничтожить “фантомы” действительности, мешающие свободному развитию личности и общества. Он призывал бороться с застоем, “не верить положениям, принятым за аксиому потому только, что никто не подвергал их анализу”. В публицистике В.Н.Майкова нашли отражение либерально-просветительские идеи русской интеллигенции, основанием которых было обсуждение возможности безреволюционного усовершенствования жизни общества.

Упование на научный и социальный прогресс, на выяснение экономических законов и надежда с их помощью устранить социальное неравенство было присуще значительной части демократически настроенной русской интеллигенции. Теоретическая смелость и широта взглядов русских публицистов способствовала проникновению в общественное сознание очень важных идей, среди которых на первом месте стоит критика основ капиталистического производства, буржуазной политико-экономической науки.

Особенно наглядно это выразилось в публицистическом творчестве **В.А.Милютина**, с началом сотрудничества которого в “Отечественных записках” в 1847 году журнал А.Краевского стал своего рода лабораторией отечественной политико-экономической мысли. Личность и творчество этого талантливого ученого и публициста еще не получили должного освещения в отечественной исследовательской литературе. Из семьи Милютиных вышло несколько видных деятелей: его брат Д.А.Милютин был военным министром, другой брат

Н.А.Милютин - одним из активных деятелей крестьянской реформы.

В.А.Милютин закончил Петербургский университет в 1847 году, в этом же году в № 1-2 журнала "Отечественные записки" была напечатана статья "Пролетарии и пауперизм в Англии и во Франции" принесшая ему широкую известность.

Милютин посвятил свою работу исследованию проблемы, в которой была сфокусирована сущность экономических вопросов того времени проблемы бедности. Сама ее постановка имела в России особый смысл и вполне различимый политический подтекст. Впервые в русской журналистике был дан развернутый анализ сложнейшей политико-экономической проблемы проблемы нищеты.

Язва нищеты и страданий, "язва страшная и глубокая" привлекла внимание исследователя, и он отнесся к вопросу с пристрастием ученого и боевой энергией радикально мыслящего публициста. По мнению Милютина, нищета является прямым следствием капиталистических отношений: "Одна из самых главных и самых деятельных причин нищеты заключается в экономическом устройстве европейских обществ", а корень зла заключается в экономической системе государства, где господствует "полная, неограниченная свобода промышленности"

Актуально не только для середины XIX века, но и для нашего времени звучит характеристика В.Милютиным свободы предпринимательства. "Такая свобода, говорилось в статье, прямо ведет к угнетению; и действительно, пользуясь такой свободой, ему предоставленной, капитал в настоящее время давит труд, доводит его же до последней крайности, обращается с ним совершенно так же, как обращались некогда феодальные бароны со своими беззащитными вассалами"

Это сравнение, возможно, употреблено Милютиным не случайно. Несостоятельность крепостной, феодальной системы была очевидным фактом в России. Но такую же несостоятельность обнаруживала и западная экономика, натиск капитала которой явственно ощущался в России. Милютин считал, что решение проблемы состоит в том, чтобы работник имел право участвовать в выгодах предпринимателя, и нельзя сказать, чтобы он сильно ошибался, предсказав путь, которым пошла капитализация общественных отношений в Европе путем акционирования.

Общий пафос статьи Милютина отразил глубокое стремление найти способ разрешения социальных противоречий путем рациональной организации труда со стороны государства и общества.

В восьмом и девятом номере журнала "Современник" за 1847 год была опубликована статья "Мальтус и его противники". Теория английского ученого Мальтуса, созданная в период французской революции в 18 веке, на фоне усиления рабочего движения в Англии и во Франции, вновь была взята на вооружение учеными-экономистами в 19 веке. Одним из последователей и популяризаторов теории Мальтуса стал французский экономист, защитник интересов крупной буржуазии Ж.Сей, чьи взгляды анализировал в этой статье В.Милютин.

Разбор учения буржуазного экономиста он начал с исследования теории Мальтуса. Автор рассматривал его взгляды как результат стремления найти аргументы против концепций У.Годвина, одного из самых ярких представителей английского утопического социализма. В своей книге "Политическая справедливость", вышедшей в 1793 году, Годвин поставил вопрос об уничтожении собственности и государства. Взгляды Годвина оказали огромное влияние на английскую общественную мысль и, в частности, на формирование взглядов Р.Оуэна. Милютин считал Годвина одним из самых блистательных

представителей “нового умственного движения в Англии” который “старался доказать, что нравственное зло и все страдания и бедствия человечества имеют свой источник не в природе человека, а в худой организации общества”

Учение Мальтуса рассматривалось Милютиным как прямой антипод теориям европейских социалистов. Он сделал важнейший вывод о том, что “материальное благоденствие рабочих классов является условием всякого другого усовершенствования” и эта идея определила основной пафос его статьи о Мальтусе. Учение буржуазного экономиста было названо им “страшным” в своей античеловеческой сущности. Его теория нравственного принуждения с целью сокращения прироста народонаселения, по мысли Милютина, не имела ни экономического, ни любого разумного основания. Сам он считал возможным устранить неравенство в распределении материальных ценностей на договорных началах. Полагая, что “следует определить меру влияния различных общественных и экономических учреждений на нарушение нормальных отношений” между народонаселением и народным богатством, Милютин пришел к выводу о взаимозависимости экономики и государства, законов и политики. “Кто не знает, писал он, что та страшная нишета, от которой в настоящую минуту страдают почти одинаково все общества Западной Европы, имеет источник не столько в недостатке производительности, сколько в несправедливости и нерациональности тех законов, по которым распределяются ныне богатства между отдельными классами производителей”

Милютин видел спасение в том, чтобы установить справедливые законы и при помощи государства регулировать отношения предпринимателей и работников, разделять материальные блага соответственно труду. “Только общественная власть, писал он, представительница интересов всех и каждого, может своим вмешательством обуздать сильных, покровительствовать

слабым, отрицать несправедливости и противодействовать беспорядку”

Особая ценность научно-публицистических статей Милютина заключалась в том, что в них содержался развернутый анализ политико-экономических учений современных ему западноевропейских ученых. Журнальная публикация давала возможность широкому кругу читателей познакомиться с ними. Белинский писал, что журнал занимается наукою, “но не для науки, его цель не просвещение, а образование; его задача: поставить не занимающегося наукою человека в возможность обратиться для себя вопросы науки в вопросы жизни”

Таковыми “вопросами жизни” для прогрессивно настроенного русского читателя были вопросы социального неравенства, экономического угнетения, поднятые В.А.Милютиным.

Статьи В.А.Милютина оказывали революционизирующее влияние на демократически настроенные круги русского общества сороковых годов. Они изучались в кружке Петрашевского, им дал высокую оценку В.Г.Белинский, охарактеризовав направление его мыслей как “дельное и современно-гуманное, без прекраснотуши”. Характерной была и реакция идейных противников. Так, “Северная пчела” прямо писала, что статьи Милютина “внушены фантастическими идеями социализма”

В 1848 году, отыскивая в печати материалы, содержащие пропаганду революции, Комитет по делам печати так характеризовал одну из статей Милютина: В 11 номере журнала (“Современник” -М.К.) в критике сочинения г.Бутовского о политической экономии изложена полная теория преобразования общественных наук, требующая пересоздания сих наук на началах совершенно новых, совершенно чуждых всем прежним и нынешним писателям” Речь шла о статье В.А.Милютина “Опыт о народном богатстве, или о началах политической

экономии которая была напечатана в N 9-11 "Современника" за 1847 год, а в сокращенном варианте - в "Отечественных записках". Возможно, тревогу цензурного комитета вызвало то, что значительное место в этой статье было уделено характеристике социалистических теорий. Несмотря на критику Милютиным некоторых взглядов социалистов-утопистов Запада в целом подробное изложение для русского читателя содержания "новейших учений" трудно переоценить. Эту статью вполне можно рассматривать как своеобразный способ пропаганды теорий европейских социалистов.

По форме она написана как рецензия на учебник политической экономии, автором которого был русский ученый Бутовский, принадлежащий к школе последователей буржуазного французского экономиста Сея, считавшего, что политэкономия является "наукой о богатстве". Книга Бутовского, по мнению Милютина, "не соответствовала современному состоянию науки", так как автор не только давал искаженное представление о существе науки, но и полностью игнорировал наличие "новейших теорий" т.е. трудов социалистов, которые названы в статье "самыми благородными и возвышенными". В центре размышлений публициста находилась "живая идея человека". Он критиковал "уверенность в непогрешимости частного интереса" принцип полной и неограниченной свободы промышленности, который, по его мнению, "был самым верным органом интересов, идей и потребностей среднего сословия".

Главную историческую заслугу социалистов Милютин видел в том, что в центр своих исследований они поставили стремление "уничтожить страдания", что они заботятся "о судьбе и счастье людей". Это была также и великая гуманистическая традиция отечественной литературы и журналистики 19 века, всегда обращенной к человеку, его судьбе и страданиям.

Сила публицистического воздействия органа печати на читателя определяется не только содержанием отдельных статей, но и системой организации материала в каждом номере. В одиннадцатом номере "Современника" где печаталась статья В.А.Милютина, было опубликовано также четвертое письмо из цикла "Письма из Avenue Marigni" А.И.Герцена, который также критиковал политэкономия Запада за то, что она "явилась отвлеченной наукой богатства и развития средств, она рассматривала людей как производительную живую силу, как органическую машину" Учение европейских социалистов воспринималось русскими публицистами как отражение интересов неимущих, попытка устранить причины бедности. Европейские социалисты, по словам Герцена, "были полны общего блага, полны любви и веры, полны нравственности и преданности, но не знали, как навести мосты из всеобщности в действительную жизнь" Впрочем, и русские публицисты-обществоведы не знали способов "наведения мостов" между практикой и всеобщностью, между теорией и жизнью.

Вторая половина сороковых годов была отмечена в русской публицистике значительным увеличением удельного веса публикаций, посвященных экономике сельского хозяйства. Характерно, что эта тема стала своеобразным прикрытием для пропаганды антикрепостнических настроений вообще. Экономических проблем в то время касались и официальные издания: "Северная пчела" "Земледельческая газета" "Эконом" "Магазин земледения и путешествий" Но в них не было материалов, позволяющих сделать вывод о несовершенстве самой системы, основной упор делался на информацию о всевозможных усовершенствованиях в агротехнике, о способах выращивания скота, хозяйственных советах. Если же и встречалась изредка констатация бедственного положения крестьян, то обязательно с указанием причины - или неумение хозяйствовать, или лень и пьянство мужика.

В обсуждении экономических проблем сельского хозяйства приняли участие издания и других, самых разных идейных ориентаций - такие, как "Московские ведомости", "Московский городской листок" "Литературная газета", "Санкт-Петербургские ведомости", журналы "Отечественные записки" и "Современник"

Замечательным явлением в антикрепостнической публицистике сороковых годов была статья **А.П.Заблоцкого-Десятовского** "Причины колебания цен на хлеб в России" Автор ее, несмотря на высокий пост в иерархии царской администрации, был человеком передовых взглядов. В 1841 году он был направлен во внутренние губернии страны с целью исследовать состояние крепостных крестьян. Результатом этой поездки стала его докладная записка "О крепостном состоянии в России" По словам самого автора, "эта записка так сильно говорила против крепостного права, что не только не могла быть напечатана, но даже в рукописи не могла быть передаваема для чтения без опасности для ее автора" Глубоким убеждением в несостоятельности крепостного права была проникнута вся деятельность Заблоцкого и в министерстве, и в руководимом им "Журнале министерства государственных имуществ" Рамки официального издания ограничивали публицистические возможности, но благодаря Заблоцкому этот журнал поднял ряд вопросов, которые были, что называется, в эпицентре общественного внимания.

А.П.Заблоцкий выступил с резкой, экономически обоснованной критикой крепостнических отношений. Его статья была посвящена, казалось бы, частной экономической проблеме цене на хлеб, но в ней перед читателями вставала живая, реальная картина нерационального ведения хозяйства в крепостной стране. "В последние годы, говорилось в статье, заметно обнаружилось движение в нашем сельском хозяйстве и, как всякое движение вперед, возбудило толки и за

настоящее состояние хозяйства, и против него. Источник такого положения дел Заблоцкий видел в неестественном "антиэкономическом распределении производительных сил"

В статье Заблоцкий критиковал мнение тех, кто старался оправдать систему крепостного хозяйства или предлагал полумеры для улучшения ее. Учреждение кампаний для торговли хлебом, денежные ссуды. По мнению Заблоцкого, эти меры ничего не способны улучшить. "Мы подобны больным, писал он, которые ищут средства к исцелению, не сознавая, что средствам должно предшествовать исследование причины болезни". В статье был дан серьезный экономический анализ состояния торговли хлебом в России. В ней прямо указывался источник обнищания крестьянства - помещичий произвол и эксплуатация. С цифрами в руках Заблоцкий нарисовал типичную для крепостной страны картину, привел убедительные примеры эксплуатации крестьянина. Он полемизировал с защитниками крепостничества, видевшими в крестьянине лишь рабочую силу, а не личность. В статье приводилась точка зрения одного из тех, кто сравнивал необходимость оплаты крестьянского труда с кормлением животных. Автор назвал это "оскорбительным". Основной вывод статьи: экономическая отсталость сельского хозяйства зависит от общественных отношений.

Статья Заблоцкого сыграла большую роль в выработке экономической платформы русской революционной демократии накануне отмены крепостного права, содержала аргументированную критику крепостничества. В сороковые годы почти каждое выступление, так или иначе затрагивавшее острейшую политическую проблему - состояние крепостного хозяйства, воспринималось современниками с особым вниманием. Журнал "Современник" в 1848 году в N 1 констатировал: "Если среди разнообразных

разнохарактерных...современных событий мы мысленно остановимся на минуту, отрешимся от частных и отступим перед картиною современности...то мы невольно будем поражены одним преобладающим мнением, пробужденным сознанием необходимости устроить быт земледельцев на прочном, правильном основании”

Таким образом, в сороковых годах произошло значительное расширение круга проблем, поставленных журналистикой перед обществом. Отечественная экономическая публицистика проявила при этом широкий кругозор, не только представив читателю содержание новейших концепций западных ученых, но и подвергнув их критике за отвлеченность, игнорирование “живого человека”. Впервые в мировой экономической теории вопросы экономики были рассмотрены в прямой связи с потребностями человека и характером общества. Более того, в период, когда ни ученые-экономисты, ни европейские социалисты, ни будущие вожди мирового пролетариата не предлагали конкретных экономических мер для решения проблемы “труд и капитал” в России была выдвинута Майковым концепция “дольщины” а Милютин, по сути, подошел к обоснованию идеи о необходимости регуляции системы свободного предпринимательства; рынка. К сожалению, эти теории тогда остались не востребованными - ни в России, ни, тем более, на Западе, но как показывает история, в дальнейшем развитии капитализма были реализованы идеи, талантливо предугаданные русскими экономистами.

**ЖУРНАЛЬНО - ПУБЛИЦИСТИЧЕСКАЯ
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ Н.А.НЕКРАСОВА
В 40-е ГОДЫ**

Поэт и журналист. Таковы два основных направления литературной деятельности Н.А. Некрасова. Соединение качеств, присущих им, определило своеобразие его творческой манеры. Гражданская позиция Некрасова, носящая характер активного вмешательства в жизнь, и журнальные выступления, содержащие приметы высокого искусства, - таков диапазон творчества писателя.

Поэзия Некрасова изучена достаточно полно. Этого нельзя сказать о его журналистском творчестве. Обращаясь к теме "Некрасов журналист" исследователи, как правило, сосредоточивают внимание на характеристике его редакторской деятельности, связанной с историей двух лучших журналов середины прошлого века "Современника" и "Отечественных записок". Журналы Некрасова стали качественно новым явлением в журналистике XIX века, органами революционной демократии.

Вместе с тем невозможно с достаточной полнотой и ясностью представить себе журналистский путь писателя, исключив из него первые годы его работы в периодической печати. По свидетельству писателя, именно на период с 1841 по 1846 год приходится основная часть того, что им вообще сделано в журналистике: "В несколько лет исполнил до двухсот печатных листов журнальной работы; принялся за нее почти с первых дней прибытия в Петербург".

Но это был, так сказать, внешний, количественный итог той поистине огромной журналистской работы, которая пришлась на долю Некрасова в начале 40-х годов. Внутренний, качественный итог ее был еще более значителен. Журнальная деятельность Некрасова интересна не только потому, что важно все, связанное с именем великого русского поэта. Она дает возможность иметь представление о Некрасове как об одном из талантливейших журналистов прошлого века. Нет никакого

сомнения в том, что не будь Некрасов великим поэтом, и тогда его имя в истории русской печати не было бы забыто.

Первые шаги Некрасова в журналистике связаны с такими изданиями, как “Пантеон русского и всех европейских театров” “Литературная газета” и “Отечественные записки”

Редактором первых двух был Ф.А.Кони, сыгравший в жизни Некрасова большую роль. Он поддержал поэта в самый сложный период его жизни. Некрасов, как известно, нарушил волю отца, отказавшись от поступления в Дворянский полк. Не выдержав вступительных экзаменов в Петербургский университет, поссорившись с отцом, семнадцатилетний юноша остался в Петербурге без всякой поддержки и без средств. “Я очень беден и очень молод, вспоминал поэт об этом времени, -восемь лет боролся с нищетой, видел лицом к лицу голодную смерть” По своему направлению издания Кони примыкали лагерю журналистики, возглавлявшемуся “Отечественными записками” “Пантеон русского и всех европейских театров” и “Литературная газета” хотя и не всегда последовательно, но поддерживали “Отечественные записки” в их борьбе против официоза и “торгового”, болгаринского направления в литературе.

Основное место среди журнальных выступлений Некрасова занимают его **литературно-критические статьи**. Первые отзывы критика о книгах это, как правило, короткие иронические пересказы их содержания. Они насыщены каламбурами, зачастую пародируют стиль произведения. Вот, к примеру, начало небольшой пародийной заметки о повести Угрюмова “Бесприютный” “Напрасно автор назвал свое сочинение “Бесприютным”, пишет Некрасов, оно найдет себе приют там же, где находят его тысячи подобных несчастливцев. “На могиле красота виднее” говорит автор и потому сперва ведет читателей на могилу, вероятно для того, чтоб видны были красоты его создания”

Уже в первых литературных рецензиях Некрасова можно заметить своеобразные черты его почерка: иронический стиль изложения умение самым тоном пересказа выразить свое отношение к рецензируемому произведению.

Наряду с короткой рецензией-заметкой, нередко напоминающей литературную пародию, под пером Некрасова-журналиста складывался и определенный тип газетной литературно-критической статьи. В нем преобладал элемент оценки, публицистического осмысления. Характерным примером этого типа является рецензия Некрасова на второй том сборника "Сто русских литераторов".

Издание это было предпринято известным книгопродавцом А.Смирдиным. По его замыслу, оно должно было познакомить русских читателей с самыми выдающимися произведениями современной литературы. В каждом томе (первый из них вышел в 1839 году, второй, рецензируемый Некрасовым, в 1841) помещались произведения десяти авторов. Издание выходило при поддержке Булгарина, Сенковского и Греча и сопровождалось большой рекламой в "Северной пчеле". Иллюстрировали книгу известные художники К.Брюллов, Г.Тимм и другие. Второй том знакомил читателя с произведениями Булгарина, Вельтмана, Каменского, Масальского и других писателей.

Свое отрицательное отношение к книге Некрасов высказал с первых строк статьи. Остроумно определив "Сто русских литераторов" как "пантеон знаменитостей современной нам литературной эпохи" рецензент иронизировал: "кто имел счастье попасть в "Сто литераторов" тот уже знаменит, хотя бы прежде его поприще нисколько не давало ему права даже на звание плохого писателя".

Особый смысл приобретало замечание автора, что читатель имеет "полную надежду встретиться в "Ста с

такими авторами, которые “могут соперничествовать разве с покойным А.А.Орловым, которого статья и портрет ...также войдут в состав “Ста литераторов” Со времен знаменитых памфлетов А.С.Пушкина имя Орлова стало синонимом литературы “толкучего рынка” и намерение редакции включить его произведение в очередной том убедительно свидетельствовало о невысоком эстетическом уровне издания.

Из всех произведений, представленных в рецензируемом томе, наиболее отрицательную оценку Некрасова получила повесть Загоскина “Официальный обед” Изложив в нескольких строчках нехитрый сюжет повести (рецензия так и начинается: “Варенька любит Холмина, а мать хочет выдать ее за Осипа Андреевича Кочку. Любовники страдают”), Некрасов призывает “подивиться удивительному искусству автора” без которого он не “смог бы исписать сто одиннадцать страниц на такую истасканную, обыкновенную идею Для того, чтобы дать читателю представление о том, чем наполнил автор эти “сто одиннадцать страниц”, Некрасов составляет сатирический план повести.

“1. О том, по какой причине автор изобрел на карте город Бабков, которого нет на карте и о прочем, исписано...8 стр.

2. Рассуждение о том, как Касьяна Гурьевича кусали мухи, на что эта тварь создана и о пр. ...26 стр. и т.д. Далее следует еще пять подобных пунктов. В итоге содержание повести выглядит как счет за обед “итого 111 стр. Сочетание такой формы изложения содержания с названием повести “Официальный обед” придавало рецензии явно сатирический характер.

Уже первыми литературно-критическими работами Некрасов принял участие в литературной борьбе того времени на стороне Белинского. Его критические рецензии на произведения “серобумажной литературы” означали глубокое несогласие не только с ее антихудожественными

качествами, но и с правительственной точкой зрения на само творчество, охранительный характер которого защищал и пропагандировал в своих произведениях Булгарин.

Рецензия Некрасова на книгу Булгарина "Очерки русских нравов" была опубликована в "Отечественных записках" в NN 3 и 5 за 1843 год. В начале статьи Некрасов с гневом и болью характеризует состояние русской литературы, которая превратилась в "торговый дом, в рынок, ...она кинулась на мелочи и совершенно погрязла в них; ...наконец, забыв и стыд, и сан, пляшет перед публикой вприсядку, - и все для того, чтобы заставить публику бросить ей несколько грошей, которые сделались ее единственной целью, ее кумиром, ее губителями!" "Во главе заготовителей означенного товара, - пишет Некрасов, - красуется известный и опытный сочинитель г.Булгарин"

"Картины бледные, безжизненные" "веселость старческая, мешковатая "любезность ребяческая" остроумие натянутое, тяжелое, аляповатое" такие определения находит автор для характеристики творческой манеры Булгарина. Рецензию к "Очеркам" он заканчивает анализом иллюстрации, где "изображен господин весьма подозрительной наружности, в бекеше, в картузе и рядом с ним извозчик" " не разберешь,-пишет автор, извозчик ли у г-на подозрительной наружности просит денег или господин подозрительной наружности у извозчика. Что за охота рисовать такие отталкивающие физиономии, и притом в очерках русских нравов!"

Это был явный намек на Булгарина. Дело в том, что на иллюстрации, о которой идет речь, был изображен человек, похожий на Булгарина, одетый так, как обычно одевался издатель "Северной пчелы" Трижды повторенное "господин подозрительной наружности", да еще в такой сомнительной ситуации, намек совершенно определенный. Выделение курсивом слова. "русских" тоже имело свой смысл. Еще в памфлетах Пушкина 30-х годов

были высмеяны псевдопатриотические высказывания Булгарина, трижды менявшего свое гражданское подданство.

Интересно, что и следующая рецензия Некрасова на очередные выпуски "Очерков русских нравов" заканчивалась рассказом об иллюстрации, где был изображен человек с лицом, "обуреваемом страстью переносить и подслушивать за ширмами" "Лицо его создано художнически, писал Некрасов, кажется, читаешь на нем страшный процесс, каким этот несчастный дошел до унижительного ремесла, которое сделалось для него страстью... Вот таких-то резких типических физиономий надо желать побольше в политипажках. Это, по крайней мере, поучительно и предостерегательно для других...

В этой рецензии Некрасов анализировал способы воздействия Булгарина на русскую читающую публику. Некрасов проследил действие хорошо отлаженного Булгариным механизма рекламы своих будущих сочинений, а также уловок, к которым тот прибегал, чтобы привлечь внимание публики. Некрасов, например, полностью выписал рекламное объявление об издании "Очерков русских нравов" а затем и текст афиши балаганного артиста Лесиера, прибывшего в Петербург с чучелом кита. Вывод - "Согласитесь: сходство удивительное, заставляющее невольно думать, что оба объявления писаны одною и тою же рукою, притом весьма искусно"

Значительную часть литературно-критического наследия Некрасова составляют рецензии на произведения писателей, отстаивающих эстетические принципы романтизма. Огромная масса сочинений этого толка, содержание которых уводило читателя от проблем действительности, наводнила в 40-е годы книжный рынок России, и Белинский рассматривал их как главное препятствие на пути реалистической литературы. Некрасов разделял эту точку зрения.

Главным недостатком этих произведений он считал то, что в них нет "характеров... нет современной жизни, нет картин действительности". В рецензии на роман М.Н.Загоскина "Кузьма Петрович Мирошев" Некрасов составляет целый перечень литературных типов, непременно присутствующих в романтических произведениях. Это и добродетельный резонер и "злодей-разлучник" и дева чудная, которая вздыхает, плачет, говорит сентиментальную дичь и т.д.

Характерно, что все рецензии Некрасова на произведения эпигонов романтизма имеют форму пародии. При этом курсивом обязательно выделяются отдельные слова или словосочетания, входящие в стилевой арсенал романтического стиля: "угнетенная невинность", "рыдания", "чистая душа" и т.д.

Не было в современной Некрасову литературе ни одного сколько-нибудь заметного явления, которое осталось бы вне поля зрения Некрасова-журналиста. Он обратил самое серьезное внимание на так называемые "издания для народа". Эта литература находилась под особым надзором правительства. Еще в 1834 году Главное цензурное управление решило ограничить распространение этих изданий, так как, по его мнению, "приводить низшие классы некоторым образом в движение и поддерживать оные как бы в состоянии напряжения не только бесполезно, но и вредно". Появившиеся в 40-е годы специальные издания "для народного чтения" преследовали скорее чисто коммерческие цели, чем воспитательные.

В 1844 году было предпринято издание серии книг "Воскресные посиделки". Возглавил его П.Бурнашев, один из авторов болгаринских изданий, сопровождалось оно соответствующей рекламой "Северной пчелы". Каждый выпуск книги этой серии стал предметом пристального анализа Белинского и Некрасова. Некрасов посвятил им три рецензии, они стали также темой его фельетона, о чем речь пойдет ниже. Он критиковал составителя

сборника, который, по словам рецензента, полагает, что писать для народа значит сплеча, сломя голову рассказывать ему, что ни попадает под перо, забываясь только од одним, чтоб язык рассказа не походил на тот язык, каким пишут для читателей образованных” “Можно уже сказать теперь утвердительно, что ни плана, ни цели нет в “Воскресных посиделках” ”что составляются они с решительным небрежением бог знает, для чего - может быть для пользы издателей, но никак уже не для пользы “доброе народа русского” - таким был вывод критика.

Перед русскими журналистами, работавшими в области литературной критики, стояла задача не только критически осмыслить процессы литературной жизни, дать им оценку, но и выступить с идеями конструктивными, предложить свою программу, свое понимание целей и специфики литературы.

Некрасов не сразу подошел к решению этой задачи. Знакомясь с его литературно-критическими выступлениями в печати, нетрудно заметить, что они, по преимуществу, отрицательны. Можно буквально перечесть авторов и произведения, которые оцениваются им положительно: это произведения Гоголя и Лермонтова, водевиль П.Каратыгина “Булочная”, а также сборник “Физиология Петербурга” составителем и одним из авторов которого был Некрасов.

Вместе с Белинским в начале 40-х годов он проделал огромную работу, ориентируя общественное мнение на те произведения, которые действительно отражали противоречия жизни, учили критически осмысливать социальную обстановку. Борьба Белинского и Некрасова за торжество принципов “натуральной школы”, в конечном счете, означала требование предоставить литературе право освещения социальных пороков. Выводы, к которым пришел Некрасов после пятилетнего сотрудничества в печати, сформулированы им в рецензии на сборник “Физиология Петербурга

Известно, какое огромное значение придавала демократическая печать тому, что каждое периодическое издание должно иметь цель, направление. Именно на это чаще всего обращал внимание Белинский, анализируя современную литературу. Рецензия Некрасова не случайно начинается с определения цели издания. Автор видит ее в том, чтобы “раскрыть все тайны нашей общественной жизни”, “ход и направление нашего гражданского и нравственного образования”. В этом он видел главную задачу литературы. “Наша жизнь, - пишет он, во всех ее фазах неисчерпаемый источник для наблюдателя и живописца: чего один не подметит в живом слове, то другой доскажет карандашом, в верном образе. Вспомним Белинского: “Поэзия есть творческое воспроизведение действительности как возможности”. И сам сборник, и рецензия на него свидетельствуют о том, что Некрасов глубоко воспринял идейно-художественную концепцию Белинского, в справедливости которой его убедили и собственная издательская практика, и работа в периодических изданиях в качестве рецензента и литературного критика.

Первая **театральная рецензия** Некрасова была напечатана в журнале Ф.Кони “Пантеон русского и всех европейских театров”. Она называлась “Летопись русского театра. 1841 год. Месяц январь”. Подпись состояла из двух первых букв Н.Н. Это был псевдоним Н.А.Некрасова. Первое же выступление молодого журналиста в печати свидетельствовало, что среди русских театральных критиков появился рецензент с оригинальными мыслями, острым пером и наблюдательностью человека, хорошо знающего о чем он пишет.

В жизни русского театра в 40-е годы происходили важные процессы, надолго определившие его дальнейшее развитие. В первую очередь, повысился интерес к нему всех слоев общества, и, как следствие, усилилась правительственная опека.

В этот период вопросы театральной жизни становятся одной из постоянных и главных тем русской прессы. При этом так же, как и в области литературы, в освещении театральных проблем намечаются в эти годы противоположные тенденции, связанные с наличием в обществе противостоящих идейных группировок демократической и официальной, правительственной.

Театр 40-х годов переживал период демократизации, количественного и качественного роста. Появляются постоянные труппы в провинции, наступает новый этап в жизни старейшего драматического театра России Александринского. В 1836 году в Петербурге открылся Большой оперный театр, и основная масса привилегированной театральной публики покинула Александринский театр. Теперь его завсегдатаями стали другие люди – ремесленники, чиновники, торговцы. Они принесли с собой ненасытную жажду зрелищ, неразборчивость, нетребовательность вкусов.

Новая публика меньше читала книг, чем смотрела пьес. Она создавала питательную почву для процветания малохудожественного репертуара и отличалась удивительной невзыскательностью. Впрочем, именно это устраивало тех, кто формировал театральную политику. Русская сцена всегда находилась под присмотром царской цензуры и полиции. Как известно, театры в России были императорскими, и во главе их стояла Дирекция. Обуздать сцену, не позволить ей стать средством обсуждения общественных пороков, не дать возможности привлечь внимание зрителей к социальным проблемам – на этих принципах строилась политика самодержавия в области театрального искусства. В связи с этим особое внимание было обращено на печать. Еще 13 февраля 1830 года появилось так называемое “Предложение Министра народного просвещения Московскому цензурному комитету” повторенное 26 февраля 1845 года, где говорилось: “Статьи об императорских театрах не иначе

должны быть печатаемы в журналах и газетах, как по предварительному рассмотрению и одобрению их г.Министром Двора, которому притом должны быть представляемы вполне, а не отрывками

В одном из писем Министру Двора князю Волконскому шеф жандармов Бенкендорф рекомендовал своеобразный свод правил, которым должна руководствоваться театральная критика: "Вообще разбор театральных пьес должен относиться к похвале или умеренному осуждению сочинения и игры артистов, и...из сферы чисто театральной выходить не должен Бенкендорф требовал также принять меры к "удержанию театральной критики в должных и приличных мерах"

Ясно, что в таких условиях поле деятельности рецензента было чрезвычайно ограничено. За исключением, пожалуй, "Отечественных записок", где выступал с театральными рецензиями Белинский, да "Литературной газеты", в которой сотрудничал Некрасов, все остальные периодические издания тех лет неукоснительно выполняли предписания Бенкендорфа. Так, "Северная пчела" писала, например: "По этой лучшей и благодетельнейшей системе управления, театры наши должны процветать во всех отношениях. Литературному уму и деятельности самый широкий простор, художническим талантам самые лестные награды, зрителям

самые разнообразные удовольствия. Все устроено и ведется к самой прекрасной цели. У нас театры *императорские* (курсив Булгарина. М.К.), и это должно быстро подвинуть народ на поприще образования"

Дирекция императорских театров, во главе которой стоял Геденов, также была вне критики. Безжалостная эксплуатация актерского таланта, закулисные интриги, жертвой которых стала погибшая в 1842 году знаменитая русская актриса В.Н.Асенкова, репертуарная политика Дирекции - все это было запретной темой для театрального критика николаевского времени. Всякие упоминания о

Дирекции исключались даже в том случае, когда критик желал ее похвалить. Так, например, когда в одном из обзоров "Северной пчелы" Р.Зотов рассыпался в похвалах Дирекции, осторожный Булгарин сразу принял меры: "Я вас просил ради бога - прошу и просить буду - не мешайте вы Дирекцию в ваши разборы - ни с плюсом, ни с минусом, - писал он Зотову. - Наше дело - играна была пьеса - хороша ли дурна -играна: хорошо ли дурно и баста!"

В 40-е годы русская сцена медленнее, чем литература, осваивала реалистический метод отражения действительности. Драматургия тех лет наглядное свидетельство того, как сильно давил цензурный и полицейский гнет, усиленный личным контролем царя над театральной жизнью. Это было время, когда на театральных подмостках господствовала псевдопатриотическая драма, переводной водевиль, кровавая мелодрама. Своеобразным "законодателем мод" являлся Александринский театр в Петербурге. Чаше всего после постановки на его сцене пьеса начинала свой путь по другим театрам страны.

Главными драматургами Александринского театра были П.Г.Ободовский, Н.И.Кукольник и Н.А.Полевой. С 1833 по 1854 год здесь было поставлено 43 пьесы Кукольника и Полевого. Среди авторов числился даже генерал Скобелев - комендант Петропавловской крепости, чья пьеса "Кремнев, русский солдат" шла на сцене театра в 1839 году.

Большую половину репертуара составляли водевили. Причину их процветания на русской сцене следует искать в самой природе жанра. В основе его - комедия положения, всякого рода забавные недоразумения, явная развлекательность. Тем не менее, и в этом жанре в 40-е годы намечаются определенные перемены, несомненно, связанные с процессом развития реализма в литературе. Белинский говорил, что водевиль тогда ценен, когда в нем есть указание на существенные стороны жизни. Именно этими чертами отличались лучшие водевили того времени:

“Петербургские квартиры” Ф.Кони, “Булочная А.Каратыгина, “Шельменко-денщик” Г.Основа-Ненки и некоторые водевили Некрасова. Они были сатиричны, злободневны, в них действовал герой сродни тем, кто наполнял театр: торговец, мастеровой, журналист, чиновник. Классические произведения русской драматургии, такие, как “Горе от ума” Грибоедова, “Ревизор” Гоголя, с трудом противостояли потоку малохудожественной литературной продукции, хлынувшему на сцену.

Деятельность Некрасова в качестве театрального рецензента была интенсивной. Приглашенный Ф.Кони для ведения “театральной летописи” в журнале “Пантеон русского и всех европейских театров”, Некрасов вскоре становится одним из основных сотрудников и “Литературной газеты”, где в его обязанности также входил разбор театральных постановок. Рецензии писателя образуют два больших цикла: “Летопись русского театра” в журнале “Пантеон” и “Обозрение новых пьес” в “Литературной газете”

По объему театральные рецензии составляют небольшую часть журналистского наследия Некрасова. Но значение их исключительно велико. Некрасов стоял у истоков русской демократической театральной критики. Его строгие оценки состояния драматургии, желание воспитать взыскательного зрителя с развитым эстетическим вкусом органически включались в борьбу за демократизацию русского искусства, за максимально полное и глубокое освоение им жизненного материала.

Критика репертуара театра одна из главных и постоянных тем Некрасова-рецензента. Уже первая его театральная рецензия полна сарказма по поводу произведений российских драматургов. Он насмешливо отзывался о водевиле некоего Л.Л., написанном по мотивам известного романа Булгарина “Иван Выжигин” “Помните ли вы тот торжественный вечер, - иронически обращался

рецензент к читателю, когда водевиль г.Л.П. "Выжигин" нелепейшее произведение литературы русской, представлялся в первый и последний раз? То была минута великая и ужасная; он падал, а его поднимали... насмех; он кончался в предсмертных судорогах, а ему не давали умереть спокойно"

Некрасов проявил интерес также к специфическим вопросам театрального искусства. "Первое условие сцены - действие", - заявлял он. Это требование он не раз потом повторит в своих театральных обзорах, углубляя и дополняя представление о тех качествах, которыми, по его мнению, должна обладать хорошая пьеса.

Театральные обзоры Некрасова отличаются не только тщательным анализом репертуара тех лет. В них чувствуется пристальное внимание к специфическим особенностям того или иного драматического жанра. Сам автор нескольких водевилей, Некрасов серьезно задумывался над содержанием, особенностями сюжетно-композиционной структуры драматического произведения. "Трудно написать хороший водевиль, очень трудно! писал он, едва ли не трудней кровавой мелодрамы или неистовой трагедии... С чем сравнить положение водевилиста, который садится за перо, чтобы смешить... садится, может быть, в те минуты, когда у него на сердце скребут кошки... И чем смешить, и как смешить?" Он проявлял явный интерес к тем героям, которые "не укладываются в легкую форму водевиля": мастеровым, сидельцам, лакеям, т.е. тем самым "бедным людям", которые стали предметом самого пристального внимания писателей нового направления натуральной школы.

В репертуаре русского театра наряду с водевилем значительное место занимала псевдопатриотическая драма. Основными поставщиками ее были Н.Полевой, Н.Кукольник, П.Ободовский. Произведения этих драматургов буквально заполнили александринскую сцену, тем более, что официальное общественное мнение

всячески пропагандировало и поддерживало их. Дайте нам "Параш" "Дедушек русского флота", "Иголкиных" "Рябовых" (названия пьес Полевого. М.К.) - и это для нас будет лучше всех созданий Шекспира, Гете, Шиллера" писала "Северная пчела"

Открыто критиковать урапатриотические творения признанных правительством драматургов было невозможно в связи с цензурой. Оставался один путь -иносказаний, намеков, тонкой издевки. Именно к такому способу прибегает Некрасов в отзыве о драме Ободовского "Русская боярыня 18 столетия". В пьесе была сцена, где пьяные шведы заставляли боярыню плясать, грозя увести в плен ее сына. Воспользовавшись явной неестественностью сцены, Некрасов замечал: "Так как все пружины драмы изобретены для того, чтобы поставить героиню в такое вожделенное положение, то можете себе представить, как много в драме верности с действительностию, характеров, отчетливости, как она должна понравиться публике Александринского театра, сколько раз был вызван автор, что сказала об этой истинно-русской пьесе "Северная пчела" - словом, можете себе представить...

В другом случае Некрасов пользуется приемом мнимого вожделения достоинства пьесы. В одной его рецензии речь шла о пьесе "Кум Иван" среди главных действующих лиц которой был царь. В начале пьесы он появляется переодетый простым человеком, а в конце открывается и щедро раздает благодеяния, наказывает порок. Говорить о надуманности этого сюжета, его неправдоподобии Некрасов, естественно, не мог, но и пройти мимо тоже было нельзя: А сколько в пьесе русского духа, русских характеров, русской народности времен Иоанна Грозного! -нарочито восхищается рецензент. Только жаль, что немножко, как бы выразиться...построение пьесы неловко, порядок сцен как-то странный, ведены они еще страннее"

В рецензии на драму “Рубенс в Мадриде” Некрасов составил наиболее употребительную схему драмы тех лет. В оценке самой драмы он, правда, разошелся с Белинским, нашедшим, что она принадлежит к “самым образцовым уродам драматической немецкой кунсткамеры” Драма далеко не из дурных — пишет Некрасов. Возможно, что это заявление — лишь повод для того, чтобы очень остроумно высмеять затем современную драму. “Но вот беда, замечает он, в ней нет неистовых рыканий, неправдоподобных превращений, дураки второго акта не делаются умниками в третьем, негодяи первого акта не выдаются за образец добродетели в четвертом, — мало сцен ссорных, где действующие лица бранились бы между собой, вовсе нет сцен примирительных” и т.д.

Критик постоянно выступал против эпигонских, псевдоромантических произведений, и здесь его перо не знало пощады. В рецензии на пьесу К.Ефимовича “Эспаньолетто” Некрасов прибегает к гротеску, нарочито снижает эмоциональный накал пьесы, обнажая ее пустоту и бессодержательность: Дурак Эспаньолетто тотчас и поверил выдумке Ланфранко, и, оставшись один, чуть не лезет на стену от восторга, произнося такую речь: “Гранд Испании, герцог, наместник неаполитанский! Благодарю тебя, небо!.. Ты даровало моей дочери возвышенную душу!” и пр.

Взыскательная, пристрастная критика Некрасова была обращена непосредственно к зрителю. Воспитание эстетического вкуса русской театральной публики критик считал своей постоянной задачей. В одном из “Обозрений новых пьес” в “Литературной газете” Некрасов дал исчерпывающую характеристику тогдашней театральной публики. “Монография обычных посетителей театра очень разнообразна, писал он. Их почти можно разделить на классы и виды. Одни, очень немногие, ходят в театр собственно для искусства...и часто выходят из театра с каким-то тяжелым, болезненным вздохом” К другой группе

критик относит тех, кто посещает театр, “чтобы посмеяться в свободное от службы время” Таких людей - большинство. “Они всем довольны, равно восхищаются Шекспиром и Коровкиным, от всего приходят в равный восторг” “Третьи ходят... единственно для ротика, ножки, зубов, глазок какой-то или такой-то актрисы. Им уже решительно нет дела до театра... К четвертому разряду, продолжает Некрасов, - принадлежат так называемые знатоки, которые бывали будто во всех европейских театрах и ходят в русский единственно из милости” И, наконец, пятые - это “фельетонисты, театралы по необходимости”, как называет их критик.

Некрасов придавал огромное значение роли театральной критики в воспитании зрителя. “Они (фельетонисты М.К.) могли бы иметь влияние на общую массу, но ...что такое фельетонисты?” задает он вопрос. И в ответ дает уничтожающую характеристику современных театральных критиков: “У многих из них нет ни верного взгляда, ни художественного такта, у некоторых нет даже понятия о своем деле. Есть такие, которые почитают своей обязанностью только уведомлять читателей о числе посетителей и начинают свои рецензии так: ...театр был далеко не полон” или “почти полон” и т.д. Тем почти и оканчиваются их критические взгляды”, - писал он.

В театральных обзорах Некрасова почти нет рассуждений об игре актеров. Случайно ли это? По-видимому, критик сознательно исключил из своих рецензий эту дозволенную, поощряемую правительственными кругами область театральной критики. Тем более, что для глубокого анализа игры актера непременно надо было обращать внимание на суть действий, происходящих на сцене, на то, как отражаются в пьесе жизненные процессы, как понимает их актер, а это была уже запретная для русских театральных критиков тема. Да к тому же в атмосфере фаворитизма в императорских театрах можно

было нелестным отзывом случайно затронуть того или иного актера или актрису, за спиной которых мог оказаться “поклонник” из правительственных кругов. Ведь называли же в те годы знаменитого русского трагика В.А.Каратыгина “его актерское превосходительство”

Театральные рецензии Некрасова отличались легким слогом, нередко они имели форму непринужденной беседы с читателем. Они насыщены каламбурами, пародиями, а порой даже имели сюжетную основу. Именно так написана “Летопись русского театра” за апрель, май 1841 года, напечатанная в “Пантеоне” Рецензия начинается с описания юмористической ситуации, когда от автора ...сбежала память. Она ушла от него в “первом часу пополудни, при выходе из Александринского театра” Некрасов сочиняет юмористический монолог - обращение к памяти, которая унесла с собой все впечатления о спектаклях. Наконец, в комнату рецензента являются толпой героини рецензируемых пьес в “виде бледных призраков” и рассказывают о себе. Этот прием позволял в ироническом ключе дать пересказ основных коллизий в пьесах текущего репертуара. Часто использует Некрасов каламбуры, обыгрывает названия пьес. Вот его отзыв о водевиле “Волки в овчарне”: “Волки бы жестоко отомстили бы за себя, если бы узнали, что их вывели с такой дурной стороны. Этих волков съедят мыши в театральной библиотеке, за что я ручаюсь”

Характеристика журнальной деятельности Некрасова будет далеко не полной, если исключить из нее такую важную часть его работы в печати, как **фельетон**. Само это понятие фельетон Некрасова очень емкое. Применительно к художественному творчеству поэта существует даже термин “газетность” как определение одного из существенных качеств его литературного таланта. В это понятие входит присущая творчеству Некрасова злободневность, оперативность отклика на текущие

события. Нередко газетный материал становился для него источником сюжета поэтического произведения.

Из всех жанров публицистики, пожалуй, фельетон оказался наиболее близок Некрасову, характеру его дарования. С самого начала литературной деятельности он пробует силы в этом жанре. В форме стихотворного фельетона написаны такие произведения поэта, как "Провинциальный подъячий в Петербурге" "Говорун и т.д. Элементы фельетона встречаются в некоторых литературных и театральных рецензиях поэта.

Некрасов оказал существенное влияние на формирование этого жанра. Именно в практике его работы наиболее определенно стали звучать основные качества фельетона как художественно-публицистического жанра, в сатирической форме отражающего действительность, ее социальные пороки, недостатки общественного развития. До 40-х годов жанровые признаки фельетона были нечеткими, расплывчатыми. Сам этот термин употреблялся скорее для обозначения неофициального отдела газеты, чем для указания на характер публицистического выступления. Как справедливо отмечает Е.Журбина, "фельетон" "смесь были в понимании русских журналистов наименованием специальных разделов, где печатались разнообразные материалы. Под этой рубрикой встречались и заметки на городские темы, и полемические выступления, и театральные, и литературные рецензии.

Время наиболее активной работы Некрасова в качестве фельетониста 1844, 1845 годы. В этот период определились черты нового литературного течения "натуральной школы" В 1845 году выходит из печати сборник "Физиология Петербурга" ставший знаменем этого направления. Его редактором и составителем был Некрасов. Нет никакого сомнения в том, что практика фельетониста оказала существенное влияние на выполнение тех задач, которые ставили себе поборники и

последователи “натуральной школы”: освещение теневых, отрицательных сторон общественной жизни, привлечение внимания читателей к явлениям социального плана, утверждение критического отношения к действительности.

Фельетоны Некрасова, опубликованные на страницах “Литературной газеты” - качественно новый этап в истории русского фельетона. Широкая степень социального обобщения, наличие художественного образа, четкость авторской позиции, полемичность - именно эти черты некрасовского фельетона стали перспективными для развития этого жанра в будущем.

Тематически они образуют несколько циклов. Это, в первую очередь, цикл, связанный с именем Пружинина под общим названием “Хроника петербургского жителя” Некрасов вел его в течение всего 1844 года и закончил в 1845 году “Записками Пружинина”. Ряд фельетонов объединен одним персонажем - доктором Пуфом. Еще цикл образуют так называемые фельетоны-отчеты о последних литературных и городских новостях. Большой интерес представляют также “Достопримечательные письма” фельетоны-пародии, имеющие в основе как бы реальный человеческий документ.

В цикле фельетонов с действующим лицом Пружининым впервые в русской печати появляется не только сюжет, но и художественный образ. Некрасов создает характер личности, духовно искаленной строем общественной жизни, он исследует его в духе традиций “натуральной школы”. Перед читателем предстают письма Пружинина, его дневник - реальные подробности жизни, рассказанные им самим. Читатель имеет возможность познакомиться с сослуживцами Пружинина и его друзьями, в частности, провинциальным помещиком, чье письмо органически включается в этот цикл. Таким образом, дается как бы срез целого социального пласта среднего чиновничества.

Серия фельетонов о Пружинине открылась “Письмом петербургского жителя в провинцию к приятелю” Форма сатирического письма, классического достояния русской публицистики XVIII века, как нельзя лучше подходила для создания образа фельетонного героя. Разговор велся от имени Пружинина, но это не было собственным псевдонимом автора фельетона, как в сатирах XVIII века. Создается сатирический образ героя. Фельетон Некрасова получает прямой выход в литературу, приобретает качество художественного произведения.

Пружинин - представитель определенной социальной группы, петербургского чиновничества, оплота и порождения крепостнического строя. В его характеристике, данной Некрасовым, нетрудно заметить некоторые черты гоголевских героев, в частности, Хлестакова. Пружинина, например, зовут так же, как Хлестакова, - Иван Александрович. Порой в высказываниях героя фельетона слышатся знакомые интонации чиновников из “Ревизора” “Нет, я бы всех этих шелкоперов, - рассуждает Пружинин, - у меня пиши, да не забывайся. А то, на вот! смотри и то не так, и там взятки берут... Просто никуда не годится...”

Содержание цикла фельетонов о Пружинине можно разделить на две большие части. Одна - физиологический портрет чиновника, другая - продолжение того заинтересованного разговора о литературе и театре, который велся Некрасовым в рецензиях. Этот разговор носит своеобразный характер. Высказывания Пружинина о книгах, спектаклях, журналах удивительно напоминают суждения литературных и идейных противников писателя, с которыми он спорил в своих рецензиях.

В рассуждениях Пружинина о современной литературе нетрудно заметить мысли, сходные с теми, которые развивали противники “натуральной школы” Пружинин из их числа: Я люблю Пушкина, но Бенедиктов для меня лучше Пушкина, как хотите, уж

слишком неглижировал, видно, что совсем без всякого старанья писал: так обыкновенно все, совершенно обыкновенно, а Бенедиктов...

Пружинин предстает типичным представителем той самой “публики”, которая способствовала процветанию в театре официоза, на потребу которой писались незатейливые, пустые водевили, чей неразвитый вкус во многом тормозил развитие русского сценического искусства. В фельетоне Некрасов откровенно пародировал его рассуждения о театре. Вот их характерные образы: Я люблю, когда русские сочинения дают, сообщает Пружинин, - и все русское хвалят: ведь я сам русский! Зато уж терпеть не могу, где шелкопер какой-нибудь выведет, этак, плута какого-нибудь, взяточника...и ну смеяться над ним... ну им всякому человеку в глаза тыкать”

Отзыв Пружинина о пьесе Кукольника “Федор Васильевич Басенок” представляет пародийный пересказ этого произведения. Этим приемом Некрасов не раз успешно пользовался в театральных рецензиях. Применяет он его и в фельетоне. “Был в театре. Давали новое сочинение Кукольника “Боярин Федор Васильевич Басенок” Прекрасная вещь! - пишет Пружинин, - в первом действии так еще ничего, а во втором тюрьма ...Басенок в цепях... в тюрьму приходит дурак... и говорит, что Шемяка у Басенка Наташу отбил. Цепи каким-то образом разбили, и Басенок в красной рубашке вбежал в спальню к Наташе ...Шемяка спрятался ...А Басенок на Наташу обухом”

Некрасовский фельетон был поистине неистощим в поисках “предмета разговора” Он отмечен не только широтой тематики, но и разнообразием форм. Мгновенно схватить и оценить суть события, “колоть намеком” “бить на лету” это были существеннейшие особенности творческого почерка Некрасова-журналиста. Фельетоны Некрасова в “Литературной газете печатались под рубрикой Дагерротип” то есть снимок с действительности. Это как нельзя более соответствовало

их содержанию и направлению. Они запечатлели не только социальные типы людей николаевской России, но и реальные события литературной и общественной борьбы тех лет и могут служить источником для изучения жизненного уклада, взаимоотношений, а также искусства и литературы 40-х годов прошлого века.

Как уже отмечалось, Некрасов вновь возродил в русской публицистике жанр сатирического документа письма. В связи с этим следует особо выделить цикл под названием “Достопримечательные письма”. Он состоит из нескольких писем, написанных от лица самых разных людей. Среди них и послание “От высшего к низшему”, от станционного смотрителя к помещику-покровителю, от купца к купцу, любовные письма, а также письмо “угнетенной невинности” обманутой девушки. Целая галерея самых разнообразных человеческих типов, их взаимоотношения проходят перед читателем. Все письма носят черты подлинного документа, фельетонист сохраняет даже орфографию и пунктуацию, свойственную каждому письму. Письму от купца к купцу редакция “Литературной газеты” предпослала следующее примечание: “Письмо, которое мы хотим теперь сообщить читателям, замечательно во многих отношениях, ибо рисует нравы целого сословия”. В этом письме его “автор” – лицо купеческого сословия – оговаривал те условия, на которых он сможет выдать замуж свою сестру. Он требует от жениха внести тысячу рублей на свадьбу: “Когда евтого вы не захотите или пожалеите 1000 руб., то ищите себе невесту подишевли, а у нас женихи будут”. Стилистика этого документа, безграмотность автора, а также его рассуждения о свадьбе, о гостях, среди которых “люди будут хорошаи, одних баринов будить штук до девяти” полно воссоздавали облик мнимого сочинителя.

Чертами социальной сатиры обладало также письмо, написанное от лица чиновника высшего к низшему, где он упрекает своего сослуживца в том, что “прибыв вчерашнего

числа ко мне прямо от Его Превосходительства, куда были посланы с бумагами, не доложили мне о постигшей Его Превосходительство, к крайнему прискорбию и соболезнованию как его семейства, так и всех друзей и знакомых его, головной боли” Это письмо написано в форме официального циркуляра, что, естественно, еще больше подчеркивало его сатирический смысл.

Увлекающие “живым словом ума”, злободневные, несущие заряд социальной сатиры фельетоны Некрасова стали важным этапом в развитии сатирической публицистики. Некрасов стал создателем особого типа фельетона-физиологии, ярко отразившего характеры, быт и нравы николаевской России. Сатирическая энергия их была направлена на критику всех последствий мертвящего царского режима в области общественной и литературной жизни.

Журналистский опыт, приобретенный Некрасовым в 40-е годы, плодотворно сказался на всей его дальнейшей творческой судьбе. Вместе с тем, его работа в печати значительно укрепила позиции русской демократической публицистики в ее борьбе с идейными противниками. Некрасов был одним из немногих русских журналистов, умевших на практике применить общественно-литературную теорию Белинского к конкретным явлениям жизни, литературы и театра. Именно это создавало своеобразие его почерка как журналиста. Это помогло ему справиться с решением тех творческих задач, которые встали перед ним как поэтом. Принципы, выработанные Некрасовым в эти годы, оказали решающее воздействие на всю его дальнейшую редакторско-публицистическую деятельность. Впереди его ждали “Современник” “Свисток” “Отечественные записки” ставшие под руководством Некрасова классическими образцами демократической журналистики.

Сороковыми годами заканчивается процесс становления журналистики в России как особого рода деятельности. Общественное мнение, формируемое газетами и журналами, становится ведущим фактором развития политических процессов в стране.

К этому времени оформляются теоретические представления о профессии, включающие такие проблемы, как формирование идейной позиции издания, этика и нравственность журналиста, взаимоотношения с читателем.

Укрепляется газетная периодика губернская, ведомственная, специализированная, учитывающая различные потребности читательской аудитории. Ведущим типом издания становится энциклопедический, "толстый" журнал.

В системе печати складываются блоки изданий, соответствующие идейным установкам теории официальной народности, либерализма, революционной демократии.

На шахматной доске общественной жизни России в 40-е годы были расставлены все фигуры. В процессе подготовки и проведения реформ 60-х годов они придут в движение, и каждый новый ход будет означать неотвратно приближающийся конец заданной партии и возможность другой - с новым порядком действий и другим исходом.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	3-4
Исторические особенности возникнове- ния и развития печати в России	4-9
Журналистика периода монополии пра- вительства на печатное слово (1702 1759).....	9-21
Первый частный журнал "Трудолюбивая пчела"	21-26
Развитие оппозиционных настроений в журналистике второй половины XVIII века	26-39
Печать первого десятилетия XIX века	40-54
Декабристские идеи в журналистике первой четверти XIX века	54-65
Русская журналистика конца 20-х и в 30-х годах XIX века. Правительственная поли- тика и система печати.....	66-74
"Северная пчела" Ф.Булгарина - первая массовая общероссийская газета	74-87
Н.А.Полевой и журнал "Московский теле- граф"	87-97
Особенности идейной жизни России 40-х годов XIX века. Система печати	97-123
Экономические проблемы в журналистике 40-х годов XIX века	123-141
Журнально-публицистическая деятель- ность Н.А.Некрасова в 40-е годы XIX ве- ка....	141-166

Ковалева Маргарита Михайловна.

**ЛЕКЦИИ ПО ИСТОРИИ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ
Часть 1. (XVIII в. - 40-е гг. XIX века).**

Учебное пособие.

Редактор - Л.Д.Иванова
Компьютерная верстка - Ю.В.Котов

ИБ № 851

Сдано в набор 15.02.1996 г

Подписано в печать 8.04.1996 г

Формат 60х84 1/16. Бумага типографская № 1.

Печать офсетная.

Гарниттура AG Souvenir Cyr. Усл. печ. л.

Уч.-изд.л.

Тираж 500 экз.

Заказ

Отпечатано в Ревдинской типографии

Книга создана электронным способом с помощью программы
Aldus PageMaker* на компьютере IBM PC/AT Текст оформлен
шрифтом AG Souvenir Cyr

Фотоформы изготовлены на принтере HP Laser Jet 4V и
репродуцированы в типографии.